

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 8 — 1927 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС		СТР.
«МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ» 1927 Г.	«НА СЫР-ДАРЬИНСКОМ БЕ- РЕГУ» — премированный рас- каз (№ 23), иллюстр. И. Вла- димирова	43
ЗАСЕДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНО- НАУЧНОГО ЖЮРИ	«КРАПИВА» — премированный рассказ (№ 361), иллюстр. С. Лузанова	60
ОТЧЕТ ЖЮРИ И СПИСОК ПРЕ- МИРОВАННЫХ РАССКАЗОВ	«ЧОРТОВА КАРУСЕЛЬ» — по- смертный рассказ П. П. Гне- дича, иллюстр. Н. Кочер- гина	72
ОТ РЕДАКЦИИ	—	—
СПИСОК РАССКАЗОВ, КОТО- РЫЕ МОГУТ БЫТЬ НАПЕ- ЧАТАНЫ	«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ»: «ЧЕЛОВЕК - ЗВЕРИНЕЦ», с ил.	79
РУКОПИСИ, ДОПУЩЕННЫЕ НА КОНКУРС	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Задачи № 54, 55, 56—2-я стр. облож	59
«СИЛА НЕВЕДОМАЯ» — преми- рованный рассказ (№ 176). Предисловие академика С. Ф. Платонова, иллюстр. Н. Кочергина	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Решения задач № 55 и 56	59

Обложка работы художника Н. М. Кочергина.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

19

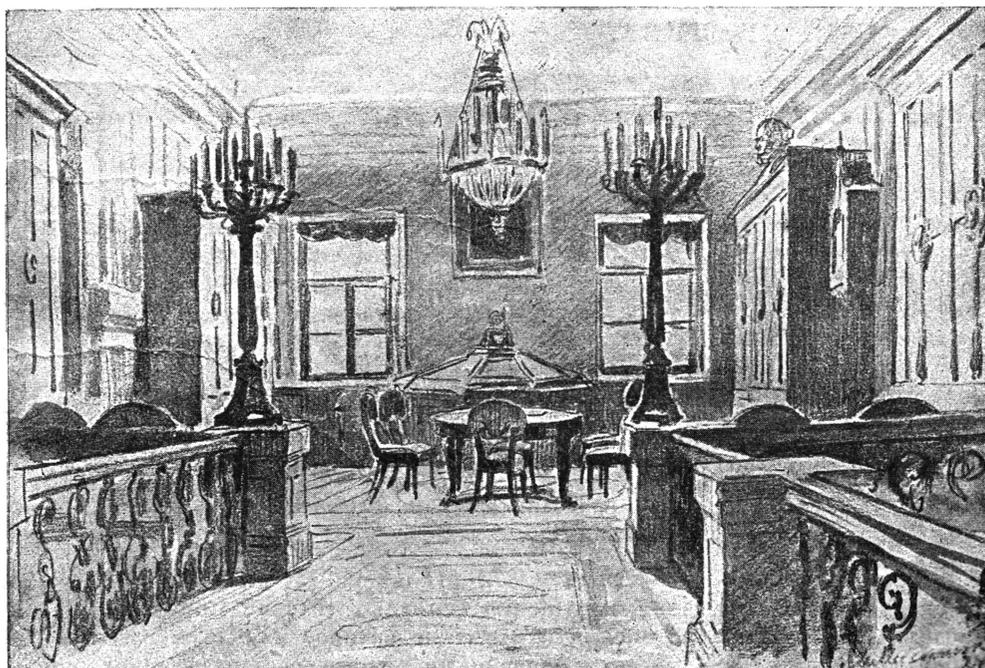

Литературно-Научное Жюри составили: Председатель — Академик, профессор, Директор Пушкинского Дома Академии Наук СССР, С. Ф. ПЛАТОНОВ, и члены (по алфавиту): А. Н. ГОРЛИН — Заведующий Отделом Иностранной Литературы Ленинградского Отдела Государственного Издательства; Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — литературный критик; Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ — Член-Корреспондент Академии Наук, Старший Ученый Хранитель Пушкинского Дома; Ф. К. СОЛОГУБ — Председатель Союза Писателей в Ленинграде; Н. А. ЭНГЕЛЬ — литератор, Ответственный Секретарь Секции Печати Ленинградского Отдела Союза Просвещения, и от Редакции «Мира Приключений»: П. П. СОЙКИН и В. А. БОНДИ (член-секретарь Жюри).

Заключительное заседание Жюри состоялось 20 июня в так называемой «Пушкинской библиотеке», — продолговатом зале вестибюля Пушкинского Дома Академии Наук. Художник М. Я. Мизернюк зарисовал во время заседания некоторых членов Жюри. Автографы их — на портретах. На рисунке изображен и прекрасный, стильный уголок Пушкинского Дома, где в шкафах слева и справа, принадлежавших Сперанскому, хранится личная библиотека А. С. Пушкина. Посредине — овальный стол Александровской эпохи, за которым обычно происходят литературные заседания Пушкинского Дома.

„МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ“

27

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

Журнала „МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ 1927 года

От Литературно-Научного Жюри

Литературно-Научное Жюри Конкурса журнала «Мир Приключений» в заседании своем, состоявшемся, под председательством академика С. Ф. Платонова, 20 июня 1927 г., большинством голосов признало лучшими из всех доставленных на конкурс произведений следующие десять. Перечисление их идет в порядке поступления. Цифра — обозначает № по регистрации.

19. ЗОЛОТО (Из амурских былей).
Девиз: *Уссури.*
28. НА СЫР-ДАРЬИНСКОМ БЕРЕГУ.
Девиз: *Ярче свет — темнее тени.*
176. СИЛА НЕВЕДОМАЯ.
Девиз: *Себя на суд вам отдаю.*
198. ТАЙНА ГОРЫ КАСТЕЛЬ.
Девиз: *Летучая мышь.*
212. ИЗ ДРУГОГО МИРА.
Девиз: *Dum ignoramus.*
361. КРАПИВА.
Девиз: *Все к лучшему.*
473. АКИМ И МИШКА.
Девиз: *Призыв.*
700. СТАРЫЕ МЕРТВЕЦЫ.
Девиз: *Тот, кто верой обладает
В невозможнейшие вещи,
Невозможнейшие вещи
Совершать и сам способен.*
Гейне.
784. ЛУЧИ ЖИЗНИ.
Девиз: *Юниор.*
802. ЗУБ ЗА ЗУБ.
Подпись: *Иван Буйный.*

Всего на конкурс поступило 874 рукописи. Из них 64 не допущено к соревнованию вследствие нарушения основных условий Конкурса. В том числе: 1) рукописи с подписями и адресами авторов или с открытыми сопроводительными письмами, заключающими эти же сведения; 2) рукописи,

присланные совершенно анонимно, без добавочных запечатанных конвертов с именем; 3) драматические произведения и стихотворения; 4) рукописи не на русском, а на одном из языков республик, входящих в состав Советского Союза. Все эти оригиналы переданы в распоряжение Редакции журнала «Мир Приключений», прочитаны, и один из рассказов напечатан.

Всего рассмотрению Жюри подлежало 810 рассказов. (Полный список их печатается ниже). Цифра эта, огромная сама по себе, прежде всего свидетельствует, как велик был среди пишущих интерес к начинанию Редакции журнала.

Прием и рассмотрение такого большого количества произведений, преимущественно новых и начинающих авторов, заслуживает общей, хотя бы и краткой, характеристики.

Нельзя пройти мимо одной любопытной особенности большинства присланных рукописей. Отправители запаковывали их так, будто не почте вверяли на несколько дней, а готовили их на вечное хранение и задались целью возможно затруднить доступ к ним. Совершенно непроизводительно тратилось много времени на освобождение скатанной рукописи от различных оболочек и на вскрытие ее без повреждений, а также на отыскание хитро запрятанного или приклеенного сопроводительного конверта.

Были и другие, также непредвиденные причины, вынуждавшие членов Жюри к особенно тщательной разборке пакетов. Часто, несмотря на усердные поиски, при рукописи не оказывалось дополнительного конверта. Тогда на рассказе делалась соответственная пометка, верхняя почтовая оболочка прикреплялась к рукописи, рассказ не регистрировался на Конкурсе, а передавался в Редакцию, где получал свой очередной номер и заносился в книгу зауряд поступающих материалов для журнала. Иногда, через несколько дней, а то и через неделю или даже две, приходил отдельно дополнительный конверт с девизом и именем. Очевидно, автор спохватывался, что забыл прислать во-время. Приходилось отыскивать рукопись в Редакции и включать ее в число допущенных на Конкурс. Некоторые авторы, неизвестно с какой целью, присылали потом, с промежутками в несколько дней, и по два таких конверта, и путали регистрацию. Были и такие, что, спустя много времени, отправляли дополнительный конверт с краткой надписью: «К посланной ранее рукописи», не давая себе труда обозначить название вещи и девиз. Нужно было по почтовому штемпелю и по почерку отыскивать на оболочках отложенных рукописей ту, к которой этот конверт должен относиться. Весьма многие не писали то на рукописи, то на конверте одного или обоих необходимых данных: названия и девиза. Нужно было сейчас же дополнять и вписывать во избежание путаницы и возможных совпадений.

Из-за небрежности или рассеянности авторов, вернее же—вследствие непривычки большинства к строго дисциплинированному и аккуратному труду, процедура регистрации одной рукописи в среднем отнимала около 15 минут. Не трудно подсчитать, сколько рабочих часов в общей сложности занял один только прием рукописей. И при нормальных условиях весьма простая, приближающаяся к механической, регистрация превратилась здесь в сложную и кропотливую работу. Ее нельзя было доверить конторщику и сами члены Жюри, в интересах авторов, вынуждены были заниматься регистрацией.

По исконной и, к сожалению, еще не изжитой русской привычке откладывать дело до последней минуты, авторы в большинстве случаев отправляли свои произведения перед самым предельным сроком, и бывали дни, когда почтальоны, изнемогая под тяжестью перегруженных сумок и добавочных перевязанных пачек, приносили сразу по 1^{1/2}, по 2 пуда рукописей с конвертами или без них...

Но не в этих только внешних, формальных недочетах проявлялась небрежность авторов. Лишь меньшая часть рассказов перепечатана на машинке

или с некоторой тщательностью перебелена. Более чем половина написана плохо, неразборчиво, наспех, с пометками, с исправлениями. С грустью приходится отметить несколько наивно циничных писем, заявляющих, что «современному писателю некогда переписывать или отделять свои вещи» и что Жюри и Редакция могут «взять это на себя». Конечно, такие рассуждения — клевета на настоящего русского писателя, но печально, что могут существовать подобные «принципиальные» взгляды на литературу среди людей, которые хотят и, как будто, надеются стать писателями.

Надо думать, что при следующих конкурсах или вообще при сношениях с редакциями кандидаты в писатели будут впредь более осмотрительными.

Чтение таких черновых рукописей, конечно, сильно замедляло общий темп работы.

Оставаясь в пределах своих прав и обязанностей, Жюри не могло «брать на себя» переделку и шлифовку. Оно должно было оценивать рассказы в том именно виде, как они доставлены и, быть может, если бы некоторые авторы отнеслись к своей задаче серьезнее и вдумчивее, забывали, что идут на Конкурс по своей воле и что успех не только даст деньги, но и выдвинет начинающего автора, — быть может, список десяти подлежащих премированию рассказов имел бы несколько иной состав... Разумеется, случайные срывы языка, описки, пропуски слов не принимались в расчет, исправлялись, и вещь обсуждалась всеми членами Жюри по существу, без всякого влияния этих мелких промахов на оценку.

Авторы, далее, в подавляющем большинстве совершенно не соблюли одно из основных условий Конкурса — размер рассказа, хотя пункт 3-й ясно определял его, ограничивая в пределах от $\frac{3}{4}$ до 1 печатного листа и указывая приблизительное число букв. На Конкурс же присланы произведения всевозможного объема — от одной-двух исписанных четвертушек, до 3—4 печатных листов, целые повести и романы. Если бы строго применить этот пункт, то число допущенных на Конкурс рукописей съузилось бы до минимума, исчисляемого несколькими десятками; поэтому Жюри, в интересах справедливости, решило не слишком строго относиться к требованию ограничения размеров рассказов, сохраняя в силе все остальные существенные задания Конкурса.

Следует отметить, что только немногие авторы рискнули прислать переводы или переделки с иностранных языков, или произведения заимствованные. Все эти вещи, несмотря на проявленную их творцами подчас и большую ловкость, были узнаны и, конечно, не попали в число премируемых.

По сюжетам все 810 рукописей можно разбить на две приблизительно равные части: рассказы бытовые и фантастические.

В первой группе значительное число рукописей поражает своей тематической и художественной незаконченностью.

Прислано, между прочим, много отрывков, которые, быть может, при известных условиях, годились бы в качестве материала для глав романа, но на Конкурсе рассказов не могут претендовать на внимание. Прислать такие отрывки, вероятно, побудила авторов нынешняя мода печатать отдельные главы из еще не оконченных романов.

Получено много бытовых, преимущественно деревенских картинок, бессюжетных, томительно скучных, хотя чувствуется, что авторы писали свои наблюдения с натуры, быть может сердцем переживали написанное. Непосредственность и искренность — отличительная черта таких произведений. Но они лишены яркости, силы образительности и — ниже среднего уровня требований, предъявляемых к художественной литературе.

Следующими по количеству идут рассказы из эпохи гражданской войны, — к сожалению, только слабые перечевы того, что уже много раз напечатано за последние годы.

Столкновение двух миров, — старого, дореволюционного, и нового, создающего иную жизнь, — к удивлению Жюри, представлено сравнительно небольшой группой произведений, лишенных всякого литературного и художественного значения. Очевидно, величие темы, широта охвата, — оказались не под силу. В числе этих рассказов есть только один, интересно задуманный и красочно написанный, но перенасыщенный эротикой, которую нельзя устранить, как кровь из вен. Этот рассказ не может быть напечатан.

Вообще же эротические темы избраны многими, и половой вопрос с весьма специфической, — говоря прямее и резче — блудной точки зрения, — трактуется с большим усердием. Любопытно отметить, что только минимальное количество рассказов этого жанра наваяно чтением фривольных иностранных авторов. Темы, трактовка их и психология действующих лиц — носят печать самобытности, уклада своего, а не чужого. Этот эротический уклон у начинающих авторов — явление характерное, но, несомненно, временное, преходящее. Его, однако, нельзя обойти молчанием.

Пробудившийся интерес к краеведению нашел себе отклик в значительном количестве очерков этнографического характера, написанных в общем с несомненным званием дела, но не беллетристических, а сухо-деловых.

Рассказов о преступлениях и сыщиках, к счастью, уже немного. Очевидно, увлечение прошло. Но даже и в этом типе повествований прорывается подчас эротическое устремление авторов. Не пощажен и «добродетельный старик» Шерлок Холмс, волею не Конан-Дойля, а неизвестного русского автора одной пародии, превратившийся в грубоватого эротомана на русский лад.

Мало прислано рассказов исторических. Наименьшее по численности место занимают рассказы юмористические.

Во второй основной группе — рассказы фантастические — преобладают две темы: полеты на другие планеты и утопические картины то близкого, то далекого будущего, предстоящего человечеству. Социальное переустройство мира и величайший прогресс в технических достижениях являются основными мотивами этих произведений, но, к сожалению, все они крайне поверхностны, не имеют ни научной, ни общественной, ни литературной ценности и свидетельствуют только о добрых намерениях их авторов. Следует подчеркнуть, что начинающие писатели, участвующие в Конкурсе, в общей массе своей чутко прислушиваются к завоеваниям науки, и даже самые последние научные открытия встретили свой беллетристический отклик.

Разбивка по сюжетам указывает, чем интересуется по преимуществу начинающий писатель, но прочтение 810 рассказов дает возможность с известной правильностью судить и о силах и средствах этого писателя. Яркого, блестящего таланта, громадный Конкурс не был в состоянии выделить. Такого таланта пока нет, и нужны, быть может, еще годы, чтобы он обнаружился. Природные способности чувствуются у многих, но они умалены, вянут от недостатка образования, порою даже — грамотности, а в значительной степени, — и это самое главное, — от собственного небрежения, от отсутствия работы над собой и даже видимого желания работать. Можно ли помочь этим дарованиям или они заглохнут? Конкурс для того и был организован, чтобы люди способные, одаренные литературным стремлением, могли показать себя спокойно, без риска для самолюбия, при наиболее благоприятных и беспристрастных условиях для вступления в литературную семью. Это был грандиозный и доброжелательный литературный экзамен. А шли на него весьма многие «на авось», не придавая ему должного значения и цены, писали наспех, с плеча. «Кривая не вывезла» и, — прибавим, — не вывезет никогда. Только планомерный, вдумчивый труд, эта первооснова всего, может дать успех в литературной области, как и во всех других. И поэт, и прозаик, как бы они ни были богато наделены природой, должны быть и усердными работниками. Одного вдохновения мало. Мы знаем, как работали над своими произведениями великие Пушкин и Толстой.

Избрав для суда читателей 10 из всего числа доставленных рассказов, коллегия Жюри произнесла свой приговор. Никаких письменных или устных индивидуальных оценок и суждений по отдельным рукописям Жюри давать не может.

При постановке своего решения, Жюри должно было принимать в соображение и идеологическую сторону. Шесть рассказов из включенных в группу произведений, подлежащих окончательной баллотировке, не могли быть напечатаны даже при условии единогласного одобрения всех членов Жюри, и поэтому в решающем заседании Жюри эти 6 произведений не подвергались новому обсуждению и не баллотировались.

Остальные рассказы, не удостоенные премий, но годные к печати, некоторые с исправлениями, изменениями или с переработкой, переданы в распоряжение Редакции журнала.

Главная работа Жюри закончена. Ему осталось только наблюдать за подсчетом баллотировочных карточек, которые пришлют читатели по прочтении всех 10 избранных рассказов, затем зарегистрировать порядок распределения читателями премий и огласить имена авторов.

Литературный опыт членов Жюри позволяет ему с несомненностью притти к заключению, что, среди неизвестных ему пока авторов премированных рассказов, большинство — начинающие писатели. Пусть премирование их произведений послужит им поощрением к дальнейшему самосовершенствованию и развитию тех литературных дарований и способностей, которые они теперь обнаружили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Академик С. ПЛАТОНОВ.

ЧЛЕНЫ (по алфавиту):

А. ГОРЛИН.

Р. ИВАНОВ-РАЗУМНИК.

В. БОНДИ.

Б. МОДЗАЛЕВСКИЙ.

Ф. СОЛОГУБ.

П. СОЙКИН.

Н. ЭНГЕЛЬ.

От Редакции.

С этого номера начинаются печатанием премированные на нашем Литературном Конкурсе рассказы. Закончится их опубликование в Октябрьской книжке. При ней же будет разослана подписчикам подлежащая возврату баллотировочная карточка, на которой, согласно условию Конкурса, мы просим наших постоянных читателей проставить в нисходящем порядке, по своему усмотрению, №№ премированных рассказов, и тем самым подать свой решающий голос за то или иное распределение премий. Карточки будут подсчитаны при надлежащем контроле. Без промедления, в публичном заседании, будут вскрыты конверты с именами авторов и выплачены премии. Таким образом, Конкурс весь закончится в этом году.

Редакция просит авторов премированных рассказов не позднее 1 ноября прислать, для помещения в журнале, свои портреты и биографические о себе сведения. Письма эти, в видах сохранения тайны, необходимо посылать заказными и адресовать в редакцию с надписью: «Лично. В собственные руки. В. А. Бонди». Портреты и биографии будут напечатаны одновременно с актом вскрытия конвертов с именами.

Ниже печатается список рассказов, по тем или иным причинам не премированных и переданных из ведения Жюри в Редакцию. Согласно примечания к п. 6 Конкурса, Редакция предлагает авторам, произведения которые включены в этот список, сообщить, желают ли они поместить свои рассказы на редакционных условиях. При извещении необходимо указать №, которым зарегистрирована рукопись на Конкурсе, и обязательно написать

полное имя и адрес, для установления тождества с данными, заключающимися в запечатанном конверте.

При некоторых рассказах, доставленных на Конкурс, были приложены марки для возвращения рукописи. Об этом в регистрационной книге сделана своевременно пометка и такие рукописи теперь же возвращаются.

Остальные авторы, желающие получить обратно свои конкурсные рукописи, (полный список их помещен здесь же) должны прислать марки и непременно обозначить № регистрации для сличения имени и адреса со сведениями запечатанного конверта. Наложным платежом рукописи не возвращаются. Невостребованные рукописи вместе с конвертами будут уничтожены до конца текущего года.

Список доставленных на Конкурс рассказов, которые могут быть напечатаны в „Мире Приключений“ по приглашению с Редакцией.

Цифра—№ по регистрации. Название рассказа набрано черным шрифтом. Светлым—девиз.

- № 9. Динозавр. Все совершенствуется.
№ 10. Кинжал Абдулки. Обычай—зло жизни.
№ 13. Героиня Революции. Verba volant—scripta manent.
№ 90. Секрет инженера Кнака. Senectus ipsa morbus est.
№ 104. В век мамонта. Альфа.
№ 107. Хитросплетенная месть. Из прежних времен.
№ 115. За что я был арестован. Синий кругозор.
№ 120. Благодарность. Экзотика и современность.
№ 141. „Нечистый“. Невозможное прекрасно.
№ 144. Кратер Коперника. Одна семья.
№ 146. Третья возможность. Книга голубиная.
№ 147. Шапка-невидимка. Это было чучело змеи. Ее глаза были пуговицами от женских ботинок (А. Бирс).
№ 178. Когда заговорил камень. Валун.
№ 209. В пустыне. Борис Ломана.
№ 232. Ха из стаи Хоу. Си.
№ 249. История одного поступления в ВУЗ. Фоф.
№ 289. Все из ничег. Скиф.
№ 317. Путиами Икара. Per aspera ad astra.
№ 333. Феникс. Жизнь—лучший романист.
№ 345. Странные происшествия на заводе «Красный Молот». Sui generis.
№ 364. Рассказ молодого человека. И вслыл Петрополь, как Тритон, по по с в воду погружен...
№ 399. Одна треть жизни. Ласточка.
№ 445. Из мрака прошлого. Черным по белому.
№ 455. Копи Чжайла—Нор. Кайластуй.
№ 478. Мой защитник. Omnia mea mecum porto.
№ 482. 1002-ая Ночь. Это было в Петербурге в 19-м году.
№ 505. Ассепсантас. Человек может совершать поступки и поступочки. Разница между ними та же, что между монетой и уличной жизнью.
№ 511. Розовый жемчуг. Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман.
№ 576. Нежданная развязка. Только пролетарская революция дала раскрепощение угнетенных от религиозного дурмана, на основе которого существовал монархический строй со всеми вытекающими злыми последствиями для поработенных.
№ 577. Палец. Гуманным чувствам человека.
№ 589. Авария. Фантазия предвидит возможное.
№ 625. Раки Кошевого. Чтобы понимать настоящее, надо знать прошлое.
№ 637. Шука. Смотри в жизнь внимательно—в самом простом найдешь интересное.
№ 680. Барышня Марья Алексеевна. Не обходи людского горя.
№ 704. Судебная операция. Vanitas vanitatis.
№ 710. Alter ego профессора Второва (второе я).
№ 719. Так Гау учил...
№ 721. Амеба-гигант. Невероятно, но возможно.
№ 727. Хрусталеv из Чистополя. Пишите так, чтобы словам было тесно, а мыслям свободно. Анат. Франс.
№ 729. Звездный подарок. Уралец.
№ 738. Возмездие. Sic transit gloria.
№ 745. О Вольтере, графе Сциборе Мархоцком и разбойнике Мините. Смотри в корень.
№ 747. Необычайные события в селе Верхи. Правда—правда.
№ 750. Встреча. Трудно жизнь пройти—не оступиться.
№ 760. Последняя партия. Быть или не быть.
№ 797. Трест О. П. Лучше поздно, чем никогда.
№ 801. Бицик. Регенерация.

Рукописи, допущенные на Литературный Конкурс „МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ в 1927 году.

Цифры обозначают №, которым зарегистрирована рукопись. Черным шрифтом напечатано название рукописи, светлым—девич, избранный автором.

1. Вотровжил.—Труд.
2. Слепой.—Железная воля—залог победы.
3. Людоеды.—Икарам—крылья.
4. Сон.—Это будет, и мы победим.
5. Митина.—
6. Паутух.—
7. Сценна в ресторане.— } Знать, сметь, мочь, молчать.
8. Ради дьявола.—
9. Динозавр.—Все совершенствуется.
10. Кинжал Абдули.—Обычай—зло жизни.
11. И плохо, и хорошо.—Иногда даже ничтожный случай, переворачивает жизнь...
12. Фиолетовый.—Batley.
13. Героиня революции.—Verba volant,—scripta manent.
14. Под гнетом произвола.—„П“.
15. Мать.—78/0.
16. В обходе.—Борьба.
17. Люди крайней хаты.—Честному человеку скрывать нечего.
18. Оправдание.—Ни одна блоха не плоха.
19. Золото.—Уссури.
20. Румье зверовода.—Жизнь—бездонная тема для сказок.
21. Находчивость.—Не Джек Лондон.
22. Номосольская свадьба.—Кавч.
23. Рубиновое Кольцо.—Мал золотник—да дорог.
24. Сон Петьи.—Двое.
25. Верочка.—Знать, сметь, мочь, молчать.
26. Геджучи.—Жизнь—лестница, и человек должен лезть по ней только вверх.
27. Повесть о том, что никогда не статится.—Пробуждение в человеке добрых чувств.
28. На Сыр-Дарьинском берегу.—Ярче свет—темнее тени.
29. Спичка.—Борьба.
30. Вызов.—Один в поле не воин.
31. Часы.—Вылов.
32. Человек, который забыл.—Gaudens.
33. Не в своей тарелке.—Ремингтон навеселе.
34. Сельнор—Скала № 21070.
35. По ту сторону.—Лета.
36. Ночные видения.—Я знаю то, что ничего не знаю.
37. Привидение.—Свобода, правда и любовь.
38. Услуга за услугу.—„В. Ж. 1“.
39. Через крутизны к звездам.—Аэлита.
40. Властелин солнца.—Фантаст.
41. Пещера пыток и смерти.—Создание воздухофлота—обеспечит мирный труд пролетарских масс.
42. Река мертвых.—Дерзай!
43. Ляля Иконова.—Кактус.
44. Химера.—Dust.
45. Необыкновенные люди.—Красота спасет мир.
46. Оттали.—Во тьму—поганку мыслишку, к свету—красавицу мысль.
47. Стеннян.—Да не робей за отчизну любезную.
48. Нанун февраля.—Всего будь бесстрастный свидетель, на все устремляя свой взор! В. Б.
49. В стенах мрана.—Борис с невежеством.
50. В подводном царстве.—
51. Харьковский пожар в 1872 году.— } Antropos.
52. Пассажир.—Самобладание авиатора—сталь.
53. Призраки.—Через препятствия—к цели.
54. День новый.—Жизнь—борьба.
55. Конец земли.—Уртак.
56. Расстратчик.—Грызун № 55.
57. Огненный бог.—Старый.
58. На осрока винтах.—Леша.
59. Остров „Эсперо“.—Наука, стремясь к истине, даст победу справедливости.
60. Приключение разведчиков отряда имени Коминтерна.— Литература—зеркало нашего быта.
61. Морские бродяги.—Мельмот—скиталец.
62. Портной Васильев.—Иди, душа, во ад и буди вечно пелена!
63. Жена Цезаря.—Логика.
64. Во вторую смену.—Васта.
65. Гебрахит.—Да здравствует электричество.
66. За хлебом.—Литературный следопыт.
67. Этерий.—Л. Киллени.
68. Международный вагон № 058 В.—Жизнь—сила, нет места слабым в ней.
69. Заплатки Ильича.—Дела минувших дней вспоминаем.
70. Цветок мести.—Голова медузы.
71. Сон эмигранта.—Арфа.
72. Второй Титаник.—Улучшить конструкцию океанских пароходов и поднять технику артиллерии.
73. Вторая жизнь профессора Жордана.—Жизнь снова—дене или кошмар.
74. Волки.—Русская быль.
75. Две противоположности.—Мрачный.
76. И за гробом.—Авось.
77. Волжанна Маня.—За пробуждение низов.
78. Приключение в дороге.—Акбашка.
79. Кто он?—Великий подвиг, как бы различно ни истолковывался отдельными эпохами и направлениями никогда своей исторической значимости не потеряет.
80. Сто тысяч.—Буслай.
81. Торжественный акт правосудия.—Дейблер праздновал юбилей.
82. Гомо.—Маули.
83. В стальной шнорхле.—Пером и станком.
84. Приключения Алеши Пустынного в стране Антаннистов.—Голова Медузы.
85. Шырки.—
86. Таранная смерть!—Со щитом или на щите.
87. Лесник.—„Ф. В.“.
88. Подарок.—Молодость—сила.
89. Доход лорда Генри.—Кто не рискует, тот не выиграет.
90. Секрет инженера Кнаана.—Senectus ipsa merbus est.
91. Два гения.—Добро и разум—сила жизни и светоч наших дней.
92. Нэзма.—Фосфоритину—осанна!
93. Борзая мистера Хорти!—Honds off.
94. Властелины мира.—Да здравствует фантазия.
95. Туда.—Мария Пекарская.
96. Драма у обрыва.—Физкультура.
97. Рыболовы.—Легко про войну слушать, да тяжело ее видеть.
98. Игнат.—Пан Палендрос.
99. Смелчан.—„Ф. А. В.“.
100. Царь морской.—Стремиться к братскому единодушному миру.
101. Коварный иститель.—Стремиться к братскому единодушному миру.
102. Три желанья.—Сгинет ложь, сгинет зло навсегда.
103. Трюн.—Безумству храбрых поем мы песню.
104. В век мамонта.—Альфа.
105. Нянька.—От плоскости к пространству.
106. Человек в ноже.—И с правой ложь срослась, и к правде так пристрадала, что отскоблить ее нельзя никак.
107. Хитрослетенная месть.—Из прежних времен.
108. Огромный.—Смелая гипотеза.
109. Первые шаги.—Одуванчик.
110. Коноцки.—Настанет день.
111. Слово и дело.—Дела человеческие на тонкой нитке висят (китайская поговорка).
112. Дети Чаявых.—Одна отрада на земле—жить и дышать мечтою неба.
113. Разоренное гнездо.—Порыв.
114. Председатель сельсовета.—Революция—факал в деревне.
115. За что я был арестован.—Синий кругозор.
116. Месть.—Вперед.
117. Молоденский бунт.—Вороп.

118. Синяя звезда.—
 119. Кири горы. Несмеян Мирославич.
 120. Благодарность.—Экзотика и современность.
 121. Стелла.—Крестьянство.
 122. Любовь делопроизводителя Тимофейкина.—Тургеневы разные бывают (Н. А. Лейкин).
 123. Лучи смерти.—Твори.
 124. Дежурство.—Всяко бывает.
 125. Крест.—Ф. А. В'л.
 126. Ночь не перед, а на рождество.—Даешь!
 127. Шах и мат.—Свободу женщине.
 128. Девна-парень.—Привет тебе обитель мира, привет тебе прият священник (Фауст-Гете).
 129. И-айн-норо.—В единении сила.
 130. Котенок.—Цыпленок тоже хочет жить.
 131. В дебрях тайги.—Быть может.
 132. Пережитое.—Как сон мелькнула предо мною
 Картины прошлых жутких дней
 Среди развалин и огней,
 Покрытых мрачной пеленою.
 133. Игнат.—Долой все девизы.
 134. Праздник Чагагам.—От прадеда к правнуку.
 135. О граммене пузырьке и столбе красного дерева.—
 Я испытываю превратность судеб.
 136. Заблудился.—Наука в народе, что солнце в природе.
 137. Кровавое воскресенье.—Sine ira et studio.
 138. Семим абхазец.—Става побежденным.
 139. Рассказ безработного.—Тыше едешь, дальше будешь.
 140. Волшебная ночь.—Всякое чудо рождается нашим
 недоразумением.
 141. Нечистый.—Невозможное прекрасно.
 142. Маленький вольнодумца.—Где пройдут ее стоны,
 земля родит весенние цветы.
 143. Три тысячи.—Любите жизнь.
 144. Кратер Наперника.—Одна семья.
 145. На забитом в глуши разезде.—Дружней за культурность в глуши.
 146. Третья возможность.—Книга голубиная.
 147. Шапка-невидимка.—Это было чудело змея. Ее глаза
 были пуговицами от женских ботинок
 (А. Бирс).
 148. Предатель.—Вперед к свободному труду.
 149. С Марса на Марс.—Да здравствует союз планет.
 150. Монастырский луг.—Номо homini lupus est.
 151. Заяц—выдал.—Нужно убить нужду, а с ней жадность.
 152. Антон-доброволец.—Поскоблить иную деятельницу—
 обнаружится курица.
 153. Визит.—Федиш.
 154. У диких скал.—
 155. Убийца с того света.—Немудрено того добить,
 кого уж добывать не надо.
 156. Красноармеец.—Учись.
 157. За что?—П. С-ко.
 158. Первая леница.—Оник.
 159. Антоновцы.—Макар Ивни.
 160. Предшественники.—В единении—сила!
 161. Духи „Ничегого гездега“.—Долой безграмотность
 и суеверие.
 162. Опасный документ.—Кочегар.
 163. Пост.—Жизнь—суровая школа.
 164. Лесная бэль.—Блуждающие огни.
 165. В две тысячи сотом...—Любовь—трагична. Общественное
 без личного—мертво. Самолюбие—
 палка, разбивающая стаканы.
 166. Двенадцатая ступенька.—Macte animo.
 167. Зов воздушного океана.—Спешите на зов своего
 океана.
 168. Жизнь случайностей.—Живи, терпи и надейся.
 169. Когда взойдет солнце...—Солнце—жизнь, Любовь—
 счастье—мира.
 170. Воскресший мертвец.—Fogward.
 171. Червощина.—Мирным сном усонший спи, жизнью
 пользуйся живущий.
 172. Из дней былых.—Все к лучшему в этом лучшем
 из миров.
 173. Кладбище самоубийц.—Окончен мой труд.
 174. Все безработные.—Что в имени тебе моем?
 175. Сорон человек и восемь лошадей.—Не говори, что
 молодость сгубила.
 176. Сила неведомая.—Себя на суд вам отдаю.
 177. Тре на острове.—Не надо быть символами.
 178. Когда заговорил камень.—Валуи.
 179. Разрушение.—На тернистом пути.
 180. Из украинских воспоминаний.—Бештау.
 181. Мертвая любовь.—Мую любовь широкую, как море,
 вместить не могут жизни берега.
 182. Холера.—Медленный.
 183. Чортов камень.—Жизнь—загадка.
 184. Рассказ рабочего А. К.—Темнота и невежество
 старого быта.
185. Из-за картины.—Моряк.
 186. Сенсатор.—Талант—это вера в себя, в свои собственные
 силы.
 187. В поисках библиотеки.—Вл. Седой.
 188. Энергетик.—Мир соткан из двух электричеств.
 189. Христос в Моздоне.—В каждом гении лишь 2%
 вдохновения и 98% пота и настойчивости.
 190. В захолустье.—Невольный.
 191. Секрет мастера.—Ир.
 192. Ю рассказов, которые могли бы быть премированными,
 но...—40.9.
 193. Не было бы счастья, да несчастье помогло.—
 Бедняк труженки.
 194. Ньюжинское золото.—Excelsior.
 195. Мель.—Бытие определяет сознание.
 196. Тайна одной ночи.—Где смех, там люди—скотина
 не смеется.
 197. Своим судом.—Жизнь человеческая измеряется
 не годами, а пройденным страданием.
 198. Тайна горы Настель.—Летучая мышь.
 199. Предок.—Смелость и свобода.
 200. Загадочная комната.—Ваш сяду в сани при луне
 и никуда я не поеду (Ф. Сологуб).
 201. Приключение пионера.—Ваш старый друг.
 2 2. Ного винить.—Рыбак Угорский.
 203. Старуха.—Первая ласточка.
 204. Кавалер железного креста.—Война—войне.
 205. Пассажиры с Барно-Бланко?—Трудись и получишь
 награду, а может быть и не получишь.
 206. Коротенькая жизнь.—Своим путем.
 207. Герой двух планет.—Ad astral...
 208. Король материи.—Sic vos non vobis.
 2 9. В пустыне.—Бориса Ломана.
 210. Полет на луну.—Для фантазий лет границ.
 211. Герой торжества.—Несется конь быстрее ланя,
 христит и рвется, будто в брани.
 212. Из другого мира.—Dum ignotamus.
 213. Черный конус.—Свет и Тьма.
 214. Спирелла Дейбнера.—Да здравствует ум.
 215. Рассказ бывшего лаяня.—Техрана.
 216. Самогонщики Я Юб Махидарал.—Крайняя человеческая
 глупость заключается в том, что обыкновенно
 учат добродетели, хвалят ее, но не исполняют
 того, что она повелевает.—Диоген.
 217. На соседние планеты.—Тайны неба разгаданы.
 218. Реб Гиш.—Правда светлее солнца.
 219. Моя невеста.—Печально я гляжу на наше поколение...
 220. Перед рассветом.—Не сталь оружия, а слово по
 бедает.
 221. Гяедашее.—Не любю—не слушай.
 222. Жизнь неосекаяющая.—Memento mori.
 223. Я и мои внуки.—Что-нибудь одко: сиди в кузове
 или вылезай из кузова.
 224. Против судьбы.—Фантастическая лирика.
 225. Зеленая лягушка.—Все проходит.
 226. Смех и ужас.—Смешно и грустно.
 227. Чудеса в старом башмане.—На языке юмор, а в
 жизни мусть.
 228. Когда заговорит небо.—Религия ошину для народа,
 а реклама—двигатель торговли.
 229. Красные повани.—Тайное влетает.
 230. Тайна царских сонровиц.—Лицом к казачеству.
 231. Погода в подзельи или великое изобретение русского
 ученого Крохина.—Крестьянин самоучка.
 232. Ха из стаи Хоу.—Си.
 233. Без названия.—Вперед. Заре навстречу, товарищи,
 в борьбе! Штыками и картечью проложим
 путь себе...
 234. Случай с Сергеем.—А счастье было так возможно,
 так близко.
 235. Он и его отец.—Метеор.
 236. Еще рано.—Победа.
 237. Страна обезьян.—Золотые моря.
 238. Неустрашимый Джим.—Эска.
 239. Две страны из дневника Агронома.—Сеять разумное,
 доброе, вечное!..
 240. Чорт в образе ящичина.—Народное суеверие, темнота
 и невежество.
 241. Пробный полет.—Лирическое сопрано.
 242. Риф среди вселенной.—Приз.
 243. Телефонное знакомство или неудачный флирт.—
 Правда жизни.
 244. Разбойник гор.—Певец снегов.
 245. Мель.—Пусть Мир Приключений будет миром приключений,
 а ничем другим.
 246. Человек-Лягушка.—На родину.
 247. Луч во Тьме.—В недрах души человеческой
 скрыты богатства.
 248. Счастье человеческое.—Не единицам, а коллективу
 дана жизнь.
 249. История одного поступления в Вуз.—Фоф.
 250. Содомные вымыслы.—Знание—сила!

251. **Нан мой прадед и дед вольную получили.**—Все люди—все человеки.
252. **За орехами!**—От Кольта к Перу.
253. **Трое.**—Художественное произведение должно будить мысль у объекта восприимчивости.
254. **Танцы до рассвета.**—Певец веселой песней смягчает печаль.
255. **Кровать.**—Курс возьмет.
256. **Улыбна любви.**—Попытка—не пытка...
257. **День освобождения мира.**—Бей.
258. **Развязна.**—Видевший.
259. **Кордон на кругу.**—Вся жизнь—в приключениях.
260. **Тайна господ.**—Беатриче.
261. **Забутый в долине.**—Лесной бродяга.
262. **В подземелье.**— „В $\frac{23}{2}$ “.
263. **Конкурс.**—Первый шаг.
264. **Хуторянка.**—Ad astra.
265. **Шестеро.**—Лицом к прошлому.
266. **Из истории Малеванского владбища.**— Absorbta est mors ad victoriam.
267. **Онгибрина.**—Познай себя.
268. **Первый выезд.**—Пролетарии всех стран, соединяйтесь.
269. **За гуслями.**—Что имеем не храним, потерявши плачем.
270. **История одной хитрости.**—Марк.
271. **Переворот.**—Н. Стенук.
272. **Наролева Амотонгов.**—Люби всех, как самого себя
273. **Весна.**—В древности Иегова простил нечестивые города Содом и Гоморру за то, что в них оказалось десять праведников. Я прощаю жизни ее „содом и гоморру“, несмотря на то, что в ней имеется только два праведника: любовь и искусство.
274. **Простая случайность.**—Смотри глубже.
275. **Сон.**—Иногда в нашу повседневную жизнь, подобно метеору, ворвется что-то, что никак не укладывается в рамки здравого смысла, что не поддается анализу. Тогда мы сбиты с толку, придавлены той тайной, что окружает нас.
276. **Звезда § 17—В 9.**—Астрономия—ключ к разгадке тайн вселенной.
277. **Отчего собаки лают на луну.**—За свой тяжелый и непосильный труд при жизни—да не подучись на небесах по смерти своей достойного себе вознаграждения.
278. **Аамес.**—Забава и польза.
279. **Безумие ли.**—Ite ad astra.
280. **Битва под Иорнингом.**—Шылай.
281. **Дипломатический нурьер.**—Sursum corda
282. **Месть Дыллоши.**—Вперед за знанием
283. **Песня радио.**—Свет среди тьмы.
284. **Ложный вызов.**—Умственное превосходство дается неустанной и непрерывной деятельностью ума.
285. **Месть.**—Кривой лапоть.
286. **Долг.**—Учите эсперанто.
287. **Голубит.**—Нет пишмашинки.
288. **Тайна Электрона.**
289. **Все из ничего.**—Скиф.
290. **Школьная учительница Анна Иовна Семенова.**—Храбрость.
291. **Гибель Жамоны.**—Гони писателю в дверь—он влезет в окно.
292. **Мертвый город.**—Смелость—города берет.
293. **Счастье.**—Старость живет в прошлом, молодость—в будущем.
294. **Осада Марса.**—Долой рабство земли.
295. **Белая женщина.**—Победа—дар Аллаха.
296. **Бацилла искренности.**—Номо homini leo.
297. **Воли.**—Мал золотник да дорог.
298. **Компеш или загадка мироздания.**—Открыть тайну мироздания суждено астроному.
299. **Последнее приключение антера.**—Тернистым путем к солнцу.
300. **Тени минувшего.**—
301. **Бродячие тени.**—В. Ю.
302. **В наши дни.**—Чужая душа—потемки.
303. **Митяна спасовал.**—Задумать легко—выполнить трудно.
304. **Как он стал бродягой.**—Не отрекайся от сумы, торговли и тюрьмы.
305. **Конец планеты „Земля“.**—Познай.
306. **Черная биржа.**—Не зная броду—не суйся в воду
307. **Там, где спят седые великаны.**—О. Ц.—и.
308. **Янко-рыбач.**—Кто на море не бывал, тот и горя не видал.
309. **Роль элентричества в будущей войне.**—Советская власть плюс электрификация—социализм.
310. **Голое были.**
311. **Магнетолит.**—Diversité c'est ma devise.
312. **Клоун Тим.**—Не скажи „гоп“ пока не перескочишь.
313. **Когда поспеют яблоки.**—Смел тот, кто знает страх, но побеждает его.
314. **Понос.**—Счастье—свободный труд.
315. **Когда стало всходить солнце.**—не вечно—ночь.
316. **В стране солнца.**—Гелиос.
317. **Путями Икара.**—Per aspera ad astra.
318. **Рояля.**—Не плошай.
319. **История о гениальном велосипедисте.**—Опыт.
320. **Джувльбаро-тигр.**—Да здравствует рыжее знамя авантюрной литературы.
321. **Кому живется весело-вольготно из зверей.**—Правда—дороже всего.
322. **Вплотную и счастье.**—Мандрен-Укразия.
323. **Дары моря.**—Вперед без страха и сомнений.
324. **Летающие торпеды.**—Наш век, 20-й век, свободы знания и победы!
325. **Пепел.**—Сперва аз да буки, а там и науки.
326. **Воли.**—Кип.
327. **Ущелье веселых мергасцов.**—Ленидоштера.
328. **Дело Ачиса.**—Каждому свое.
329. **Ночь приключений.**—Проба рабкора.
330. **Падали снежинки.**—Боюсь не смерти я. О, нет!
331. **Уссенга Юльбуль.**—Перо и чернильница.
332. **В неизвестном мире.**—От вселенной—к премии.
333. **Фенино.**—Жизнь—лучший романст.
334. **Институт жизни.**—... много осталось за бортом жалких не лужных, чепелых..
335. **Фокуо.**—Строй—учись и учись строй.
336. **Слепящий луч.**—Рожденный ползает, летать не может.
337. **Во власти тотанига.**—Бор. Весенина.
338. **Дом № 23.**—23.
339. **Тайна души.**—Кадм.
340. **Убийца 4000.**—Колос.
341. **Научная эпопея.**—Нора, милый друг! Шевельнуться негде—не то, что двигаться.
342. **Свиньи.**—Нужда закон изменяет.
343. **Поручение.**—Per aspera ad sidera.
344. **Колдун.**—Закон о грамотности мы кладем краеугольным камнем социалистического здания; на нем будет высятся колонна народного образования, без которой это социалистическое здание не может и мыслиться.
(Из доклада т. Дуначарского).
345. **Странные происшествия на заводе „Красный молот“.**—Sni generis.
346. **Кубин.**—Не пропадем.
347. **В огне себя.**—Кровь и песок.
348. **По-ему.**—Педагогия.
349. **Кометой на Марс.**—За хорошей книгой—приятный отдых.
350. **Чертова музыка.**—Кок.
351. **Счастье.**—Гипне едшь, дальше будешь.
352. **Леший с черной речки.**—Помни о жизни.
353. **Стервятники.**—Semper idem.
354. **Воли.**—Скучно или весело, не забывайте про село!
355. **Сын деревни.**—Бури октябрьские.
356. **Бывший № 3006.**—Хоть час, да мой.
357. **Три жены, две дочери, одна любовь.**—Аэлита.
358. **Я вспомнил.**—Пессимизм и фатализм.
359. **Та, которой забыли дать имя.**—Немо.
360. **Нарты.**—Запах пота у меня под мышками ароматнее всякой молитвы.
361. **Крапива.**—Все к лучшему.
362. **Прекрасная мати-пустыня.**—Свежо предание, азверится с трудом.
363. **Настояно горе.**—Одна беда не приходит, другую за собой приводит! Твердая воля основа всему.
364. **Рассказ молодого человека.**—И всплыл Петрополь как Тритон, по носу в воду погружен.
365. **Свянская история.**—За самоваром.
366. **Новелла о милиционерке.**—Ce que femme vent, Dieu le vent.
367. **По наклонной плоскости.**—Лучше бедная, по честная сума, чем позорная и мрачная тюрьма.
368. **Каруэло.**—Vivir in cadenas, mejor es morir.
369. **Сны и явь Егора Красовского.**—Маяк.
370. **Осколок прошлого.**—Отживающее поколение.
371. **Торжество науки.**—Гуманист.
372. **На мыло.**—Преступление и наказание.
373. **В номере.**—Дай руку, брат! и ма ш туда—Вперд к оскорбленным собратьям:
Под красными знаменами труда—
Нет места каменным объятьям!..
374. **Покинутый.**—Дай руку, брат, и марш туда, Вперед к оскорбленным собратьям! Под красным знаменом труда, Нет места каменным объятьям.
375. **Живым погребен.**—Чего боялся, то спало.
376. **Последний день.**—Свет во тьму, дорогу в трущобы.

377. Повесть о том, как один миллионер, некто Никола Артемович Терещенко попал в рай или «потерянный и возвращенный ад». — Путь к справедливости.
378. Ван-Лин.—В. С. С. С. Р.
379. Во власти бесов.—Всякий человек самого себя стоит.
380. Шапна-несадимна.—Пока живу—надеюсь.
381. Вы, ваше благородие?—Старое и новое.
382. Сказка о замке.
383. Новогодний мертвец.—И вода камень долбит.
384. Два друга.—На щите иль со шитом.
385. Некролог.—Мерси.
386. Заползайлы.—В день десятилетия.
387. Вечная смерть.—Демократия.
388. Спелтань в четырех действиях.—Василий Безродный.
389. Доктор Эльвер.—Самый лучший.
390. Разбойник Бей-Булат.—Судьба.
391. Добрый советник и послушный сын.— Ex Oriente lux.
392. Три встречи, жуткая ночь.—Мистик.
393. Летатели.—Арам.
394. Святая пыль.—Упорство.
395. Днярь.—Собаки смеются, кошки—нет.
396. След зверя.—В. Хмара.
397. Двое.—Горный.
398. Освобожденный труд.—Весь.
399. Одна треть жизни.—Ласточка.
400. Омерзевшие умядзидов.—В минуты досуга.
401. В людях повиновись, всего наберись.—Струсивши до отчаяния и не зная, что предпринять, молодой Андрей убивает ни в чем виновного теленка.
402. Бандиты.— Смело гребите, во имя прекрасного, против течения.
403. Невероятное происшествие в Лондоне.—Интересный вымысел—лучше скучной правды.
404. Ночь в Дыкове.—Проклятые войны во веки!..
405. Порстень профессора Штегна.— Снежи творить, пока есть силы.
406. Ночь.— Жизнь — борьба, но побеждает в ней не всегда сильный.
407. Наследство Паулу Муниця.— Semper idem.
408. Бродяга пяти озер.—Лесная сырель.
409. Нечистая сила.—Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.
410. Дама о Литейного.—Любовь—слово, которое означает либо слишком многое, либо не означает ничего.
411. Витамины.—Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман.
412. Праздник евгенини.— Социализм — здоровому поколению.
413. Воры.—Терпенье—второе уменье.
414. Жена банкира. Попытка не пытка.
415. Гармонь.—Верный.
416. Помnach на свадьбе в 1945 году.—Победа труда.
417. Соревнование.—Пиши пропало.
418. Кроты революции.—История факта—памятник вечности.
419. Шамот.—Лучше поздно, чем никогда.
420. Заколдованный брегет.—Не нравится—не читай.
421. Враги.—У. У. У.
422. Красный восток.—Вперед к мировому социализму.
423. Атомная машина.—Всегда вперед.
424. Кляксерой жизни.—Поэтом можешь и не быть, но гражданином быть обязан.
425. Город машин.—Фантазия.
426. Мое преступление.—Странник.
427. Приключенке профессора Алиева на луне.—Пролетарии всех стран соединяйтесь.
428. Загадка.—Не все тайны природы еще разгаданы наукой.
429. Страшнее смерти.—Жизнь—долг.
430. Тень венов.—Say.
431. Ахмет.—Любознательность—первая ступень философии.
432. Валии.—Осторожная смелость.
433. Вор.—Георгий.
434. Приключение жизни.—Галка.
435. Земля.—Лицом к деревне.
436. Царица ирви.—Читай до конца.
437. Нучум и Арнашка.— Учись смотреть опасности в глаза.
438. Адские мученья.—Стрдать—есть смертного удел.
439. Агеевский портсигар.— Мир велик.
440. Потеря авиакима.—Победа сильным.
441. На развалинах.—Июкагама.
442. Пленник зимней ночи.—Риск.
443. Летящие трупы.—Знание—кузница жизни.
444. Тайна Сахары.—Дерзай.
445. Из мрака прошлого.—Черным по белому.
446. Собачка без имени.
447. Ирина.—Жизнь счастье.
448. Радио-телепатия.— Вперед.
449. Юность.—И в смерти жива дорога мечта (из Бодлера).
450. Жуткие ночи.—Нина.
451. Неразгаданный случай.—Наука движется вперед.
452. Вагон Ю. 27.—София Железня.
453. Долгой морззы, до раздастует тепло.— Человек XXI века.
454. После вечеринки.—Знание всем.
455. Коли Чжайла-Нор.—Кайластуй.
456. Очни.—Т. П.
457. В переплете.—Блажен, кто смолоду был молод.
458. Тайна голубого бриллианта.—Каклomu свое.
459. Красный противник.— Из настоящего вырастает будущее.
460. Дошай.—Лес рубят, щепки летят.
461. Ветер.—И человек, и ничто человеческое мне не чуждо.
462. Там, где растет картофель.—Безработный.
463. Это сон.—Безвольный, волю куй!
464. Победа.—Вперед и выше.
465. Иты.—Труд все победит.
466. Разъезд Бологое.—Под красным стягом.
467. Грядущий мир.—Дм. Еф. Росин.
468. Фокусы.—Самосуд—бытовая черта таежных людей.
469. На привале.—Non multa sed multum.
470. Пророк.—Своим путем.
471. У моста на 819-ой версте.—Вперед и выше.
472. Побег.—Счастье впереди.
473. Аким и Мышна.—Привизы.
474. Машна сыручил.— № 79.
475. Бехтерин профессора В.—ТН—15,72.
476. Каждому.—Царство мысли, руководимой любовью.
477. Березовый сон.—Заколдованный круг.
478. Мой защитник.—Omnia mea mecum porto.
479. Взбунтовавшийся атом.—Нож—научная организация жизни.
480. Гороскоп.—Прок от поощрения
Будет и для вас:
„Миру Приключений“
Лучший дам рассказ.
481. Новый Денамерон.—Полчаса без политики.
482. ЮЮ2-я ночь.—Это было в Петербурге в 19-м году.
483. О чем говорит мне черновыи звон.—Тангри.
484. Мгла туманная.—Правда жизни.
485. Непостижимое.—Правда жизни.
486. Молодо-зелено.—Правда жизни.
487. Через лески.—Родина—вторая мать.
488. Законы природы.—Хаос продолжится.
489. Эврик.—Вперед заре передзечу.
490. Колонна делайес.—Атлантик.
491. Катя.— Не суди журавли на небе, дай синицу в руки.
492. Веновое.—Знание, труд и свободная мудрость.
493. Азонит.—Из искры пламя.
494. Три момента.—Амальвир.
495. Остров чудес.—Наука—сила!
496. Синяя маска.—И какой видимый мир по величине и многогранности может сравниться с вяттреним миром человека.
497. Два случая из моей личной жизни.—Чуден Днепр при тихой погоде.
498. Сообщница.—Жребий.
499. Торжество победителей.—Случайность.
500. В сером доме.—Н. Т...ль.
501. Белый призрак.—Н. Заумный.
502. Тайна льдов.—Semper idem, —semper fidelis.
503. На трех нитах.— Пар.
504. Нужда.—В добрый час.
505. Ассоеспанитас.—Человек может совершать поступки и поступочки. Разница между ними таже, что между монетой и умной жизнью.
506. Ошибка.—Глаза надежды.
507. Старая песня на новый лад.—Не хочу я быть цариею, а хочу я быть владычицей морской.
508. Рыцари.—Искренность.
509. Каторжная работа.—Больше внимания женщинам-работницам.
510. Поздно вечером.—Фантазер.
511. Розовый жемчуг.—Тьмы низких истин нам дороже, нас возвышающий обман.
512. Один из многих.—Искра.
513. Горный потон.—Чоргово ребро.
514. Повесть без заглавия.—Тара.
515. Затмение.—Случай.
516. Тайна соснового бора.—Мрачная могила.
517. Последнее возвращение капитана Джемса.—и вечный бой! Покой нам только снится! А. Блок.
518. Операция.—Жизнь—сида, нет места слабым в ней. Автор.
519. Колдовство.—Напролом.

520. Предатель.—Ленинец.
521. Всего на год вперед.—Девиз не принцип, и без девиза люди живут.
522. В глуши полевья.—Всегда вперед.
523. Грядущий бран.—Кто счастлив, тот прав.
524. Отомстил.—Единство.
525. Монтз-Маро (1939 г.).—Жмогус.
526. Споробиль № 2. Ныне фантазия, завтра действительность.
527. Рассказ о банальном.—Одной слезой река полней.
528. Черемуха.—В. Стрельцов.
529. Ценою жизни.—В. Павловский.
530. Тайна летчина Резцова.—Смелость города берет.
531. Суди, судья!—The hab's gewagt.
532. Сибирская Москва.—Ближе к истине.
533. Приключение Гвоздева.—Больше дела, меньше слов.
534. Вячеслав Мицинский.—Насилие не может быть основанием права: иначе надо признать, что и разбойники имеют власть над теми, кого грабят.
535. На оевере дином.—Стоит одиноко на голой вершине сосна... И снится ей все, что в пустыне далекой прекрасная пальма растет. Лермонтов.
536. В кольце сил.—Влияние солнца на земной магнетизм обычно внезапно имеет скотчобразный стремительный характер. Возникают сильные индуцированные токи во всех земных проводниках. Проф. Эм. Тунге.
537. Нет.—Не скорбным бессильным сердцам.
538. Непримиримый.—Нет смысла и нет примирения.
539. Полубыль.—Человек человеку—человек (а не homo homini lupus est).
540. Приключение еврея.—Что будет, то будет.
541. Роговой Гамбит.—... и пешки сняли короля.
542. Дело №...—Накануне, так накануне (из того же разговора).
543. Наука остановилась!—Электрон.
544. Остров чудес.—Мираж.
545. Гибель Дмитрия Самозванца.—Орлон.
546. Лесная тайна.—Вперед.
547. Евразия.—Мысль.
548. В кольце Изома.—Стронг.
549. В недрах Донбасса.—Мих. Порнозшик.
550. Мавзолей профессора Сверчкова.—Фантазия—мерцающий огонек, могущий вспыхнуть в яркий факел действительности.
551. Как я жил на планете Земле под гипнозом и не знал, что я живу под гипнозом до моего освобождения из-под гипноза.—Ни бога, ни хозяина, ни власти.
552. Сигмундгералио.—Онисекс.
553. О чем рассказывала скрипка.—Первый привег.
554. В бурные годы.—Красный путь.
555. Благотворительный спенталь.—О, женщины! В общественных делах больше рассудительности, поменьше разражательности!
556. Элемент № 150.—Сигднана.
557. Свое возьмет.—Не унывай! верой не падай на время в себя.
558. Горная греза.—Земля во рту.
559. Татария-призраки.—Крымчак.
560. Зима.—Что такое девиз—не знаю.
561. Одна тысяча.
562. В ночи.—Страна родная.
563. Психея.—Амуру вздумалось Психею, резвяся, поймать.
564. Кровавые следы.—Серп и молот.
565. На волю.—Женщина! Сбрасывай с себя цепи рабства, жизнь тебя не обманет.
566. Загадочный шар.—Псковскоитовский.
567. Федя часовщик.—Умей в плохом хорошем отличить.
568. Камера № 24.—Чем ночь темней, тем ярче звезды.
569. Победитель порока.—Ласка—победитель порока.
570. Могила в воздухе.—Любовь к себе выше любви к женщине.
571. Синяя камера.—Авнихим—защита СССР.
572. Письмо моей подруги.—Знание не ведет к повторению ошибок.
573. Жертвы фанатизма.—Последняя роль.
574. Под грохотным маршем.—Отколь взойдет солнышко на Яблочный Спас.
575. Линючий.—Черная быль.
576. Нежданная развязка. Только пролетарская революция дала раскрепощение угнетенных от религиозного дурмана, на основе которого существовал монархический строй со всеми вытекающими злыми последствиями для поработанных.
577. Палец.—Гуманным чувствам человека.
578. Опыты профессора Бороздина.—Литература должна будить живую мысль.
579. В подводном мире.—Жизнь есть борьба и стремление к будущему.
580. Тайна вселенной.—Вселенная—вечная загадка для человечества.
581. Записки рожденного последним.—Свети сильней, науки луч грядущий!!
582. Бандит.—Люби жизнь, а в ней честный труд.
583. Да.— Не жизнь—жизнь без любви.
584. Под рокот шторма.—Быстрота и натиск.
585. Кровавая зорька.—Н. Г.
586. Герой Хэда.—Рах.
587. Красные Джинджи.—Бытие определяет сознание.
588. Две ослы.—Принять участие в строительстве жизни—долг каждого.
589. Авария.—Фантазия предвидит возможное.
590. Глухая сторона.—К свету маяков.
591. Сон ветерана.—Не отталкивайте разбитые жизнью корабли. Время печальная участь всех.
592. Нусон.—Безумство жити!
593. Новый год.—Из-под мозолистой руки перо расскажет о жизни заводов.
594. Тайна доктора Вирда.—In futurum progredior.
595. Мельница в лесу.—Vivere—militare est.
596. Саман.—Amor omnia vincit.
597. Предатель.—Смерть предателям.
598. Чи... чи...—Гек Мыгин.
599. Самое страшное.—Мистер Вест.
600. В чаще лесной.—Рви цветы.
601. Статуэтка.—Вечное.
602. Дети.—Цель писателя—отражать жизнь в литературе.
603. Тайна смерти.—Труд—путь к знанию.
604. Ошибка.—Даше науку.
605. Приключения во сне.—Пролетарии всех стран—соединяйтесь.
606. Конец Марселя Люпо.—Делу—время, потехе—час.
607. Приключение бухгалтера Пичина.— Маленькая спичка лучше, чем большие пожары.
608. В осыле.—Хочу и создаю.
609. История одного изобретения.—Стремись к знанию всю жизнь.
610. Человек с материя.—Но в динамите—динамика.
611. В тайге.—Будь смелым.
612. Ловушка. Попытка—не пытка.
613. Пан-Цуй. Попытка—не пытка.
614. Десять граммов горючего.—Чем черт не шутит.
615. Восемнадцать часов сорон минут.—Безумству храбрых поем мы песню.
616. Человек абсолютной твердости. { В. И. З.
617. Счастье.
618. Кровавый силузт.—Дядя Силай.
619. Мы все замерли на месте.—Условиями коллективного ума пробить брешь в таинственный мир неведомых доселе чудес природы.
620. Иногда в семье.—Бывает.
621.—Отчество весь мир.
622. Бабочка о Суматры.—Любовь к приключениям неотъемлемая часть человеческой природы.
623. Секрет профессора Линча. (All right).
624. Там, где поля риса и чая.
625. Рани кошачьего.—Чтобы понимать настоящее, надо знать прошлое.
626. Песня.—Эх, приятель, и ты, видно, горе видал, коли плачешь от песни веселой.
627. Один взгляд в прошлое.—Маркус.
628. Приключения одного безбилетного пассажира.—Знание рождает силу, истина—красоту.
629. В тайге.—Береги тайгу—в тайге есть доля счастья каждого трудящегося.
630. Недосыаемые сонорича.—Игрик.
631. Меньше атома.
632. Басмач.—В единении сила.
633. Случайность.—Случай и счастье.
634. Великое переселение человечества.—Дерзай знать.
635. Незаноченная фильма.—Гемма.
636. Атеист и бог.—Люди—бактерии мира.
637. Щуна.—Смотри в жизнь внимательно—в самом простом найдешь интересное.
638. Железный дьявол.—...Прелания старинны глубокой..
639. Однажды ночью.—...бессилье ликарей в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, чудеса. Ленин.
640. Смерть жреца Синухэ.—Религия всегда тормозила свободное развитие науки.
641. Кот.
642. Лунная плантация.—Из летописей Инсулинда.
643. Мир-Нигмат.—В. С.
644. В плавнях.—Nonny soit qui mal у pense.
645. Ядзя.—Аш.
646. Атлантида.—Серп.
647. Серебряный рубль.—Человеческое—слишком человеческое.
648. Душа.—Скорей.
649. Два века.—У.Ф.Х.

650. 1. Источник смеха.
2. Тяжелое напоминание.
3. Таинственные цветы. } Трудом и энергией.
651. Судьба нитаяца.—Шел, шел, да и пришел.
652. Странный случай из жизни В. К. Ленина.—Природа—бездна тайн.
653. Приключение Семьи Голопузого.—Молодость—сила.
654. Отверженные.—Наша наука пошла от мужицкого корня.
655. В облаках.—Via dolorosa.
656. Замечательные события в жизни человека.—Познай самого себя. Сократ.
657. Затонувший груз.—Сибирь.
658. Митькина месть.—Смерть бандитам.
659. Евгенина или заговор мудрецов.—Люди происходят от животных и должны стать богами.
660. По ухабам жизни.—Здоровье и труд—наше счастье, земля и солнце—наша жизнь.
661. Старое и новое.—Вперед, к новой жизни.
662. Любовь и девушка.—День пламенеет.
663. Таинственная нунганча.—13 марта.
664. На путях космоса.—Наука для жизни.
665. В поезде.
666. Сиреневый коннуро.—Правда жизни.
667. В неурочное время.—Старо то, что отжило.
668. Незвестный.—Террористы всегда победят.
669. Во власти кино.—Константин Твер.
670. Столетья.—В объединении сила.
671. Гордый.—Вперед.
672. Пациент из психиатрической клиники.—Любознательность присуща каждому человеку.
673. Голубой луч.—Гражданин С.С.С.Р.? Будь готов!..
674. Концерт радио-зайца.—Радио любитель? Вул ослорожен!
675. Аист.—Я предзнавал мой жребий, мой конец..
676. Юзя.—Стах.
677. Бегство Альджан.—Ad Astra.
678. В дедрах нериние.—Знание—жизнь.
679. В недрах Америки.—Купишь авиа-билет и объедешь кругом свет.
680. Барышня Марья Алесовна.—Не обходи людского гора.
681. Сергей Жимолостин.—Борьба и труд.
682. Горный орел.—Мы пьем из чаши бытия с закрытыми глазами.
683. Месть.—Luctor et emergo.
684. Таинственные сигналы.—Радио—друг человечества.
685. Антон Лагунов. Всегда вперед.
686. Пожолат.—Итер.
687. Таинственное судно.—Улучшить конструкцию океанских пароходов арктических стран.
688. Три раза на волосок от смерти.—Смелость.
689. Напризы любви.—К. Серый.
690. Мистика и реальное.—За свободу.
691. Честный человек.—Чорт с ним.
692. Герои апрельской ночи.—Партизан.
693. На стальных путях.—Und manche Liebe schatten fliegen auf.
694. Любовь и долг.—Сны мимолетные, сны беззаботные снятся лишь раз.
695. Еще не грянул гром...—А смысл грядущего еще покрыт туманом.
696. Миллионы Бренаса.—Щи есть ши и вообще не трещи.
697. Кошмар веков.—Всякое бывало.
698. Таинственные явления.—Красное знамя.
699. Хромоможна.—Так жизнь сучна, когда боренья нет.
700. Старые мертвецы.—Тот, кто верой обладает, В невозможнейшие вещи, Невозможнейшие вещи Совершать и сам способен (Гейне).
701. Су.—Laboremus!
702. Приключение Джона Мерсея.—Горит восток зарею новой.
703. Память.—
704. Судебная операция.—Vanitas vanitatis.
705. Старый шут.—Только прошлое действительно в человеке.
706. Злая сила.—Каждая волна подъема, пережитая революцией, показывает невидное и бесспорное накопление сил для разрешения новой и более высокой задачи... (Ленин, т. VII, ч. II, стр. 25).
707. На луне.—Луна не достигнута, и может быть исполнится хоть часть из этого расказа.
708. Стальной кондор.—В стремительном беге прогресса к разрешению научных проблем.
709. Приключения на границе.—Вперед к пролетарскому творчеству.
710. Alter ego профессора Второва (второе я).
711. Инженер Русов.—1—2—3—4—5.
712. Чайки.—Прислушиваясь ко всем, старайся не слушать никого.
713. Дворец уродов.—Создавать свое непохожее ни на что другое,—вог что постопа но манило меня к себе.
714. Вечный двигатель.—Ну, чем же не похож наш горючок на Рим?..
715. Новый король.—Д. П.
716. Закон Магомета.—Be ter late than never.
717. Незадачки и коннуре.—Иго
718. Маяк разума.—Безработный 20882.
719. Так Гау учил...—(?)
720. Комбинация.—Sine ira et studio.
721. Амеба-гигант.—Невероятно, но возможно.
722. Энцифильский приз.—Офизкультуривайся.
723. Тени прошлого.—А. А.
724. Убитый мертвец.—Москвич.
725. Призраки.—Одинокий.
726. Сон профессора Неосара.—И все-таки любовь.
727. Хрусталив из Чистополя.—Пишите так, чтобы словам было тесно, а мыслям свободно. Анат. Франс.
728. Молодо-зелено.—Правда жизни.
729. Звездный подарок.—Уралец.
730. Приключение.—Telesia.
731. Дальнее плавание.—Дельфин.
732. Тайна „Вялого“ лога.—Полевой.
733. Губернантиа.—В здоровом теле — гармония гормонов.
734. Семнадцатая.—Слово.
735. Остров Борнео, доктор Иванченко и мисс Мэри Нельд.—О'Гарди.
736. Пятое евангелие.—Одно многознание уму не наукает.
737. Ублизга.—Гиперболюид в кубе.
738. Возмездие.—Sic transit gloria.
739. Майя.—Что в имени тебе моим.
740. Рассказ о рубиновом кольце.—Робин Гуд.
741. Железная дева.—Ve rgerared.
742. Неоспоримый фант.—Будущее—за авиацией.
743. Жемчужина Индии.—Крокус.
744. Ставка Вальи Греча.—На всякого мудреца довольно простоты.
745. О Вальтере, графе Сциборе Мархоциом и разбойнике Миките.—Смотри в корень.
746. Девушка из Бара.—За новеллу.
747. Необычайные события в селе Верхи.—Правда — правда.
748. Фогельхен.—Куй железо—пока горячо.
749. Отомстил.—Через любовь—к победе.
750. Встреча.—Трудно жизнь пройти—не оступиться.
751. Без имени.—Упорный труд—прежде всего.
752. Приключение у Лунгарского моста.—Не заносись—сверзайсь.
753. Золотая бацилла.—Из малого в большое.
754. В 20-м году.—Вас. Илько.
755. Правосудие и милосердие.—Sapientia sat.
756. Профессор Брэффорд.—С наукой к победе.
757. Февральская ночь.—Живя, стремись к добру, жизнь есть любовь.
758. Тимофей Григорьевич.—Воспитание.
759. В старой школе.—Свежо предание, а верится с трудом.
760. Последняя партия.—Быть или не быть.
761. Боги.—Религия—туман, который здравый смысл рассеет.
762. Желтый чемодан.—Химера.
763. Когда глыба хочет...—Интеллектуальность.
764. Гибель миров.—Ц.Ч.Ш.
765. Гибель капитана.—Норд.
766. Как это было...—Вселенная и человечество.
767. В глубь веков.—Тайна прошедшего, тайна науки.
768. Заговор.—Леонид Спантер.
769. Весенний эпизод.—Стхия—великая сила.
770. Страница из дневника двенадцатилетнего „Шльрича“.—Много видеть, много знать.
771. Праздник в Норбе.—Коллективизм.
772. Катя.—Е. С.
773. Сестра милосердия.—Сметана.
774. Монгольские „Бега“.—Восток.
775. Человек, который мог превратить войну.—Фантазия сегодня—действительность завтра.
776. Архирейская утопия.—Овечки женятся, плодятся, умирают. А пастыри при том карманы кабавают.
777. Блохи и великаны.—Века и люди.
778. Ржавчина.—Всякая ржавчина отчищается, ежели руки приложить (М. Горький. „Фома Гордеев“).
779. Залипни собаки.—И без тебя—с тобою.
780. Сыпной тиф.—Асфальт.
781. Лилян Гай.—Omnia mea mesum porto.
782. Темнота человеческая.—Шире просвещение.
783. Змея.—Свобода истины—истинная свобода.
784. Лучи жизни.—Юниор.

785. Пещера Лютры.—Южания.
786. Любовь, какой не бывает.—Сломаюсь, но не согнусь.
787. Био-радио вен.—Будущее.
788. Изобретение д-ра Зимина.— Не боги горшки обжигают.
789. Месть.—Победа дает такой запас сил, что есть чем продержаться даже при вынужденном отступлении (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 414—415).
790. Павильон физической культуры.—Искусство.
791. Разрушенный мост.—Уходя вперед и выше, не забывай оглядываться и назад, чтобы не упасть, там твой фундамент.
792. Нуда летели, нуда попали.—Самсучка, каких много.
793а. Приключение десяти атомов.—Более справедливое мироздание.
708б. Под защитой нор.—Оттачивать мозги, но не держать и бипенса в загоне.
794. За или против. Und setzet ihr nicht das Leben ein Niemaals wird euch das Leben gewonnen sein!
795. Вихрь.—Vivere est militare.
796. Сундун.—Полубите нас черненькими: беленькими всякий полюбит.
797. Трест О. П.—Лучше поздно—чем никогда.
798. Газвод Мэри Линфорд.—Репортер.
799. Необыкновенное происшествие.—Стиль—это физиономия духа (А. Шопенгауэр).
800. Пришли.—Человек умирает, но жизнь—никогда.
801. Бицини.—Регенерация.
802. Зуб за зуб.—Ив. Буйный.
803. Тайна бала-мечети.—Родник.
804. Полет истории.—Громи старое, греми о новом.
805. Болонна мисс Brent.—Назвался груздем—полезай в кузов.
806. Грядущая...—Жизнь есть борьба.
807. Ключок тропы.—Бездорожье... Глушь... леса.
808. Уголок Ианды.—Гравильма.
809. Железный человек.—Машина—на смену человеку.
810. Браслеты, которые не линяют.—Что не линяет—ценно.

В следующем, № 9 „Мира Приключений“, будут помещены 4 премированные на Литературном Конкурсе рассказа — два научно-фантастические и два бытовые:

«СТАРЫЕ МЕРТВЕЦЫ»,

«ИЗ ДРУГОГО МИРА»,

«ЗУБ ЗА ЗУБ»,

«АКИМ И МИШКА»,

посмертный рассказ П. П. ГНЕДИЧА:

«АЛЬТРУИСТ»

и другие литературные произведения.

СИЛА НЕВЕДОМАЯ

РАССКАЗ, ПРЕМИРОВАННЫЙ
НА ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ
«МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ» 1927 ГОДА.

По регистрации **№ 176.**

Девиз: «Себя на суд вам отдаю».

Иллюстрации Н. М. КОЧЕРГИНА.

Предисловие Акад. С. Ф. Плапонова к рассказу.

Рассказ «Сила неведомая» представляет собою ярко написанную страницу из быта той эпохи русской исторической жизни, которая характеризуется началом «крепости», прикрепления как отдельных лиц, так и целых общественных групп к разного рода повинностям и обязанностям. В Московском царстве XVII и начала XVIII века господствовало общее бесправие; не было ни привилегированных лиц, ни привилегированных классов. Все люди и все классы рассматривались как орудия и как средства для государства, олицетворяемого в идее царем, а на деле тем кругом лиц, с которым царь правил. В рассказе «Сила неведомая» главное действующее лицо Никита Петрович Нелидов по своему сознает этот принцип Московской жизни и говорит своему сыну Сеньке: «Ты пойми, Сенька: есть, брат, сила неведомая, что и царя словно река несет... Она его несет, а он—нас тащит, а мы — их (рабочих)... Что эта за сила, думал я думал, так придумать и не мог; одно я уразумел, что и Петр царь—раб, и я—раб, и они—рабы. Взяла нас эта сила за горло и тащит!»

Историкам понятно, что эта «сила» заключалась в необходимости организовать оборону государства и правительственное хозяйство при отсутствии твердой оседлости населения, растекавшегося в колонизационном стихийном движении по северной России и Сибири. «Сила» заставляла крепить холопов и крестьян в неволю землевладельцу, чтобы они сидели на местах; служилых помещиков крепить к службе, чтобы они службы не «отбывали», а несли ее в срок и исправно; горожан «торговых и посадских людей» крепить к их торгу и посадке, чтобы они платили свои подати и исполняли свои повинности, а не бродили с места на место без пользы для государства и правительству. Этот «крепостной» порядок тяготел над всем населением и лишал его свободы и всяких прав. Свободен был лишь тот, кто бежал с своего места и от своей повинности и становился «беглым». Права получал лишь тот, кому передоверяли их власть, давая ему свое поручение или свое полномочие.

В рассказе «Сила неведомая» изображен именно этот порядок, водворившийся на Урале в первое время существования там горнозаводской про-

мышленности. Всемогуший заводовладелец Нелидов — «мужик, кузнец Тульский», как сам он себя определяет, — стал известен царю Петру Великому своими способностями и получил от него земли на Урале и заводы для производства, а главным образом — артиллерийских орудий. Вместе с тем Нелидов получил и права над рабочим населением заводов, и возможность приобретать и переселять на заводы людей из внутренней России. Правительство как бы передоверило ему свою власть над прикрепленными к заводам людьми. Но по дальности расстояния от центра контроль над действиями Нелидова был так слаб, что Нелидов стал неограниченным владыкой над всем населением заводов. Производ, жестокость и ряд преступных действий сопровождали каждый его шаг. Непосильная работа, истязания, унижения были единственным делом поработанных тружеников. Нелидов не останавливался пред тюремным заключением и даже пред убийством невинных, но ему неприятных или опасных людей. Автор рассказа в сильных и ярких сценах рисует разные стороны заводской жизни при тирании Нелидова и дает ряд типов униженных и оскорбленных, замученных и озлобленных жертв этой тирании. Получается рельефная картина, написанная с большим литературным искусством и с значительною примесью мелодраматизма.

Автор в общем хорошо знаком с историей эпохи, которую изображает. Прототипом заводовладельца для него послужил, думаем, Никита Демидович Антуфьев, родоначальник Демидовых, знаменитых деятелей в области Уральской горной промышленности. Но, взяв для своего героя Нелидова некоторые биографические черты от Демидова, автор создал необходимый для него в рассказе властный и жестокий тип совершенно независимо от исторической личности Никиты Демидовича. Точно так же в сценах, посвященных встрече Нелидова с ревизором Филатовым, автор обнаружил знакомство с фактом контроля над Демидовым, но изобразил ревизора такими чертами, какие ни мало не напоминают исторических лиц, контролировавших деятельность Демидова, именно генерала В. И. Генина и историка В. И. Татищева. Такого рода отступления от истории были, конечно, умышленным литературным приемом, вполне дозволительным и, так сказать, целесообразным. Но кое в чем автору, повидимому, не хватало детального знакомства с бытом эпохи. Изображенный им способ, каким вели крепостных рабочих на завод, со связанными «сзади» руками, вряд ли практиковался. Каменная башня с «каменным пузом» у самого потока «бурливой Гремучки», неизвестно, какого назначения (сторожевая?) была не в духе того времени. Автору она нужна для известного эффекта (скрыть следы преступлений ее затоплением); но та эпоха довольствовалась деревянными постройками как для жилья, так и для сторожевых вышек, оставляя камень для церквей, крепостных стен и «полаток» (амбаров для особо ценной клади). Молодой «уральский казак» — явление позднейшего времени, и вряд ли «уральские казаки» с «урядниками» могли существовать у Нелидова. Точно так же «охвицер», к Нелидову посланный «светлейшим» (Меньшиковым), никак не мог прискакать один без свиты и охраны через всю Россию на дикую и пустынную окраину Урала. Как «деньщик» (адъютант) всемогущего царского фаворита, он, конечно, ехал с большим комфортом и почетом, хотя бы и с тайным поручением.

Однако все эти маленькие несообразности не только не мешают, но даже способствуют литературной цели автора — произвести на читателя возможно сильное впечатление контрастом безудержного и преступного самодурства хозяина и безграничных страданий рабочей массы, бесправной и безответной пред «силой неведомой», воплощенной в лице Нелидова.

Рассказ о Нелидове хорошо рисует тот железный, жестокий век Петра, когда его стихийно стремление «к хорошему, на широкий простор, к морю свободному, к жизни вольной и светлой» сопровождалось потоками крови и слез, произволом одних и страданием других...

Академик С. Платонов.

СИЛА НЕВЕДОМАЯ

В железе есть зовы,
Звенящи-грозовы!..
В железе есть жгучесть,
Мятежность, певучесть!..
В железе есть сила,
Гигантов возрастила
Заржавленным соком—
руда!
В железе есть стоны—
Кандальные звоны..

Герасимов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СТАРИК, вздыхая, опустил на траву у кристально-чистого, весело журчащего ручейка.

Золотой стеной стояла кругом спелая рожь... Изредка набегал теплый ветерок, и тогда тяжелые колосья, чинно кланяясь друг другу, шептались о чем-то важном и сокровенном.—Ишь, сердечные, тоже беседу ведут!—усмехнулся старик.—Тоже... и у них забота есть!

Синей опрокинутой чашкой жгучее небо давило землю, чудилось оно близким,—кажись рукой его достанешь!

Июльский зной сверкающей рябью струился между небом и истомленной землею. Струился и пел... Пел немолчным звоном, дрожал серебристой дрожью.

Старик поднял голову, прислушался, посмотрел своими потухшими, выцветшими глазами в звеневшую над ним лазурь, и опять тихая улыбка пробежала по его сухим губам.

—Ишь, птахи божи!.. господа славословят! Жавороночки милые!—Он вздохнул...—Благодарение господу! Вырвался из ада кромешного! — сказал он громко и перекрестился широким крестом.

—Грехи! Ох! Грехи!—заговорил он опять, поникая головой... Словно в ответ ему сокрушеною качала своими тяжелыми головками золотая рожь и, глядя на старика, вела свои нескончаемые таинственные речи... Пугливо прислушивались к этим речам легкие стрекозы, дрожа в воздухе серебристыми крылами. Старик опустил голову, задумался и задремал...

Вдруг он очнулся от странного шума, который нарастал откуда то с дороги, терявшейся во ржи. Старик поднял голову и посмотрел. Вдали подымалось облако пыли и мутным столбом медленно приближалось к нему. Шум все нарастал...

—Стадо, што-ль, гонят? — с недоумением сказал старик.

... Под конвоем десяти инвалидов ползла по дороге огромная толпа мужиков; сзади тянулись подводы. Мужики, все молодые, были связаны и еле передвигали запыленные серые ноги. Они были в лохмотьях, кто босиком, кто в шавке, а кто и так... Одноцветные, серые, они сливались в одно мутное пятно... Словно грязное тесто ползло по дороге... Они подошли ближе, и тогда в толпе замелькали человеческие лица. Пот с пылью бороздил черными полосами обожженные лица. Тускло поблескивали воспаленные глаза. Открытые рты ловили воздух и глотали пыль.

Не лучше были и конвойные, — и они еле передвигали ноги, и они задыхались в пыли. Начальник этой команды, старый однорукий капрал, мешком сидевший на косматой деревенской лошаденке, тоже изнемогал от зноя и пыли.

Старик долго смотрел на это стадо связанных людей... и вдруг быстро, быстро стал креститься.

—Господи милостивый! Еще гонют!—прошептал он.

—Стой! Привал!—захрипел старый капрал, увидев ручей. И человеческое стадо вдруг метнулось к воде. Конвойные были смяты, отброшены... Люди со связанными сзади руками, давя друг друга, падали на землю грудью, опускали свои головы в воду и пили... пили... пили, не замечая того, что замутился глиной и грязью кристалл веселого ручья.

Капрал завертелся на своей лошаденке, замахал рукою, что то кричал, хрипел, ругался, видно. Но слабый

голос его потонул в столах и воплях обезумевшей толпы. Тогда и он, махнув рукой, тяжело слез с лошаденки

которым ползали жадные золотистые мухи...

— Куда ты, Сидорыч, падаль эту волочишь? Эва! Как провоняли!—сказал конвойный,—сбрось их!

— Сбрось!—проворчал капрал:—Эх, ты! А кто за них отвечать будет? Ты?.. По счету принял, по счету и сдать должен... по воинским регулам!

— Да не довезешь! Смотри... Вишь, разварились как! Пятый день ведь тащим... А кака теплота!

Люди, давя друг друга, падали на землю грудю, опускали свои головы в воду и пили... пили.

и тоже жадно приник к холодной грязной воде.

По его приказанию, конвойные и и обозных лошадей и потом подливали их мокрые, потные головы.

Развязали пленников и стали раздавать им краюхи хлеба...

Капрал подошел к одной подводе и озабоченно поднял шпатель. Тяжелый запах гнили ударил ему в лицо. Он отшатнулся. На подводе лежало пять трупов. Страшные, почерневшие лица, стеклянные открытые глаза, по

— Хучь кости доведу,—упрямо сказал капрал и торопливо покрыл шинелью трупы.

— Эттакуда ж вас гонют?—шопотом спросил старик молодого парня, который лежал около него и неподвижными глазами смотрел в голубую высь.

Парень не отвечал.

— Куды гонют,—отозвался другой,—сказывают, в горы, железо, вишь, копать...

— К заводам нас приписали,—сказал угрюмо третий.

Старик глубоко вздохнул и перекрестился.

— Далече до гор то?.. Уж вторую пе-

Старый однорукий капрал тоже изнемогал от зноя и пыли.

делю мучаемся. Народу что передохло... животины тоже. Как город, так покойников и сдаем... десятка два уж сдали.

— Горы те скоро увидишь,—тихо ответил старик.—Вот как поле минуешь, да лес пройдешь—тут их и увидишь... словно тучи черные станут горы те на краю, где небо с землею сходится... горы те Уральские,—сказал старик и замолчал.

— Знаю я эти горы,—тихо заговорил он опять, наклоня свою белую голову.—Сам оттуда бреду... Вынес господь из ада крошечного, голубь ты мой! Гиена там огненная! Горы те... Царство сатанино!.. и царствует там Нелидов Никитка... зверь суший во образе человеческом! Верный раб Антихристов! Православных в железах держит... Одних к печи огненной прикует,—те день и ночь в огне горят. Других под землю угонит,—те света божьего не видят... До пуца земли, вишь, рвется... Землю матушку терзает!.. Горы сверлит!.. Леса зеленые с плеча рубит! Реки светлые городит да мутит! Все он, пес адов, возмутил. Небо дымом коптит... Солнце тьмой застилает.

— Почто же он энтот?—спросил парень, поворачивая свое лицо к старику.

— А так... по приказу Антихристову, значит... Ему, вишь, сам Антихрист приказал... Петр Самозванец—Антихрист чортов, слуга дьяволов... ему приказал, а он сполняет.

Страстный шопот старика привлек еще несколько слушателей. Подползли. Слушают. Затаив дыхание, слушают... И все громче, вдохновеннее делается речь старика.

— Железо, вишь, достаёт! А для ча те железо? Ножи да мечи делать, чтоб православных губить. Тех, кто за Христа стоит... Цепи куют, чтоб православных узами терзать! Так и в писании сказано... Известно... Оружье себе Антихрист готовит... А в нутро-то гор лезут, чтоб нечистые народы Гогу и Магогу отседа осломонить! В горах эфтих каменных, по приказу господню, народы энти нечистые заключены на веки вечные... А как нечисты эту богопротивную выпустят,—застонет Русь православная, матушка! И до второго пришествия стонать будет! И раздаст Антихрист Гоге и Магоге ножи и мечи... и почнут они...

— Ты тут о чем это, божий старичок, речи ведешь? А?—спросил подозрительно подошедший капрал.

— Про жите-бытье горькое ребятам сказываю... хошь, и ты послухай,—пробормотал, несколько смутившись, старик.

— То-то... смотри! Зря не болтай чего... А то лопатки скручу, да к воеводе...—проворчал капрал.

— Далече еще до Урала то?—вдруг спросил он.

— Коли вскачь поскачешь, в два дня доспеешь, а коли так, на четвереньках,—так и в неделю не доплзешь—сухо ответил старик, не подымая глаз на капрала.

— Сидорыч!—подь-ка..—крикнул конвойный, возившийся около подводы.

Капрал заковылял к подводам. Старик помолчал, оглянулся, и тихим шопотом продолжал:

— Жили мы там в скитах, голубь ты мой!.. Старой веры мы, истинно православной.. Двумя перстами крестился!.. И старик набожно перекрестился.—Жили мы там тихо и мирно, в чащах лесных, у рек чистых, текучих, говорливых.. Вдали от дьявольской суеты.. Жили, спасались, за Русь святую господу Иисусу Христу и Пречистой его матери молились. Души свои от сетей дьявольских спасали.. И наслал господь нам испытание велие. Принесла к нам сила дьявольская пса адова,—Нелидова—этого Никитку.. По приказу, говорит, царскому... А ведомо нам, кто царь то... Антихрист Петр Самозванец, немецкий в... Все, говорит, мое: и горы, и леса, и реки. что на земле, и что под землею,—все мое.—Сказал он сие и почал он леса рубить, горы рвать, нутро земли терзать! Труб настроил адовых, что огнем денно ношно дымом смердят, да небо божье копят.. Нарушил он покой земли-матушки.. Стоном застонала она, горы и леса, небеса господни дымом помрачались, да копотью. Православных нагнал тысячи тысяч!.. И все в вервиях.. Вот, как не вы.. Да в цепях железных.. Озверел Никитка пес.. и люди те озверели! Дотоле была у нас в горах тишина да благоденствие.. А как он пришел, убийства пошла, татьба, мятежи.. Острогова настроил, и сидят там ноне не люди—не звери, цепями и кольцами скованные.

— Застонали, голубь ты мой, горы Уральские от воплей человеческих да проклятий!.. А нечистые народы те, Гога да Магога, в недрах горных всплескали дланями, возликовали. Слободу, вишь, псы, нанюхали! Волю! Сам слышал, видит бог,—слышал,

как горы внутри гудут,—как народы хвалу Антихристу возносят...

— Сбегу!.. Ей богу, сбегу!..—прошептал парень, подымаясь на локти и широко раскрытыми глазами смотря на старика.

— Беги, голубь, беги!..—быстро заговорил старик.—Наших, вишь, кто помоложе, всех сковал, цепями спутал и в работу пустил.. А стариков, как я, вовсе выгнал.. Вот я и иду!..

— Куды ж ты, дедко, таперя?—спросил кто-то.

— Таперя иду, голубь, мученический венец воспрять! На Русь иду.. Войной иду на Антихриста! На самого Антихриста—обличать буду пса смердящего!..

И старик вдруг встал во весь рост. Выпрямился. И вырос, словно великан какой. В его глазах горел будто огонь какой,—и с изумлением смотрели на него его слушатели, даже креститься начали.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

НИКИТА Петрович Нелидов сразу открыл глаза, быстро присел на кровать и обернулся к окну. Оттуда глянул на него предрассветный сумрак. Ночное небо уже бледнело. И на нем еще дрожали последние звезды. Нелидов быстро сбросил одеяло и спустил жилистые сильные ноги на медвежью шкуру.

В горнице было темно.—Только лампада слабым, неверным, мигающим светом озаряла суровый лик темного Спаса и робко поблескивала на самоцветных камнях его венца, на серебре и золоте его риз.

Нелидов повернулся к иконе, и на его жуткое лицо—лицо фанатика-аскета—упали слабые блики. Слабо блеснул его высокий лоб с резкими морщинами и впалые щеки. Выделились густые черные, уже седеющие брови, и из мрака нависших бровей остро сверкнули суровые глаза. Жидкая бородка не скрыла строгих линий сильного, сухого подбородка. Сквозь усы видны были прямые, сжатые губы...

Нелидов с неудовольствием посмотрел на мигающую лампаду. Непорядок увидел. Он поднялся, подошел к

иконе, неторопливо поправил фитиль лампы, опустился голыми коленями на вязаный коврик и стал молиться. Его тонкие губы шептали невнятные слова. Сильная рука клала широкие кресты. Голова слегка касалась каменных плит. Но в глазах его не было молитвы. Словно думал он о другом, более важном и нужном.

Потом он встал и, словно ненароком, взглянул прямо в очи темного Спаса. Их взгляды встретились. И оба они посмотрели друг на друга в упор чужими, словно враждебными глазами.

Отойдя от иконы, Нелидов присел на кованный сундук и стал одеваться. С широкой двухспальной кровати раздавался легкий вздох. Нелидов повернул к кровати лицо. Это сквозь сон вздохнула его молодая жена Агафья Тихоновна, красавица лет 30. На щеке у нее блестела капля слезы.

— Федьку во сне видит,—прошептал Нелидов и отвернулся. Кривая, недобрая улыбка пробежала по его сжатым губам.

Он одевался, не торопясь, но и без медлительности; одевался деловито, размеренными и точными движениями, чинно и беззвучно, но и без всякого старания не шуметь. Одевшись, он подошел к двери и дернул за ручку. Дверь заскрипела, и молодая женщина сразу проснулась и подняла голову. Широко раскрытыми глазами, с каким то недоумением, посмотрела она вслед уходящему мужу и сейчас же стала торопливо одеваться. На ее красивом, строгом лице было выражение тоски бесконечной. И на эту тоску, из под серебра и золота и самоцветных камней безучастными, невидящими глазами смотрел и суровый Спас.

Нелидов вышел в холодный коридор, умылся в темном углу из глиняного горшка, висевшего на веревке, и пошел по коридору. Его тяжелые размеренные шаги разбудили каминный пол и низкие каменные своды—они отозвались слабым, звенящим эхо...

Он прошел весь коридор, властно постучал костяшками пальцев в дверь. Постучал раз, два. Ударил сильнее—и за дверью кто-то заговорил испу-

ганным, сонным голосом:— Кто... там?—Нелидов сказал только одно слово: «Семен!»—и сейчас же в ответ отозвалось торопливое: «Иду, батюшка! Иду!.. Заспался!.. Виноват!..»

Нелидов открыл выходную дверь и вышел на крыльцо... Кричали стрижи да неумолчно ревела Гремучка, горная речка, мчавшаяся по долине каскадами пены, прыгая по камням и утесам. Свежий утренний воздух, напоенный запахом хвои, пахнул Нелидову в лицо. Он всей грудью вдохнул струю густого воздуха, перекрестился и осмотрелся. Огромный косматый Полкан, лежавший у крыльца, лениво приподнялся, зевнул, замахал хвостом и пошел было здороваться к хозяину, но остановился в некотором отдалении, виляя хвостом, словно высматривая, в каком настроении хозяин. Не в добрый час к нему полезешь,—так ведь и сапогом в бок получишь!.. Известно...

Заводский городок еще спал. Он жался в глубокой долине, и с трех сторон его стиснули косматые горы. Небо уже светлело. На востоке слегка загорались уже верхушки гор, а в глубине долины было еще темно, как в могиле. И сквозь тьму эту чуть просвечивали сгрудившиеся постройки: казармы для рабочих, склады, мастерские. И только огромные трубы доменных печей пылали широким пламенем и огненные клубы их черного дыма уходили ввысь.

Нелидов внимательно посмотрел на эти трубы и нахмурился: его зоркий глаз заметил, что один столб дыма был, словно, бледнее, серее. Не торопясь, опираясь на железный посошок, направился Нелидов к этому столбу.

Вдруг тишину ночи разрезал удар колокола, призывающего к работе. Один удар, другой!.. третий!.. и горы со всех сторон отозвались глухими отзвуками,—проснулись... и заговорили...

В Нелидовском городке начался трудовой день. Сон отлетел от людей, зверей и от косматых гор.

Нелидов остановился, перекрестился и еще раз осмотрелся вокруг. В некоторых строениях вдруг замигали огоньки.

— Как почивать изволили? С погодой! С погодкой!.. — торопливо зашел сладким тенорком Иван Захарыч.

нимающий, и вдруг грохнулся на колени и ударился головой о каменные плиты.

— Помилуй, батюшка, Никита Петрович,—забормотал он заплетаящимся языком, елозя головой по полу:—Сморился...

Нелидов молча смотрел на него сверху вниз немигающими глазами.

— Как звать?—спросил он вдруг.

— Сенькой... Сенька Хомут... я,—забормотал парень, не подымая лица. Помилуй, батюшка осударь... милостивец...

— Осударево дело просыпаешь!—сурово сказал Нелидов.—По Осудареву приказу работаешь!.. Не мне—Расшее служишь! Говорили тебе, что, коли огонь в печи ослабнет,—вся отливка спорчена? Говорили тебе?

— Говорили!.. Ох, говорили!—бормотал парень.

— На двадцать плетей наспал,—резанул Нелидов, резко повернулся и вышел. Парень быстро поднялся с полу и, сжав грязные кулаки, злобно посмотрел ему вслед.

Нелидов пошел к той трубе, которая привлекла его внимание. Провинившаяся труба не ревела, как другие, а что то бормотала, словно сквозь сон. Он рванул дверь и вошел. Около раскрытой огненной пасти, прикованный цепью к стене, сидел на полу грязный, косматый парень, опустив всклокоченную голову на грудь дров. Он крепко спал. Нелидов резким толчком своего посоха разбудил его. Цепь загремела, парень вскочил. Поставил, ничего непонимающий, и вдруг грохнулся на колени и ударился головой о каменные плиты.

Городок просыпался. Из барака в барак суетливо перебежали неясные тени людей. В окошках светились мерцающие звездочки огоньков. Потом закурились трубы кузниц, мастеровских. А в это время алый свет заметно сползал с косматых горных вершин в глубь темной долины. Небо уже голубело вверху, и легкий серый дым таял в этой нежной лазури.

С ласковой улыбочкой подбежал к Нелидову Иван Захарыч, главный конторщик завода, «правая рука» хозяина.

— Здравствуй, батюшка Никита Петрович.—Как почивать изволили? Все ли славу богу?.. С погодой! С погодкой! Хороша вонича погодка!—торопливо зашел он сладким тенорком.

— Почивал хуже твоего!—ответил Нелидов.—Вишь,—ране твое на работу вышел, да ночью еще два раза вставал... заводы обходил!

— Виноват, батюшка Никита Петрович!—с поклонами тараторил Иван Захарыч.—Засиделся вчера за полночь—реестру готовил к отправке. Сегодня в Санкт-Петербурх все отправим, угодим царю батюшке! Увидят его пресветлые очи, как мы ему служим.

— Не дарю, а Расшее служим!—сухо оборвал его Нелидов.—Сам царь, его величество, мне персонально сказывал: «не мне,—говорит,—служи, Петрович, а государству Рассейскому. Я,—говорит,—такой же приказчик у Рассеи на службе, как и ты!..» А вы, вот, этой мудрости великой не разумете! Вы лицам служите, а не Расшее... Сеньке Хомуту двадцать плетей... у печи заснул,—вдруг прервал сам себя Нелидов.

— Слушаюсь, батюшка... слушаюсь... Заснул у печи! Ай, озорник какой!

— Подводы в исправности?—спросил Нелидов.

— Все в исправности!—Все сам осмотрел! Вот лошади только слабеньки! Дохнут очень здорово!.. Мужики воем воют...

— Пусть воют! Со свейским королем война на носу, а мы лошадей жалеть станем!.. А понтоны на реке осмотрел?

— Вчера сам ездил... Выдержал! Все осмотрел! Числом маловато, вот беда! Ну, господь милостив. Авось спустим наряд.

— Авось — авось!.. Все на авось! — проворчал Нелидов. — В прошлый раз затопили два понтона с гаубицами. Вот те и авось! Ужо после обеда зайди — рапорт обо всем сделаешь.

Он отвернулся от Ивана Захарыча и пошел к дому. С обнаженной головой остался стоять Иван Захарыч, а на лысине его уже блестели первые лучи солнца, да легкий ветерок заигрывал с редкими прядями его волос.

Когда Нелидов завернул за ба-
раки, он вдруг выпрямился, надел шапку, зло посмотрел вслед хозяину и пробормотал:

— Ишь... дьявол старый! Быто енерал какой!.. Хам!.. Мужик!.. По-
годи, попляшешь ты у меня!

С лопатами, с кирками в руках лениво проходила мимо нестройная толпа рабочих... В шахты шли.

Иван Захарыч ехидно ухмыльнулся, осторожно вытащил из-за голенища ременную нагайку и со всей силы огрел рабочего, проходившего мимо. Тот даже подскочил от испуга, а Иван Захарыч залился дребезжащим смехом... Душу отвел!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

НЕЛИДОВ шел медленно к своему дому. Видно, крепко был сколочен, да неказист на вид одноэтажный каменный дом с подвалом. Маленькие слепые окна были заделаны толстыми железными прутьями. На острог он походил.

За домом возвышалась высокая толстая башня, почерневшая от копоти. Основание ее омывала бурливая Гремучка. Она неслась через весь городок, брызгалась пеной и рокотала свою неумолчную песню свободы... Нужна она была заводу, — мастерские двигала она, а терпеть ее не мог Нелидов, — не покорилась ему эта Гремучка! Из-за ее буйных капризов нередко останавливалась работа. Весной и вообще после дождей рвала она плотины, уносила мосты, обрывала

Иван Захарыч со всей силы огрел рабочего, проходившего мимо, и залился дребезжащим смехом...

берега. Только с черной башней справиться не могла. Влезла в Гремучку черная башня своим толстым каменным пузом и стала на многие годы неподвижной каменной глыбой.

... Навстречу Нелидову торопливо шел его сын — Семен. Явно трусил, потому — провинился, — проспал. Издали шапку снял. Под благословенье подошел. Наскоро перекрестил его Нелидов и сунул ему руку для поцелуя.

— Здравствуй, батюшка! Как почивать изволил? — заговорил Семен, целуя жесткую отцовскую руку.

— Реестр готов? — спросил тот, не отвечая на вопрос.

— Готов, осударь батюшка! Готов! Только перебелить надо... К обеду управлюсь! Вчера с Захарычем, почитай, за полночь сидели, реестр готовили. Вот и заспался.

— Спишь много! — проворчал отец. — С бабой своей дела забываешь! Угрелся около бабы! Дела спешные, горячка... мог бы сегодня и не спать вовсе! Отправка сегодня, а ты — словно кот на печи — дрыхнешь.

Семен не отвечал отцу. Он знал, что отец возражений не любит, а сейчас он, видать, и не гневается, а так «бурчит»... «учит», — «уму разуму учит».

— Царь Петр мне персонально и многократно сказывал: «Ночей не спи! Не ешь! Не пей!.. Потому — время не терпит, время горячее! А промедление смерти подобно». — Спать

много будешь,—так и дело проспнешь... Я, вон, уж стар становлюсь... Скоро к тебе все дело перейдет! Ведь эдакую махину—и Нелидов гордым, широким движением руки обмахнул все строе- ния своего городка, — держать надо во как!—и старик сжал свой могу- чий кулак.

Увидя кулак, Семен бессознательно отклонился в сторону. Отец заметил движение сына и усмехнулся. Даже в хорошее расположение пришел, но сейчас же нахмурился, — он твердо знал, что с людьми надо быть суро- вым... «страха ради».

— Только мною одним все и дер- жится!—продолжал он.—Все сам!.. Все один!.. А ты спишь!

Он помолчал.

— Ведь здесь лесная чаща была непролазная! Волки да медведи бро- дили. А теперь?.. Смотри! Жизнь, как ре- ка, бурлит! Железо веками, почитай— с сотворения мира, в горах спало.. а теперь! слышь?.. слышь?.. и гремит!.. и воет, и стонет!.. Глянь—рекой огне- вой течет! В нитку тянется! В кольца вьется!.. Слышь, как молоты наши гудут? Слышь?..

Семен кивал головой, повторял:

— «Слышу, батюшка! Слышу».

— Как пилы криком кричат? А? Нутро железу рвет! Стон стоит вокруг да около! А раньше што?.. Токмо волки выли!..—Он помолчал.—Зверем, вишь, меня зовут... Кровопийцем...— заговорил он, понизив голос. — Да, ведь, и царя так же честят!.. Дурра- ки!—вдруг резко выкрикнул он.—Дур- раки!! Ничего не понимают!! Разве с ними иначе возможно?.. Разве без кулака они работать будут? А надо, надо!.. Долго спала матушка-Русь! Пора ей других нагонять!.. Вкачь надо... догонять! Промедление смерти подобно! Золотые это слова!.. На носу их заруби!.. На дыбы надо ее поднять, Русь нашу, да шелепугой, шелепугой ее... по заду!.. по ребрам!

Семен стал боязливо поглядывать на отца и чуть отодвинулся. — Ты пойми, Сенька!—опять заговорил ста- рик страстным шопотом.—Есть, брат, сила неведомая, что и царя, словно река, несет!.. Несет, брат, сила непо-

нятная, великая! Она его несет, а он—на с!.. тащит, а мы—и х.—И Не- лидов махнул рукой на толпу рабо- чих.—Что это за сила, думал я думал, так придумать и не мог... Одно я ура- зумел, что и Петр-царь—раб, и я— раб, и они—рабы! Взяла нас эта сила за горло и тащит. А куды тащит?.. Кажись, к хорошему... на широкий простор тащит... к морю свободному... к жизни вольной и светлой!—Он по- молчал.—Будет время... уразумеют и они, — он опять махнул рукой на рабочих,—уразумеют—и сами пойдут... без плеток пойдут... без цепей железных! А покедова они не уразу- меют — много еще воды утечет... и будет их силою тянуть тот, кто ве- дает, к у да итти и что делать над- лежит!

Он опять помолчал. Потом искоса взглянул на сына.

— Меня вон «убийцей» прославили, «вором» честят... — Он еще понизил голос и оглянулся.—Может я и фаль- шивые деньги делаю... А для ча? Все для дела... Что!? мне казна деньги дает на машины, да на работу? Кто мне помогает? С меня требуют, а что дают? Что, я для себя деньги соби- раю?.. Сам знашь мою жисть: щи да кашу ем!.. по ночам, как пес на цепи, не сплю! В 60 лет покою не знаю ни днем, ни ночью. В зипуне хожу, да в штанах посконных... Что, мне ихнее дворянство нужно? Тьфу! на дворянство энтю! Выдали мне, вишь, патент в Санктпетербурхе на свиной шкуре и с гербом, в книги записали... А мне все это... тьфу! и ногой растереть! Я брат, Семен, — мужик, кузнец тульский, а цены мне побольше чем дворянам энтим... Потому—я жисть разумею... И Петра-царя наскрозь вижу! Он мне что сказал? — «себя, Петрович, не забывай, а напаче Рас- сею помни! Будь, григ, рабом вер- ным, коему господь талан дал, а раб верный два нажил. Так и ты нажи- вай, один себе, григ, бери,—а дру- гой — государству отдай». А я?.. я, почитай, Рассее оба отдаю!..—Он по- молчал. Остановился. Глаза его свер- кали.—Но уж кто мне на дороге ста- нет—горло перерву! Кишки с живого вымотаю!.. Разумеешь?..

— Разумею, батюшка... пререотлично разумею,— лепетал Семен.

— Если ты, Семен, как я умру, камзол бархатный оденешь, да на башку парик пудренный взденешь, так я... с того света приду, все с тебя слерну! Слышь?..

— Слышу, батюшка... Не одену... Все в ефтих штанах ходить буду!— бормотал сын, не смея взглянуть в пылающее лицо отца.

— Ступай реестр перебели!— вдруг сказал Нелидов, и Семен, не скрывая радости, облегченно вздохнул и опрометью кинулся от отца.

... Нелидов постоял, посмотрел ему вслед и покрутил головой. Не доволен был сыном, — весь в мать вышел, в первую жену... Вся жизнь напуганная какая-то жила!

— ... В мастерских стоял грохот. Жизнь кипела и бурлила. Нелидов бросил жадный взгляд на сверкающую струю чугуна, который широким потоком с глухим урчаньем лился в формы. В шлифовальной мастерской любовно поласкал рукой полированную, блестящую как зеркало, сталь. Пронзительный визг пилы, резавшей полосу железа, ему был дороже всякой музыки. Слушал радостно... Даже голову наклонил. В кузнице не смог удержаться, засучил рукава, взял молот и стал бить по раскаленному железу, разбрасывая вокруг снопы блестящих искр. «Лучше петергофских потешных огней!» — сказал он сам себе. Нелидов страстно любил железо, любил его во всех видах, — и в ржавых коричневых кусках бесформенной руды, и в сверкающем клинке стального палаша. Он наслаждался работой, на глазах творившей чудеса. Из растерзанных недр земли рука человека выдирала глыбы мертвой, ржавой руды и превращала грубую, безжизненную материю в нечто живое, разумное, покорно служившее для достижения тех целей, к которым вела человека другая, страшная власть, ему неведомая, но всемогущая, покоряющая царей и царства.

— Смотрел Нелидов на свои гаубицы, палаши и пищали, на кучи свернутых цепей, и думал о том, сколько человеческих жизней связала

судьба этим железом, покорно лежавшим у его ног. Он толкнул сапогом кучу цепей, сверкавших на солнце, и цепи отозвались таинственным ворчанием. Нелидов усмехнулся...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОН ПОДХОДИЛ к дому. На этот раз косматый Полкан смело полез к нему ласкаться. Теперь пес чувствовал, что хозяин в хорошем расположении духа. Нелидов потрепал его шершавую голову и направился к крыльцу. И вдруг обернулся. Он услышал топот быстро скачущей лошади.

Во двор карьером влетел казак. Завидев хозяина, он резко затянул поводья и сразу осадил разгоряченного коня.

— Ну? Что приключилось? Чего зря коня гоняешь? — спросил Нелидов, пристально всматриваясь в лицо всадника.

— Урядник... прислал... — прерывистым голосом отвечал тот, быстро спрыгивая с седла.

— Зачем?

— Гонит кто-то!.. По дороге. Каравальные с горы усмотрели... не наш!.. чужой какой то!.. Торопко гонит.

— Один?—спросил Нелидов.

— Один! Верховой... Больно торопко гонит!.. Скоро будет... Урядник наказал тебе сказать... по твоему приказу...

— Ну ладно!.. Спасибо, что поспел! Иди в горницу! Скажи, чтобы чарку водки тебе дали. Скажи, хозяин, мол, приказал.

Молодой уральский казак поклонился Нелидову, привязал лошадь к столбу и быстро пошел в дом.

Нелидов поднялся на крыльцо и стал напряженно смотреть на дорогу. Она извивалась по берегу реки и пропадала в чаще леса.

— Кого еще там несет,—недовольно бурчал он.— Вон!.. едет!..—сказал он вполголоса.

Из-за леса кто-то выехал на дорогу. Ехал крупной рысью. Нелидов ждал и смотрел.

— Что за оказия?! Никак Павлушка Онуфрий?!—проговорил он, наконец когда всадник застучал по мосту.— Он и есть!.. Значит, от светлейшего!

Это, действительно, был Павел Семенович Онуфриев, любимый денщик кн. Меншикова, которому князь доверял вполне и всегда поручал важные и деликатные дела. Нелидов знал его по Петербургу. Онуфриев въехал в ворота и, увидев Нелидова, приветливо помахал ему рукой, как хорошему приятелю.

— Ванька, — крикнул Нелидов и быстро пошел навстречу гостю.

Подбежал босой Ванька и принял поводья, а Нелидов заключил приезжего в свои широкие объятия и стал с ним целоваться навкрест.

— Какими судьбами?... Друг милый! Приключилось что?

Онуфриев опустил глаза и пробормотал:

— Здравствуй, Петрович!.. Здравствуй!.. Приключилось и есть! По секретному приказу светлейшего, как полоумный к тебе гнал... Чуть коня не заморил.

— Ну, что еще такое? Сказывай... Не томи...

— Стой... дай дух перевести... Сегодня, почитай, с утренней зари гоню без отдыха, не ел даже... — Зато дошел... — И Онуфриев опустил на крыльцо.

Нелидов стоял около него и напряженно ждал.

— Со штафетой от светлейшего? — спросил он.

— Штафеты не дал... на словах приказал... тебе сказать... по секрету.

— Ну... говори!

Онуфриев оглянулся вокруг и, понизив голос, сказал:

— Не место здесь!.. Веди в горницу... Не ровен час... Да и умыться надо.

— Пойдем, пойдем... Кстати и обед на столе... Баньку стопим... И покушаешь, и попаришься, с дороги важно попариться... отдохнешь... — быстро заговорил Нелидов.

В сдержанном тоне Онуфриева он почувал что-то серьезное.

— Не до отдыха, Петрович. Сегодня же надо назад вернуть!.. Чтоб его не встретить...

— Кого его? — понизив голос, проговорил Нелидов.

— Молчи!.. Потом!..

Они поднялись на крыльцо, вошли в дом. И сейчас же из-за угла ближайшего барака выглянула лисья физиономия Ивана Захарыча. Осмотревшись вокруг, он вышел из своей засадки и быстро подошел к Ваньке, который водил коня по двору.

— Води хорошенько, пострел! — сказал он Ваньке. — Смотри, воды не давай!.. Вишь, конь-то весь в мыле... Запалишь!

Ванька мотнул головой и ни слова не сказал. Иван Захарович пошел с ним рядом.

— Кто приехал? Ась?

— А мне ни к чему, — отвечал Ванька, — охвицер какой-то...

— Не сказывал, когда назад поедет? — спросил Иван Захарович.

— Не сказывал.

В это время с крыльца сбежал молодой казак и стал отвязывать свою лошадь. Быстро вскочил он в седло. Иван Захарович немедленно устремился к нему.

— Ты куды, Тимоха? Ты здесь почто?

— Урядник пригнал к хозяину...

— А почто пригнал?

— Да, вишь, кто-то по дороге сюды гнал, так урядник вперед его к хозяину меня погнал.

— А кто, не ведаешь?

— Охвицер какой-то... Эх! и животик же у ево важнецкий! — сказал казак, любовно поглядывая на коня, которого водил Ванька.

Нелидов и Онуфриев сидели вдвоем.

— А донос на тебя к его величеству прислан нижеследующий, — шопотом говорил Онуфриев Нелидову... бытто ты... первое — сам деньги чеканишь.. с литерами царскими, а второе — бытто ты тайно от казны золото копаешь, а в казну не сдаешь. И окромя того, третье — беглых из Сибири у себя тайно на заводах укрываешь и раскольников такожде... И, бытто, четвертое — ты в застенках людей пытаешь без суда и смертью казнишь самовольно...

Тяжелым молотом били эти слова. Лицо Нелидова осунулось и посерело. Онуфриев замолчал.

— Все?—хриплым голосом спросил Нелидов.

— Все!—ответил тот, всматриваясь в лицо старика.

— Токмо к сему светлейший при-
свокупил, дабы ты концы хоронил...
Слова сии персонально светлейшего...
Пусть, грит, Петрович концы хо-
ронит.

Нелидов вдруг встал во весь рост
и, круто повернувшись к иконе, стал
быстро креститься.

— Видит бог и святая богоро-
дица... навет на меня!.. Навет злоухи-
щренный... Чист пред господом и
дарем!—Ах! изверги!.. какой поклеп
взвели... Ах, они! Видит бог!..

Онуфриев пожал плечами.

— Мне кресты твои ни к чему,
Петрович!—проговорил он.—Что при-
казано тебе сказать, то мною ска-
зано, а все прочее до меня не ка-
само.

— А царь что? Ужли поверил на-
вету?.. верит?.. Сказывай! — быстро
заговорил Нелидов.

— Распалился гневом до ужаси!..
Не первый донос на тебя, Петрович!
Повелел лишь секретное следствие
учинить и полковника Филатова, Льва
Степановича, экстренно нарядил.
Спешно едет! Насилу его обогнал!
Завтра, должно, сюда будет! светлей-
ший потому меня и погнал к тебе,
чтобы раньше его доспеть к тебе!
Рад не рад, а жди гостей незваных.

— Ай, спасибо светлейшему. Вот
уж спасибо!.. — заговорил Нелидов,—
отслужу!.. Видит бог, отслужу.

— Ты и меня не забудь! Смотри!—
сказал развязно Онуфриев.—У меня,
вон, жена на сносях, родить должна,—
а я, сломя голову, к тебе...

— Ладно! Не учи!.. Не маленький
я!.. Не обижу! Порядки знаю, — отве-
тил Нелидов.—А что, энтот Филатов?
Какой?—вдруг спросил он.

Онуфриев засмеялся. Ему, как буд-
то, правилось, что сам Нелидов, «царь
уральский», любимец царя, словно
терялся в его присутствии...

Нелидов нахмурился.

— Чего зубы-то скалишь? Не до
смеха! Каков, сказывай, Филатов ваш?
Не ведаю я его.

— Сказывают — собака! Одначе я
покедова в его зубах не бывал, а по-
сему и не ведаю, каковы зубы.

— Собака... это еще ничего,—раз-
думчиво сказал Нелидов.—Вот, коли
волк—энтот хуже.

Нелидов замолчал... Он словно за-
был, что перед ним сидит молодой
офицер. По лицу старика было видно,
что его мозг работает усиленно.

Вдруг за дверью раздался не-
ясный шорох, потом осторожно по-
стучали. Нелидов быстро подошел к
двери и резко рванул ручку. На поро-
ге стоял Иван Захарыч.

— С докладом к тебе, сударь, по
приказу твоему,—пролепетал он, от-
ступая, однако, в глубь корридора.

Увидев лицо хозяина, он померт-
вел от страха. Нелидов сделал шаг
к нему и загремел:

— Ступай к чорту!! Вон!!—и захо-
пнул дверь так, что в горнице зазве-
нело какое-то стекло и тихо закача-
лась лампада перед иконой.

Онуфриев стоял бледный. У него
дрожала челюсть.

— Подслушивал? А?.. Он подслу-
шивал?..—заплетающимся языком за-
говорил он. От прежней развязно-
сти не осталось и следа.

— Не слышал... Тихо говорили!..—
сказал вполголоса Нелидов, однако,
тревожно озираясь.—Дверь заперта
была.

— То-то заперта!..—бормотал Ону-
фриев.—С тобой тут... сам на дыбу
попадешь! Спаси господи и поми-
луй!—и он дрожащей рукой перекре-
стился, глядя на икону. Лампада все
еще тихо качалась.

— Сегодня же отправлю сына Се-
мена к светлейшему в Санктпетер-
бурх... всем услужу... всем, и тебе...
всем,—говорил шопотом Нелидов.—
Ну и люди! Змеи!.. Гады ядовитые!!—
бормотал он.—Ночей не спишь... себя
морить... людей мучить... и вот!

— Я, брат Петрович, сегодня же
назад... Дай ты мне вожатого, чтоб
другим путем ехать... хоть горами,
хоть рекой... только, чтоб Филатова
не встретить,—говорил Онуфриев.

Через час Онуфриев выезжал в со-
провождении казака. Нелидов прово-
жал его до ворот и долго стоял и

смотрел ему вслед, пока он с казаком не скрылся в лесной чаще.

Мрачнее тучи шел Нелидов к дому. Иван Захарыч попался ему навстречу и искоса заглянул ему в лицо. Старик прошел мимо, даже не заметив его. Иван Захарыч с ехидной улыбкой подмигнул ему вслед. — Заело! — шепнул он.

Нелидов тяжело опустился на скамью и задумался. Он словно сразу постарел. В комнату вошел сын его Семен с какими-то бумагами, протянул их отцу и хотел что-то сказать.

— Сегодня ты в Санктпетербурх едешь! Сбирайся! — отрывисто сказал Нелидов, не глядя на него.

Семен обомлел. Он стоял, выпучив глаза.

— Я?!.. в Санктпетербурх?!.. наконец пролепетал он.

— К светлейшему князю Меншикову свезешь подарок... Укладывайся, сегодня и поедешь. — Нелидов указал сыну на дверь.

Семен, пошатываясь, вышел из двери, тихо закрыл ее за собой, постоял в коридоре у дверей... взялся было за ручку, потом прислушался и, махнув рукой, кинулся бежать по коридору.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

НЕЛИДОВ шел по темному коридору, остановился у маленькой железной двери, открыл ее огромным резным ключем, согнувшись, пролез в темную дыру и захлопнул дверь... Ключ опять закрипел.

Потом он высек огонь, зажег толстую восковую свечу и осветил своды какого-то хода, осветил лестницу, спускающуюся куда то вниз. Осторожно спустился по склизким ступеням, открыл еще одну железную дверь и очутился в сыром подвале с низкими сводами. На полу лежали мешки. Много мешков. Вдоль стены стояли огромные сундуки, окованные железом.

Он подошел к одному мешку, засунул руку и вытащил горсть новых серебряных «крестовиков». Свет заиграл на их чистом серебре. Нелидов посмотрел на рублевики, потряс их на ладони и высыпал их опять в мешок.

Серебро зашуршало в мешке, заговорило...

Он открыл большой сундук, наклонил свечу, и свет озарил груды самоцветных уральских камней. Они не были отшлифованы, но все же разноцветными искрами дикие аметисты, изумруды замерцали во тьме. Нелидов внимательно перерыл их и, отобрав десятка три самых крупных и ярких, сложил их в мешок. Потом он открыл другой сундук, — там был сыпан золотой песок, тут же лежали самородки разных размеров. Нелидов стал отбирать...

— В Санктпетербурх... — забормотал он. — Светлейшему, все светлейшему, а он пушай сам што кому... Ему виднее... Матушке—царице Катерине Алексеевне... осударю цесаревичу на зубок... князьям разным сиятельным... графьям... владыке митрополиту... милостивцам питерским... деньщикам, холоям царским... псам дворовым, штоб не лаяли, — бормотал старик, и злая усмешка кривила его сухие губы.

... В это самое время в другом подземелье, под черной башней, упорно визжала пила и неумолчно гремела тяжелая кандалная цепь... Маленькое слепое окно под самым потолком слабо освещало это подземелье, освещало какую-то черную косматую фигуру, которая рвалась на цепи куда-то в темный угол и хриплым шопотом повторяла:

— Пили!.. Пили!.. Федька! Пили скорее!..

— Слышишь—пилю, — отвечал из темного угла чей то молодой голос.— Да, вишь, уморился.

— Коли уморился... бросай мне пилу то!.. Я попилю!..—хрипела черная фигура, гремя цепями.—Ну, кидай, что ли!

Но, в ответ, пила завизжала еще отчаяннее в темном углу.

— Вот, выберусь из этой ямы...— хрипел черный. — Будь я проклят, ежели Никитке башку не прошибу!.. Вот тогда, Федька, ты на хозяйке женишься, хозяином сам будешь, а меня приказчиком бери!.. Возьмешь, голубь?..

«Голубь» не отвечал... В темном углу визжала его пила и гремела цепь.

— Из-за бабы ты, Федька, к чорту в зубы попал... Дурак ты, Федька!.. Зря влип!.. У-у и подлые же эти бабы!.. Завсегда нашего брата круг пальца обведут! Вишь, овца — овцой, а у матерого волка зуб выдрала — ключ уперла!.. да сама еще пилу при-тащила!.. Эдакого чорта, как Никитка, не убоялась!.. Ну, и стервы бабы!

Черная косматая фигура
рвалась на цепи и хрип-
лым шопотом повторяла:
— Пили!.. Пили!.. Федька!
Пили скорее!..

А коли б не она,—давно мы б с го-
луду подошли... Ну, и баба!

Визг пилы вдруг прекратился...

— Ну, почто не пилишь?... Кидай ее
ко мне!.. Чего ей зря на полу лежать?..
Ш-ш-ш... — вдруг зашипел он,—никак
идут?!..

В подземелье вдруг наступила мерт-
вая тишина.

Ключ заворчал в замке. Заскрипе-
ла на ржавых петлях дверь у самого
потолка... Отворилась со стонами и
рычанием, и дневной свет прорезал
тьму подземелья. На пороге двери у
самого потолка стоял сам Нелидов.
Наклонившись, он пристально смотрел
на заключенных.

Федор, бледный и худой, в разор-
ванной рубахе, впился своими синими
воспаленными глазами в острые не-
мигающие глазки Нелидова...

— Антихристов слуга!.. Кровопий-
ца!.. Будь ты проклят!..—вдруг захри-
пел черный, потрясая кулаками и кан-
далами.

Нелидов перевел на него свой жест-
кий взгляд и не сказал ни слова...
Дверь опять застонала, опять зары-
чала, опять заворчал ключ в замке...
и снова могильная тишина и мрак
спустились в подземелье...

Прошла минута... другая... и опять
раздалось хрипкое шипенье:

— Пили... Федька!.. пили, голубь!..—
И опять завизжала пила.

... Нелидов вошел в другое подзе-
мелье, все под той же башней... Это
был целый казе-
мат из двух от-
делений... Тут
было шумно, да-
же весело. Своды
гремели от хо-
хота и ругани.

Здесь кипела работа... Несколько каторжников, под руководством опытного мастера Сережки Рвача, фабриковали неледиковские целковые... В одном помещении плавил серебро, олово, медь, в другом чеканили монету. Было душно, жарко, смрадно, но весело... Работники монетной мастерской были баловнями хозяина, всегда были сыты, под вечер всегда были пьяны, — только правом выхода не пользовались — на цепи сидели... Один Сережка мог выходить.

Нелидов вошел в тот момент, когда Сережка нес в кожаном переднике кучу свежее-испеченных рублевиков. Они были еще горячие...

— Ай, что за работа! — стал сразу хвастаться Сережка, увидя хозяина. С ним Сережка держался развязно, на равной ноге... — Ну, и работа!.. Не в

пример чище царских сработаны!.. Глянь-ка, Никита Петрович, орлы-то? Что живые! Вот — вот улетят!.. Летите, голубчики, вольные пташки! — говорил Сережка, любуясь сверкающими монетами.

Однако Нелидов мрачно посмотрел на кучу серебра. Сережка это заметил... Нелидов взял одну монету, пристально посмотрел на нее... Достал из кисы настоящий петровский рубль и стал сравнивать обе монеты. Смотрел долго, взвешивал обе на руке, стучал ими о стол.

— Хороша работа, — сказал он медленно, — и вес тот же, только звону того нет!

— Металл не тот, — ну, и звон другой, — ответил Сережка, постукивая фальшивым рублем. — А орлы-то... Живые!..

— Золотые у тебя руки, Серега! — сказал задумчиво Нелидов. — И ребята у тебя молодцы! — сказал он так, чтобы слышали ближайшие рабочие. — Приходи сегодня за водкой.

Милостивые слова хозяина мгновенно облетели мастерскую, и она заревела от восторга...

В подземелье — монетной мастерской — было шумно, даже весело. Работники сидели на цепи, но были баловнями хозяина... Сережка показал Нелидову свежее-испеченные рублевики...

Нелидов криво усмехнулся и почему то посмотрел на маленькие окна каземата, которые были почти на уровне потока, огибавшего фундамент башни... Под потолком зияла еще какая-то дыра, и на нее тоже посмотрел Нелидов... Серега внимательно следил за взорами хозяина и тоже посмотрел на дыру... Под самым потолком была железная дверь... От нее не было лестницы вниз. Она, словно, висела в воздухе...

— Хороша твоя работа, Серега...—вполголоса заговорил Нелидов, перебирая целковики...—Только...

Серега пытливо всматривался в лицо хозяина и ждал.

— Только...—тянул Нелидов,—твой завод на время прикрыть придется.

— Ишь... сволочи!.. — проскрипел сквозь зубы Серега. — Не иначе, как кто донес!

— Донос и есть, отвечал Нелидов. — Катит кто-то из Питера... Слушай, Серега,—вдруг заговорил он, наклонившись к мастеру,—сегодня ночью прикрыть надо...

Серега помолчал, посмотрел на рабочих, которые радостно галдели в ожидании выпивки. Под низкими

— Что так?—спросил Серега с некоторой тревогой.

— В Питере пронюхали, — уронил Нелидов, почти не разжимая губ.

сводами грохотали их тяжелые остроты и матерная радостная ругань. Они тоже хозяина не боялись.

— Ну, что ж! — сказал Серега.—Тебе виднее, когда. Сегодня, так сегодня!

— Ты возьми себе за работу, сколько унесешь, — сказал Нелидов, — и чтоб к утру твоего духу здесь не было!

— Можно... что ж... в лесу места хватит!

— А через неделю — другую наведайся... А се-

водня, как стемнеет, на плотину выходи...

Серега кивнул головой, и Нелидов вышел.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

РАСТЕРЯННЫЙ, бледный, сидел Семен, одетый по дорожному, в крепком новом возке. На облучке, рядом с возницей, примостился вооруженный казак. Около возка верхом на конях ожидали отъезда еще два конвойных казака. За Семена цеплялась его молодая жена, — она заливалась слезами и причитывала. Увидя подходящего свекра, она сразу замолкла и отскочила от мужа в сторону.

Семен хотел вылезть из возка, но Нелидов удержал его. Он подошел вплотную к сыну, трижды поцеловался с ним и, быстро крестя его наклоненную голову, говорил ему...

— Все отдай светлейшему... Он сам знает, что кому... Зря не болтай!.. Говори: «Ведать не ведаю». Слышь?

— Слышу... так и скажу!—шептал сын.

— На пути не задерживайся... Дело важное...

Сын кивнул головой.

— В Питере подожди, покодова светлейший сам тебе не скажет ехать...

Сын еще раз кивнул.

— Ну, с богом!—Нелидов махнул рукой. Возница подобрал вожжи, поднял кнут. Жена Семена опять ринулась к мужу и на секунду замерла в его объятиях. Нелидов отвернулся. Возок тронулся...

Нелидов подошел к уряднику Перначу, стоявшему здесь же, в стороне, и деловито заговорил с ним.

— Сидорыч... Сегодня к вечеру всех, кои беглые... Разумеешь?—спросил он, пристально глядя на урядника.

— Разумею!—отвечал тот, слегка хмыляясь.

— Кои беглые... уведи с завода всех начисто под стражей... в шахте их схорони... А кто здесь старой веры, — всех с баами и ребятами в горы угони... Там пещерки есть... Туды их... и постереги их... Чтоб си дели плотно.

— Ладно... все сполню... Будь покоен...—ответил урядник.

— Чтоб на заводе только мужики оставались, да вольные, у кого бу маги есть... Появл?

— Все облажу,—ответил урядник.

Нелидов быстро отвернулся и посмотрел вслед возку, который быстро катился по дороге вниз, подымая за собой облако пыли.

Старик перекрестился широким крестом и пошел к «арсеналу».

Арсенал этот представлял ряд огромных барачков, которые были, как и все здания заводского городка, сколочены из стволов столетних кедров. Здесь, у этих барачков, кипела работа: из одних выносили пушки, из других—ядра, цепи якорные и кандалные. Все это складывалось кучами у каждого барака.

Бесчисленные подводы стояли в ожидании погрузки... Толстые деревенские лошади, понутив косматые головы, согнув колени, медленно пережевывали сено.

Контрщик Иван Захарыч суетливо перебегал от барака к барачку с рестрами, пересчитывая мортиры, гаубицы, фузейные стволы...

Нелидов подошел к пушкам и стал их внимательно выстукивать. Засучив рукава, он засовывал руку в зияющие дула... Несколько забраковал. Их оттащили в сторону. Началась погрузка. Телеги скрипели и охали, когда на них взваливали дула чугунных орудий.

— Осмотрел подводы? — спросил Нелидов Ивана Захарыча. — Выдержат?

— Все осмотрел,—отвечал тот поспешно.—Надо полагать... выдержат... До барок доставим... Вот лошадаенки плохи, Никита Петрович!—озабоченно проговорил он.

Нелидов подошел к складу стальных клинков. Взял один,дохнул на полированную сталь и внимательно следил, как пролился затуманенный клинок. Потом тряской обернул клинок у ручки, подошел к молодой рябине, которая росла около барака и, размахнувшись, нанес удар по дереву клинком... Сталь глубоко впилась в молодой ствол, и верхушка дерева

стала медленно склоняться и пала к ногам хозяина. Он выдернул клинок и стал рассматривать лезвие... Зазубрин не было. Хмурое лицо его просветлело, он ласково похлопал по плечу мастера и сказал:

— Молодец!.. Хороша закалка!.. Не посрамишь Нелидова!.. Туляк?—спросил он.

— Туляк, — отвечал радостно мастер.

— Сразу видать!.. Я сам, брат, туляк, земляк твой—знаю тульскую работу. Спасибо!—и старик поцеловал растерявшегося мастера.—Осударево дело!.. Все для России — матушки! — бросил Нелидов свою любимую фразу, хорошо всем известную... И Семеву сыну, который катил сейчас в Санкт-Петербург бледный, растерянный, и Ивану Захарычу, который сутился около бараков со своими реестрами, и всем мастерам, и каторжникам в цепях, и безответственным мужикам, которых сотнями на веревке приводили в завод по приказу цареву «ладить великое Осударево дело». К этой навязчивой фразе привыкли все — даже заводские лошаденки, которые, обычно, отмахивались от нее своими облезлыми хвостами...

В горнице, у тяжелого дубового стола, на скамье сидел Нелидов, а перед ним стоял, согнувшись, Иван Захарыч и кончал свой ежедневный рапорт.

— За сутки сбежало шестеро, — говорил он, искоса поглядывая на хозяина, — да семеро померли...

— Что они, как мухи дохнут? — мрачно спросил Нелидов.

— Не стоят!.. Известно, — народ хлипкий!.. Баловный народ!.. Болеют!— Во и в дальнем бараке, в Ивановском... все, почитай, слегли... болезнь какая то... Не стоят что-й-то. К заводскому делу деревенские непривычны!..—говорил он.

— Сеньке плетей дал? — спросил Нелидов.

— Как же, дал... Сам отсчитал! Только парень ненадежный, — понизив голос, заговорил конторщик, — не смиряется, грозитя!..

— В колодки его, — уронил Нелидов.

— Слушаю... слушаю! — заговорил Иван Захарыч. — Вот тоже баба Терентыха... выпорол я ее за богохульные слова против твоей милости...

— Какая Терентыха? — рассеянно спросил Нелидов.

— Куркина вдова... Куркина... мужа ейного в шахте бадей пришибло, она с ребятами осталась... я ее с завода гнать стал, а она, дура, ревмяревет... итти не хочет и тебя поносными словами при всех...

— При всех?... — переспросил Нелидов.

— При всех, как есть при всех. Такая баба злобственная... неустрашимая баба!

— Посади ее в Орловскую шахту. Да еще сгони туда всех, у кого язык длинный... Разумеешь?

— Разумею... Чего тут!

Наступило молчание. Доклад был кончен, но Иван Захарыч мялся и не уходил... Нелидов поднял на него глаза.

— А дозвошь спросить, осударь, Никита Петрович, почему такому ты приказ Перначу дал сибирных и кто старой веры с завода согнать?... Рабочих преуменьшитя... Замедление будет.

— Кто тебе сказывал, что я их согнать велел? — быстро прервал его Нелидов.

— Сам слышал... Около стоял, — быстро ответил Иван Захарыч.

Нелидов посмотрел на него. Помолчал, потом заговорил:

— Велел схоронить, потому ревизор едет...

— Ревизор?! — вскрикнул Иван Захарыч. — Пресвятая богородица! Никола милостивый! К чему это?..

— Донос был! — неохотно ответил Нелидов, мельком взглянув на Ивана Захарыча... — Ты смотри, что б книги в порядке были... Может, завтра и прикатит.

— Завтра?... С нами крестная сила!.. Господи!.. — ужасался Иван Захарыч. Помолчал. Потом заговорил:

— Что касаемо книг, то будь спокоен, Никита Петрович... все в порядке. За многие годы вся работа как на ладошке... Увидит г. ревизор, как мы правим дело Осударево — вырази-

тельно подчеркнул он последние два слова, не спуская глаз с Нелидова.— Насчет книг покоен будь... А вот...— и он вдруг оборвал свою речь.

— Ну?—бросил Нелидов.

— Батюшка-осударь! Милостивец! Знаешь сам, как я тебе предан! Что пес предан... так вот чего боязно...— и опять загнулся, замолчал.

— Не мямли, говори!

— По-моему зря ты беспокоишься о беглых там да староперах, да о бабах глухих... Не станет г. ревизор на эдакую дрянь и время тратить... Я так мекаю, осударь, что дело тут не в бабах..—И опять замолчал.

— Говори, что ведаешь, — сказал Нелидов.

— Конечно, милостивец, человек я маленький... ничтожный... одначе душонку свою за тя положить готов!... Потому ноет мое сердечушко...

— Что кружева плетешь? Говори!— повысив голос, сказал Нелидов и положил сжатый кулак на стол.

— Так думаю... не в башне ли дело!...—проштал Иван Захарыч, впиваясь глазами в лицо хозяина.

Нелидов чуть вздрогнул, но сразу овладел собою и равнодушно уронил:

— А что ж тут башня? Чем она кому мешает?

Иван Захарыч усмехнулся, и Нелидов это заметил, но виду не показал.

— Не башня, милостивец... не башня! А что в башне?... протянул он, подвигаясь к Нелидову.

— А что в башне?—деланно-равнодушно спросил Нелидов, но голос его сорвался и странно зазвенел.

— Испугался старый дьявол! — мелькнуло в голове Ивана Захарыча. Он набрался духу:

— Сказывают, быто... в башне рубли чеканят!...—почти вскрикнул Иван Захарыч и вдруг чуть не умер от страха. Остолбенел...

Нелидов быстро всгал.

— Кто рассказывает?—крикнул он.— Говори! Укажи, кто? Баба Терентыха? Жена твоя? Ворона на хвосте принесла?... Эко что выдумал! Ну, кто тебе рассказывал? Ну!

— Ребята рассказывали...—запинаясь, лепетал растерявшийся Иван Захарыч.

— Вобщем... молва такая идет... Врут, конечно... А все нехорошо, коли кто ревизору болтнет.

Иван Захарыч уже нащупывал под ногами почву.

— Мало ли что люди плетут,—сказал Нелидов, пытаясь равнодушием тона скрыть тревогу.

— Верно, батюшка Никита Петрович! Верно,—затараторил Иван Захарыч.—Плетут!... Ой, как плетут!... А сплетут и обесславят... честного человека под кнут подводят... Есть такие ехидны, прости, господи!.. Был человек в почете... во славе... в богатстве... И вдруг по пустошному слову злему... всего лишается! Поздри, батюшка, вырвут... клейма, батюшка, поставят, да в Сибирь, в рудники... на цепочку, нашего же изделия... н е л и д о в с к о г о!.. Хи... хи... хи!...—Иван Захарыч вдохновился и сам наслаждался.

Нелидов не смотрел на Ивана Захарыча. Он сидел неподвижно и только левая рука его, лежавшая на столе, барабанила и притом слишком громко. Наконец, он решил, что Иван Захарыч уже высказался достаточно ясно, и вдруг повернул к нему свое лицо.

Иван Захарыч даже поперхнулся от неожиданности и сразу замолчал. Лицо Нелидова было озарено улыбкой. И лукавство было в этой улыбке, и добродушие какое-то. Никогда Иван Захарыч не видал такой улыбки на лице своего сурового хозяина. Не верил своим глазам. Растерялся вовсе.

— Улыбается, чорт!—мелькнуло у него в голове.—С чего бы?

Нелидов встал, подошел к нему, положил обе руки на его плечи. Тяжело положил, словно хотел в землю Захарыча вовсе втиснуть... Но не втиснул, а заговорил совсем спокойно, даже весело.

— Ну, и шутник же ты, Захарыч!.. Разбогатею—шутом тебя в дом возьму! Пойдешь?

— Пойду, милостивец! Как не пойти?—отвечал Иван Захарыч, все еще чувствуя на плечах давящие Нелидовские руки.

— Одначе, — продолжал Нелидов, уже переходя в серьезный тон,—речь твоя мне не по нутру!... Не хочу я, чтоб такие речи пустошные до г. ревизи-

зора дошли! Конечно, вздор это все... Одначе, грязь и к чистому липнет... Потом долго отмывать приходится! Припрячь-ка ты тех, у кого язык долгий, особливо тех, кто тебе все это сказывал... Кто по дешевле,— того припрячь. А кто подороже,— тому серебром глотку заткни! Уразумел?

— Уразумел!—ответил Иван Захарыч, насили выговорив это слово от волнения.

Нелидов помолчал. Снял руки с плеч Ивана Захарыча и сказал раздельно, подчеркивая каждое слово:

— Нутка, смекни... сколько тебе на этот расход потребуется?

— Цел...ко...вых... сотню, — задыхаясь сказал Иван Захарыч. У него спирало дух.

— Сотню? — протянул Нелидов, — что больно дешево?... Накинь еще... Вернее будет... Крепче...

— Ну, если... твоя... милость... набрось еще... хоть четвертнюю...

— Полторы вечером получишь!— уронил Нелидов.

...Из хозяйской горницы Иван Захарыч летел, не чуя под собою ног. И крестился, и задыхался, и шептал: «Слава те господи! Слава тебе!.. Мать пресвятая богородица!... Милостивец Никола!... Попался в капкан старый волк! Теперь я его сгною!... Сам на его место сяду!... Ей-богу сяду! Все расскажу ревизору! Видит бог и святая троица».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

С ГОР спускался тихий вечер. Вершины еще горели в лучах заходящего солнца, а долина уже окуталась мягкой серой мглой. Сплошной шум дневной суеты утих, сменился одиночными, разрозненными звуками. Кто-то крикнул, — и крик отозвался в горах. Залаяла собака... С другого конца городка ей в ответ затыкала другая. И опять все смолкло. Одна Гремучка неумолчно рокотала свою песню.

... В монетной мастерской замолкли пьяные крики. Таинственные обитатели темной башни задремали в тяжелом, угарном забытии... Грезили.. Кто о темных тайнах суровой тайги... Кто о далеких равнинах России, где ходят

волны по золотому морю спелой ржи, синеют васильки и в безоблачной выси неба звенят жаворонки.

... А в каземате, где сидел Федор, все еще визжала пила... Визжала хрипло.. словно плакала.. злости в ней не было... Иступилась! Федор освободил правую руку и смотрел на нее, гладил ее, свободную. Теперь пилил черный, пилил, матерно ругая тупую пилу, ругая Нелидова... Теперь Федор говорил ему:

— Пили, дядька, шибче, да мне кидай!

... Окутанный тьмой, Нелидов подошел к башне, остановился на плотине и огляделся... Из черных кустов выделилась фигура... Это был Серега Рвач.

— Спят?—спросил Нелидов.

— Перепились... спят, ангельским сном спят!—ответил шопотом Серега и, вдруг, наклонившись к самому уху хозяина, заговорил:

— За тобой следят... Я видел, кто-то следом шел!—И, быстро схватив старика за рукав, Сережка дернул его и зашептал:

— Смотри влево! Вон дерево...

Нелидов рванулся влево.

— Стой... Не горячись!.. Слугнешь!.. Поймаем! Ты стой на месте!

И Сережка бесшумно скользнул опять в кусты. Нелидов стоял неподвижно. Сердце колотилось. Кровь била в виски...

Мгновение... другое... Вдруг... полузаглушенный крик-визг... и Сережка выделился из сумрака...

Он волочил что-то темное, неподвижное.

— Получай, хозяин!—сказал он, показывая на добычу, лежащую на земле. Нелидов быстро нагнулся, стал всматриваться...

— Никак Ива...?! — полувопросительно заговорил он.

— Захарыч и есть!—отвечал Серега, всмотревшись в неподвижное тело.

— Жив?—спросил Нелидов.

— Кто его знает!.. Кулаком я его хватил... в висок угодил! — отвечал Серега.—Ну, куды его таперя? Добить, что ли, для верности?

— В Гремучку!

Темным мешком полетело что-то в реку. Раздался треск... Иван Захарыч ударился головой и, колотясь о камни, кувыряясь в пене, понесся вниз по течению своенравной веселой Гремучки.

— Упокой, господи, душу раба твоего Иоанна!— со смехом проговорил Сереежка. — Зловредный был старичишка!... Все около башни шляется... Все принохивался... Должно он и донос настрочил...

Стояли оба и молчали... Во тьме не видно было лиц. Потом заговорил Нелидов спокойно, деловито.

— Застав этот спусти... Тот по дыми, открой здесь ворота...

Сереега молча делал все, что ему говорили.

... И вдруг бурный рокот речки утих... Река остановилась... Там, где только что клубилась пена, вдруг образовался темный пруд. Вода поднялась выше окошек подземных казематов, подошла к каким-то темным дверям, зиявшим в фундаменте башни, и вдруг широкой струей рванулась в подземелье, заливая монетную мастерскую, Федора и его товарища, а может быть и еще кого-нибудь... Кто это знал, кроме самого Нелидова?..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

НА ДРУГОЙ день после обеда Нелидов встречал царского полковника Филатова, Льва Григорыча. Он приехал с двумя чиновниками, был важен и разговаривал сухо. Нелидов держался с ним так же... Оба готовились к борьбе, следили зорко друг за другом, всматривались, словно силы противника мерили... Друг друга нащупывали...

Нелидов водил гостя по заводу, показывая строения, мастерские, повел и к арсеналу, где происходила спешная погрузка подвод.

— Изволь посмотреть, ваше высококордие, — говорил Нелидов, указывая на пушки, — приказал его величество императорское сто доставить, а я полтораста посылаю... Обрати внимание, какова конче отливка... Нев пример лучше прежней!.. Не хуже свейских будут!.. А вот пищали... новым

манером налажены... И весом легче, и сталь лучше...

Полковник Филатов рассеянно слушал и вдруг прервал его деловитую речь.

— Прекрати ка ты работы, Никита Петрович, и рабочих стони всех на площадь. Его императорское величество указал мне рабочих спросить. А покада они собираться будут, я пойду с тобой шахты ревизовать.

Нелидов слегка кивнул головой, поманил урядника Пернача и вполголоса передал ему приказание. Урядник кивнул головой и побежал.

— Какую шахту прикажешь показать, ваше высококордие?—сухо спросил Нелидов Филатова.

— Пойдем в ту, что дальше всех, — ответил тот.

Нелидов слегка усмехнулся.

— Верст пять будет, — сказал он. — Заморишься, может, — возок заложить?

Полковник помолчал.

— А ближе есть которая?

— А ближе — с полверсты.

Они вышли из городка и пошли по разъезженной, грязной, лесной дороге. Навстречу им все время шли рабочие. Иные обгоняли их. Медленно двигались телеги, груженные рудой.

— Какие они у тебя рваные! — сказал брезгливо полковник, мотнув головой на рабочих.

— Известно... не на куртаг собрались... К тому же одежда своя... не казенная... Мужик на работу плисовых штанов не оденет! — ответил сухо Нелидов.

— Ну, и дорога у тебя, — пробормотал полковник, проваливаясь одной ногой в жидкую грязь глубокой колеи.

— Когда меня сюда его величество с Тулы пригнал, так здесь никаких дорог не было. Чаща одна. А я бы и дороги справил, да когда с Питера приказ за приказом присылают, чтоб скорее пушки лить, да пищали готовить, так тут о дорогах вовсе забудешь...

— А это что у тебя? — ткнул пальцем полковник на длинные ряды новых крестов, теснящихся у подошвы горы.

Нелидов усмехнулся.

— Кладбище это... — неторопливо ответил он.

— Что крестов больно много?

— Сколько следует. Нельзя меньше... у вас, военных, в общую яму велят, а у нас свой порядок: каждому—по кресту! Сколько покойников, столько и крестов... обману нет. Счет правильный.

— Уж больно много!

— Много потому, что работа трудная да спешная. Мрет народ... Режем мы его без жалости... По царскому приказу: «не жалея людей!» Все едино, что у вас на войне... Вы в батальи людей не жалеете, а мы—в работе. Та же война... может и хуже еще...

— А бунтуют мужики?

— Бывает!

— А ты как умиряешь?

— Кого к воеводе посылаю, а кого и сам... плетями, конечно... В острог сажаю...

— А до смерти засекал кого?

— Случалось... Мне за всем не усмотреть... Народ слабый... мученый... Влепят десяток лишних, а он, смотришь, дух и спустиг... бывает! Не так, чтоб много, а приключается...

— А в остроге много сейчас?

— Десяток-другой сидит.

— Я потом острог осмотрю.

— Сделай милость.

Помолчали.

— А ты меня и в слободу раскольников сведи...—вдруг сказал полковник Филатов, останавливаясь и переводя дух.

— Какая такая слобода?—с удивлением переспросил Нелидов.

— Раскольничья... какая!.. Что ты, Никита Петрович, простачком прикидываешься! Точно о раскольниках не слыхал!..

— О раскольниках я, конечно, очевидно слыхал, а чтоб у меня здесь ихняя слобода была, этого еще не слыхивал.

— Я ведь сей момент с тобой только персональную конверсацию веду, Никита Петрович, а завтра я по форме следствие начну... всех опрошу... Таков приказ государя императора,—сухо сказал Филатов.

— Я приказу государя императора не супротивник. Кого хочешь спрашивать...

— Ты мне сегодня вечером своего конторщика пришли, Ивана Захарова, — сказал полковник, не сводя глаз с Нелидова. Но тот выдержал этот взгляд и спокойно ответил:

— Сегодня не могу... на Чусовую он отъехал, понтоны и барки проверять... А завтра к вечеру, должно, вернется... Если прикажешь, я верхового сегодня пошлю... Утром завтра будет...

... Пришли к шахте. Полковник заглянул в огромную зияющую дыру... Дна не видать. Затхлой сыростью несет оттуда.

— Спуститься желаешь?—спросил Нелидов.

— Спустишь!—решительно ответил Филатов.

— Бадья!—крикнул в дыру Нелидов, и голос его загредел перекатами где-то внизу.—Бадья!.. Бадья!..—на разные лады отозвалось снизу.

Мужик зачмокал на сонных лошадей. Те тронулись с места, заходили вокруг ворота. Задрезжала ржавая цепь, вздрогнула, потянулась.

Лошади медленно ходили по кругу. Мужик слегка шлепал их хворостинами... цепь лениво заматывалась на бревно, которое крутилось над черной дырой.

Ревизор заскучал... он тоскливо смотрел на свои грязные ботфорты, по колени в липкой глине.

— Скоро?—спросил он.

— Не так, чтоб очень!..—равнодушно ответил Нелидов.

Наконец показалась бадья. Остановилась у края дыры... слегка покачиваясь... грязная...

— Изволь, ваше высокородие... лезь в бадью—не без иронии пригласил Нелидов.

В бадье сидел каторжник с зверской физиономией и угрюмо смотрел на полковника.

— Ты кто?.. Как звать?—спросил Филатов.

— Я-то?.. Я—Рубец Ванька!—прохрипел тот.

— Сам сюда на работу пришел?.. Беглый?—спросил резко Филатов.

— На кой дьявол мне эта работа?—ответил тот.—Солдаты приволокли.

— Помилуй, осударь - батюшка! Защити, осударь! — вопила баба...

— Ты што... калачей беглым привез? Раздавать будешь?—спросил он и захохотал.

Полковник Филатов в бадью не полез и молча отправился в обратный путь. Нелидов легко справлялся с трудностями дороги, даже прыгал по кочкам... Филатов проваливался в грязь, изнемогая в своих ботфортах. К тому же тяжелый палаш колотил его по ногам. Молча добрались до городка.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

НА ПЛОЩАДИ длинными рядами стояли рабочие. Полковник долго обходил ряды, останавливался, заговаривал. Рабочие и мужики угрюмо отмалчивали или отвечали односложно. У всех оказались документы в порядке, беглых и раскольников на заводе не было. Ни одного не нашлось.

— Зачем в кандалах так много?

— Бегут очень... удержать нет сил, — спокойно ответил Нелидов.

Филатов повернулся к дому Нелидова... Вдруг из толпы баб вырвалась одна с ребенком на руках и бросилась к его ногам. Ударившись головой, ребенок заорал благим матом.

— У меня беглых нет!—уронил Нелидов.

— Сказывают, будто есть!—оборвал его Филатов.—Есть на заводе беглые?—спросил он каторжника. Тот засмеялся.

Нелидов невольно-сделал шаг вперед и сжал кулаки. Урядник сгрел бабу...

— Оставь ее!..—крикнул Филатов.—Что тебе?—обратился он к бабе.

— Помилуй, осударь-батюшка! Кормилец, помилуй! Защити, осударь!—вопила баба, тыкаясь носом в навозную землю.

— Ну, говори... толком... что тебе надо?—недовольным тоном заговорил полковник.

— Помилуй, батюшка, век буду богу молиться! Муж мой... Лаврентий... на работе помер... в чугуне, вишь, сварился, а меня... хозяин с детей с завода гонит: «Иди, говорит, христовым именем питайся. Христос, грит, тя прокормит!.. А я тебя кормить не буду!»

Филатов перевел глаза на Нелидова и встретил неподвижное и даже равнодушное лицо.

— Порядок такой!—сказал Нелидов.—В законах нет, чтобы завод кормил вдов, сирот. И калек при заводе не оставляю...

Полковник пошарил в кармане, достал гривенник, посмотрел на него, опустил его в карман, опять покопался, достал медный пятак, бросил бабе и решительно отвернулся от нее... Перед ним был дом Нелидова, а за ним стояла огромная, мрачная башня. Полковник вдруг оживился.

— Что за башня?—спросил он.

— Сторожевая... Спервоначала от киргизов оборонялись... отсиживались.

— Я хочу ее осмотреть,—бросил Филатов.

— Сделай милость,—небрежно ответил Нелидов.—Только нет в ней ничего... Смотреть нечего.

Подшли к башне. Филатов обошел ее кругом. Трубу увидел.

— Зачем труба?.. Мастерская здесь?

— Была мастерская... да водой залило.

— Какая мастерская?

— Слесарная, для пищалей работали.

— А больше ничего не работали?

— Пробы чугуна плавил... Ладил так, чтобы лучше сплав найти для пушек.

— Нут-ка, покажи свою пробную мастерскую.

исключений.

Нелидов повел полковника по узкому краю земли, не захваченному водой, достал ключ, отворил дверь.

Филатов решительно двинулся в открытую дверь. Нелидов крепко схватил его за руку и задержал:

— Не торопись, ваше высокородие... В воду угодишь!.. Еще отвечать за тебя придется!—сказал он.

зачал... Нелидов тоже впился глазами в жуткую глубь и тоже наклонился... Чего они так долго смотрят? Что они там увидели?.. Или так... померещилось обоим?..

Филатов вдруг выпрямился и уперся взглядом в глаза Нелидова. Тот, не мигая, смотрел в глаза Филатову. Поединок начался. Противники скрестили шпаги... Вдруг Филатову показалось, что глаза Нелидова словно загорелись волчьим огоньком. Так в зимнюю ночь горят волчьи глаза... И легкий холодок пробежал по плечам Филатова... Он первый не выдержал, опустил свои глаза.

— Чего ты в воду смотришь? Не хорошо в темную воду смотреть! Померещится что... и свалишься...

Действительно, если бы еще один шаг сделал Филатов, был бы он в воде; чуть ниже двери стояла вода... темная... неподвижная, заключенная в каменные стены...

Филатов отшатнулся и посмотрел на Нелидова.

— Вот это и есть пробная мастерская!..—сказал тот с усмешкой.—Смотреть хотел,—смотри!..

Солнце, ворвавшееся через открытую дверь, высветило угол воды до самого дна... Филатов стал всматриваться в воду... Даже наклоняться

— Давно водой залило?—спросил он, помолчав... Голос его дрожал. Словно он другое что спросить хотел; да не смог.

— Недели две...—сквозь зубы процедил Нелидов.

— Почему не откачал?

— Недосуг было.

Филатов опять повернул лицо к воде, опять наклонился и опять стал высматривать что-то в темной пучине... И вдруг он почувствовал, как тяжелая рука Нелидова камнем легла ему на плечо и словно толкала его... вперед... туда... к темной неподвижной воде... Филатов быстро сделал шаг назад, сбросил руку Нелидова и встретил волчий взгляд старика.

— Чего ты в воду смотришь?—глухо сказал Нелидов и, словно, угроза прозвучала:—не смотри ты! Голова закружится!.. Упадешь!

— Ты это что?—прошептал полковник, невольно хватаясь за палаш.— Ты...

— Не смотри в воду! Слышь!—почти крикнул Нелидов. Опять угрозу услышал Филатов... Или это так показалось ему?.. И, понизив голос, Нелидов стал шептать:—Не хорошо в темную воду смотреть!.. Померещится что... и свалишься!.. Смотри лучше сюда!..

И Нелидов протянул ему огромный золотой самородок... Он был отчищен, и золото сверкало живым, горячим светом.

... — Ребята наемни нашли,—бормотал он, протягивая самородок Филатову.—Смотри!.. Живой!.. Говорит!!

Много их у нас на Урале... А такие на редкость!.. В Санктпетербурх такой же царице свез в дар... Возьми!.. Чего?.. Ребятам своим свези,—пусть тешатся!.. Есть у тебя ребята?—вдруг спросил он.

— Есть, двое...—растерянно пробормотал Филатов, не спуская глаз с золота.

— Ну, и бери!.. А в темную воду смотреть не следует!.. В темной воде нечисть водится!.. Морочит!.. Тянет!.. А потом за тебя отвечай... Вон какой ты... Полотна белее! Пойдем-ка на вольный воздух... Эх, ты! а еще воин!.. Пойдем на башню!.. я тебе свое «царство» покажу... Да ты что его в руках держишь? Спрячь...

И самородок опустился в карман Филатова.

Поединок кончился... Полковник Филатов стоял на верхней площадке башни. Грандиозный вид открывался их взорам... Косматые горы словно выросли вокруг башни. Они мрачно обступили с трех сторон нелидовский городок, дерзко врезавшийся в их отвёрстую грудь... Только с одной стороны свободные дали ласкали взор... Синие, бесконечные дали... А внизу кипела суетливая жизнь.

Словно в разрытом муравейнике суетились муравьи. Дымили трубы, пылали доменные печи. И казалось, что неясный гул человеческих голосов покрывался звенящим криком железа, которое стонало под ударами молотов, визжало под пилами, гремело, падая на камни, шипело, урчало и клочотало в огневых, раскаленных котлах...

и от его бледных ног бледнела и никла трава. Но каждую ночь, вдалеке на тропе, воровской раздавался хруст: — шли кабаны.

— Идут! Ближе хруст. Слышен тяжелый сап. Различить уже можно черные движущиеся тени.

И тогда, в кустах, осторожно, без шума, без звука, начинают подниматься стволы. Они шупают темноту, дрожит на них переливчатая узкая змейка лунного света, по лунной змейке скользит взгляд охотника. Палец на спуске—железа тверже...

...Тих и жуток тугай, обрызганный лунной...

Когда лунная змейка на стволах со всех сторон ощупает темноту, общарит в кустах и упрется в черное пятно,—железный палец зашевелится, плотнее к плечу примет охотник ружье,—блеснет, грохнет и гулко, стоголосо раскатится по тугаю ночной выстрел. Мгновенный шум, мгновенный взмет теней—и нет кабанов. Только стонет под грузным напором тугай да под копытами чавкает вода: убежать стараются звери с предательской тропы, но нынче засады везде, и все тропы предательские, и вновь грохот, и молния, и знакомый, но невыразимо ужасный свист.

Утро в Туркестане наступает сразу. С гор как будто сдернет кто серый покров, в отсыревшую за ночь долину прольются с востока золотые легкие струйки, и, клубясь дымчатыми туманами, в небо вытечет тугай.

По утрам охотники сходились и сволакивали убитых кабанов в одну кучу. Звери лежали в холодно-нелепых позах, мутно белели изогнутые их клыки, и на клыках рисовала кровь странные, темные узоры.

Потом охотники разбрелись искать подранков: раненый зверь убегает в непроходимую колючую чащу, там кровь разливается небыстрым теплым ручьем, и горе тому, кто потревожит предсмертное кабанье забытье. Последние силы взорвутся отчаянной вспышкой, и охотник трупом ляжет рядом.

Поэтому охотники искали подранков, держа ружья на изготовке и ослабив в чожнах кинжал: если обманет

осечкой или промахом ружье, нужно встать на колено и, вытянув вперед руку с кинжалом, сделать ее твердой, как корень заматорелого саксаула. Когда набежит зверь, быстро упасть надо на бок: — зверь тяжел, срозмаху не сможет повернуть, пронесется мимо, и вот тогда надо вогнуть кинжал ему за лопатку.

Если охота бывала удачной, Хан в улыбке топорщил седые свои усы и, потроша зверей, напевал под нос неизменную песню:

А там, в лесу дремучем,
Разбойнички идут...

В случае неудачи он свирепел и ругался, как-то особенно присвистывая при этом. В неудаче он всегда винил товарищей: или зашумели, или кашлянули. Малай в ответ огрызался, а Федор молчал и конфузливо улыбался, робко поглядывая на Хана. Боялся Федор Хана страшно и за это Хан презирал его.

Часто Хан жаловался Малаю:

— Вот, родятся же такие люди!.. Смотришь на него, а он—как медведь: ручищи—во, плечи — в сажень, волосатый весь, страшный!.. Думаешь: — заденет — пришибет, как муху. А на деле — то он вовсе телок. Не люблю таких. Ты будь готов всегда другому глотку перервать, вот тогда и жить легко будет...

— Ты вот перервал одному, да от людей к волкам жить пошел, — язвительно отвечал Малай. Хан злился и краснел.

— Опять ты!.. За дело убил! Меня старый суд оправдал!

— Да, знаем мы... Оправдал, как раз!

— Тьфу, ты, сволочь!

Хан плевался и шел от Малая к Федору, садился рядом и затевал разговор. Но Федор пугливо косился и, боясь не угодить ответом, только неопределенно мычал в ответ. Хан, обычно, со зла, обкладывал Федора матерной бранью и шел спать.

2.

Зима коротка в Туркестане, и весна давно стучалась о холодный льдистый покров. От весны, как искры, летели одинокие светлые дни.

Наконец пробилa весна ледяную пелену; тугай позеленел, повеселел, высохли грязные дороги, зацвела мелкими, бледно-зелеными шишечками джида, в ветер с джиды слетали облака цветочной пыли; пахнет пыль одуряюще и приятно, и легко золотится под солнцем.

Вечерами Хан садился на пенек перед избушкой и играл на гармонике. Она визжала, захлебывалась в задорном море звуков; наверху у гармоники были два звоночка, и они в такт заливались тоненьким, дребезжащим смехом. Малай и Федор плясали. Сухой, приземистый и ловкий Малай легко и плавно скользил по траве, а Федор грузно, по-медвежьи, выколачивал ногами, точно хотел сам себя заколотить в землю.

В избушке ждал их облезлый кот Вать Ватильич, которого еще осенью привез из города Федор. Кот теперь совсем изменил образ жизни: раньше, зимой, все спал, а с весны забирался по ночам на крышу и подолгу орал диким, придушенным, круглым криком, и страшно надоедал всем.

Прогонять кота с крыши умел только Малай. Вытянув вперед худое свое лицо, он начинал выть. Вой был тоскливый, жутко-звонящий, как есть волчий, и прохладными весенними ночами, в ответ, такие же лились из тугай протяжные волчьи вои.

Кот смолкал, удивленно слушал, потом, фыркая и щетиняясь, спрыгивал с крыши и до утра сидел в избушке под нарами.

Изредка Малай, для смеху, пугал кота воем и в избушке. Кот метался, прятался, но вой наступал его всюду, наполнял все его существо древним, косматым ужасом, и кот, истомившись вконец, весь дрожа, ложился посередине на полу и, прижав уши, урчал и свалил белые зубы до тех пор, пока с нар не поднималась громадная тяжелая фигура Федора. Федор брал кота на руки, топил в черной жесткой бороде, приговаривая бабьим голосом:

— Ах ты, Васенька! Ах, ты, котинька! Да чего же ты, дурак, боишься?..

Близилась пасха. Под пасху в городе особенно хорошо раскупали кабаньи окорока. Малай повез их целую арбу.

Из города вернулся он тревожный...

— Опять Рахманкул балуется. Вчера в Аравате был я—страсть, что видал. Разбито! Разгромлено! Трупы есть. Побывал, проклятый...

— Ты пуль привез?—серьезно спросил Хан.

— Сотню привез.

— Что мало? Федор! Завтра дробы с полпудика на пули перелей да заряди все пустые патроны.

— Ладно,—отозвался Федор.—А то прихватят еще, как Климовых...

Три брата Климовых были такие же охотники. Жили они на Бешь-Куле ¹⁾. Пришел Рахманкул, у Климовых не было в запасе ни пуль, ни пороху, и через час перестрелки они сдались. Федор видел их трупы, обезображенные и иссеченные. Самого старшего Климова басмачи посадили на кол и сожгли, а двух остальных жгли, резали, а после, пригвоздив штыками к деревьям, оставили умирать.

3.

Над тугаем небо, как опрокинутая хрустальная чаша с голубой прозрачной водой; изломанными краями оперлась она на снеговое кольцо горных хребтов, и плавают в ней, по голубой воде, бесцельные паутины облаков.

Тихими, прозрачными вечерами отмечала весна свой путь, и каждое сегодняшнее утро было теплее и приветливее вчерашнего.

Лету уступала весна свое место; лето шло жаркое, сухое. В бездонных небесах каталось огненное солнце, чесало об тугай свою рыжую спину, оставляло на листьях желтые очесы. Тугай истомился, стал рыжим.

Для охотников весна пропадала зря. Неподалеку гулял Рахманкул со своими джигитами, и охотники таились,— не только стрелять,— говорить громко боялись: еще услышат басмачи, придут и снимут победные охотничьи головушки.

¹⁾ Бешь-Куле—«Пятиозерье».

Приходилось сидеть без дела. Было скучно. Надоели карты, надоел отщавший, облезший от жары кот Вать Ватильич.

Ждали. Думали, что скоро уйдет Рахманкул:—сторона здесь бедная, самые богатые кишлаки ограбил уже он,—что ему здесь больше делать?

Лиловые, как будто нарисованные, стлы на западе легкие тучки. Их пронзали, как окровавленные копья, последние прощальные лучи. За далекие горы огромное, красное падало солнце, и было похоже на раненого воина: шелом у воина блестящий и горит, а грудь—красная, залитая кровью.

Шел вечер и стал на тугай фиолетовые, густые тени. Над избушкой с пронзительным тонким свистом пронесли утки и солидно прогоготали в вышине невидимые в сумраке гуси.

— На озерах сейчас хорошо,—вздыхнул Федор.—И утки тебе, и гусей, а качкадаку этого, хоть палкой бей.

— А мы, вот, сидим дураками,— злобно вставил Малай.—Люди-то рыбу да птицу арбами в город возят, а мы—сидим... Проклаждаемся...

Федор вздохнул, поглядел кота и пощипал губами.

— Не по своей вине сидим, милак. Наша бы воля—часу бы здесь не были. Ну, а что сделаешь, если не уходит он, Рахманкулка-то? Супротив него не попрешь, а и попрешь, так голову снимут.

Малай скривил губы в презрительной усмешке.

— А если он год не уйдет, так и мы будем год сложа руки сидеть?

— И посидишь.. Кабы своя воля...

— Воля! Воля!.. Взял ружье да стреляй, вот тебе и воля. Поди-ка им, басмачам, только и дела, что до нас.

— До нас, не до нас,—ответил Хан,—а Климовых-то побили.

Малай фыркнул и обиженно сказал:

— Эх, понесли меня черти с вами в эту дыру!

— А что?—полюбопытствовал Хан.

— Да что! Ни кожи, ни рожи, вот что! Только погубишь свою жисть!..

— А поди-ка, больно дорога кому твоя-то жисть,—ядовито улыбнулся Хан.—Была у тебя жена, да и то сбегала. Тухлый ты человек, Малай, да и трус к тому же... Что тебя сюда, на аркане тащили, что ли? Сам пошел!

Малай не ответил. Стало тихо. За тугаем глухо рокотала Дарья, от нее ползла сырость и тяжелой тишью наваливалась на тугай. Небо было глубокое, темное, и звезды на нем, переливаясь, играли, как дрожащие капли воды.

В избушке Малай приготовил чай. Пар из чайника белым штопором ввинчивался в сумрак и капельками оседал на мутном стекле окна.

Малай стал разливать чай в жестяные, ржавые кружки. За тугаем, вдруг, недалекий, чуть приглушенный, ударил выстрел. Потом еще. Частая засыпала пальба.

— Басмачи! — выкрикнул Малай. Чайник с грохотом упал на пол. Малай заметался по избе, в испуге хватая то ружье, то револьвер.

— Не юли,—сердито рявкнул Хан, и пнул чайник в сердцах ногой. Федор пошел запереть ворота. Завалив их громадным, сучковатым бревном, он стал прислушиваться: выстрелы слышались в полуверсте, не далее.

Вернувшись в избу, он сказал полупрозрачно:

— Вы спите, а я покараюлю.

— Какое спанье!—разозлился Хан. Окно завешивай! Да не этим, телок ты проклятый! Шинелью! Шинелью, тебе говорят! Ух вы, сволочи, телки вы божьи! Федька! Становись у ворот! А ты, Малай, на крышу лезь! Да живее поварачивайся! Чего дрожишь, как сука! Лезь!

Пальба не прекращалась. Выстрелы сухо трещали все чаще и чаще. Казалось,—в разных концах тугая кто-то бьет прутом по сухому, тонкому тесу. Вдруг тугай захрустел. Затопало в тугае, и на полянку вынырнула лошадь; на ней, пригнувшись, сидел человек.

— Кто?—нервно и звонко выкрикнул Федор и взял всадника на прицел.

В ответ донеслось неясное бормотание. Тяжело перевалившись, всад-

сключений.

ник, как мешок, упал на землю и, видимо, собрав последние силы, слабым, угасающим голосом сказал:

— Свой... Раненый...

И умолок, оставшись лежать возле нервно-похрапывающего коня.

Федор стоял минут десять, не двигаясь и не спуская с придела лежащего человека, в любую минуту готовый спустить курок. Но вот пальба, так же сразу, как и началась, затихла. И опять ясно стал слышен рокот Дарьи. Прибежал Хан и радостно зашептал:

— Уходят! Уходят!

Потом вместе с Федором они пошли к лежащему без движения человеку. Зажгли спичку: человек лежал лицом кверху, бледный, и около ноги была кровь.

— Раненый, — сказал Хан. Осторожно они подняли раненого и унесли за забор. Потом Федор принес винтовку, клинок и привел коня.

— Наган, — задумчиво повертел в руках револьвер испуганный Малай. — Командир, поди. А я чуть не хлопнул. Курки поднял.

— Все равно не попал бы с перепугу, — отозвался Хан. — Федор, дай-ка поду.

Раненый лежал без сознания. Хан ловко перевязал ногу, поудобнее уложил его и сам сел рядом, внимательно прислушиваясь к вновь начавшейся далекой стрельбе.

— Не то в Киалах саят, не то в Шады-Казыке? — спросил Малай.

— В Киалах, — уверенно ответил Хан. — Из Шады-Казыка не услышишь.

Раненый глухо застонал.

— Эх, и больно, поди — сострада-тельно сказал Федор.

— А ты что думаешь, — сухо хихикнул Малай, — сладко, что ли...

— Как он сюда влип? — вслух подумал Хан.

— Я говорю: — командир, — ответил Малай.

— Наверно командир. Федя, посмотри, есть что ли нашивки-то на шинели.

— Есть, — ответил Федор и, порывшись в шинели, добавил:

— В кармане есть что-то...

— А ну, подай, — распорядился Хан.

Федор подал большой черный бумажник. Хан вытряхнул его на стол. Кучку червонцев он пересчитал и, пронзительно посмотрев на покрасневшего Малая, спрятал обратно. Развернув четвертушку бумаги, он подал ее Федору:

— Ты, Федя, грамотный.

Федор наклонился к лампе и, с трудом разбирая полузабытые уже буквы, прочел:

Хан и Федор подошли...
Раненый лежал лицом кверху, бледный, и около ноги была кровь...

— «Товарищу, храброму командиру В. Веревкину, от курбаши ¹⁾ Рахманкула. Ответное письмо.

С великой радостью прочитал я ваше письмо, где вы пишете, что штаб поручил вам вести со мной мирные переговоры. Я давно хочу помириться с Советской властью, но до сих пор боялся и не знал, как это сделать. Я готов сдать, при условии, что мне и моим джигитам будет обещана полная неприкосновенность.

Встречу для окончательных переговоров назначаю в кишлаке Арават, 5-го июня, в два часа дня. Я явлюсь с пятью джигитами, оставив отряд неподалеку, как предлагаю сделать и вам. В случае, если вы согласитесь на предложенные условия, сдача состоится там же.

«Рахманкул, курбаши,
печать приложил».

Печать была широкая, большая, и как змеи переплелись на ней мусульманские буквы.

— Непонятно, чегой-то, — сказал Федор. — Выходит — на завтра встречаю у них.

— Смутно, — согласился Хан. — Ну, очнется — расспросим. А сейчас ты, Малай, иди на караул. Федор, смени Малая. А я — под утро.

Когда на следующий день стали пить чай, Хан, посмотрев в сундучек, где хранились лепешки, сказал:

— Лепешек-то нет ведь, ребята. Малай, придется тебе итти.

— Зачем итти, — перебил его Федор, — когда конь есть. Крой Малай!..

— Я!.. Что это ты меня-то посылаешь? Сам иди!

— А ты что? Боишься, — зловеще спросил Хан.

— Да не боюсь!... А хоть и боюсь, — тебе-то какое дело! Не поеду, сказал!

Хан шагнул к Малаю и, плотно сжав челюсти, выбросил слова, как тяжелые камни:

— А то и дело, что трусов нам не надо! Понял? Твоя очередь! Кто за тебя пойдет?!

— Не поеду, — зло ответил Малай.

— Не поедешь?!, — оглушительно заревел Хан. Испуганный кот соскочил с нар и бросился к двери. Раненый заворочался и застонал.

— Тише вы, ироды, — успокоительно заговорил Федор. — Вишь, и кот разбудил, и человек тревожишь. Ревешь, как лев. Будет лаяться. Я съезжу. Мне, заодно, лесы купить надо.

4.

В Киалах Федора поразила мертвая тишина. Обычно веселый и шумный кишлак этот как будто спал еще. В извивах узких улочек залегла ночная, жуткая тишь. Федор сразу понял, что вчера пальба была в Киалах, — незванным гостем нагрянул Рахманкул, и ошеломленный кишлак не очнется до сей поры.

Дорога поворачивала почти под прямым углом. Сбоку чернел глубокий, сухой арык. Федор случайно бросил взгляд на дно арыка и вздрогнул: там, наваленные один на другой, лежали трупы. Желтый халат верхнего пестрел кровавыми пятнами. Какой-то старик лежал лицом вверх. Часть головы у него была снесена совершенно, под окровавленными толстыми губами желтел оскал судорожно стиснутых зубов, седая борода слиплась от крови и торчала в разные стороны толстыми, ржавыми клиньями.

С хмурыми лицами к арыку подошли декхане ¹⁾ и вытащили трупы наверх. Откуда-то прибежали растрепанные женщины и завывали, обнимая дорогие, вчера еще живые, головы.

— За что он их? — тихо спросил Федор у ближайшего декхана.

— Бельмейман ²⁾ — ответил тот и, вздохнув, прибавил по-русски: — кто знает? Плохо год... Плохо день... Алла не любит... Алла сердит...

Декхане принесли широкие носилки, укладывали убитых по двое, и носили на кладбище. Федор пошел за ними, привязав лошадь к старой, кургузой иве у арыка ³⁾.

На кладбище уже была готова могила — круглая нора, ведущая в выдолбленную в земле комнатку.

¹⁾ Декхане — крестьяне.

²⁾ Бельмейман — не знаю,

³⁾ Арык — канал.

⁴⁾ Курбаши — военачальник, полководец.

— Много ли убили? — спросил Федор.

— Двадцать три, — сильным, горбатым голосом ответил декхан и рассказал, как вчера Рахманкул встретился с пятью конными красноармейцами, порубил четырех, а пятый убежал куда-то и, как ни шарил джигиты, — найти его не могли... Рахманкул решил, что красноармеец скрывается в Килах. Нагрянул в кишлак, джигиты бросились по кибиткам, тащили одеяла, халаты, лазили по хлевам, по сараям, ища убежавшего.

Потом Рахманкул призвал стариков и потребовал у них тысячу. Старики собрали только семьсот, и Рахманкул расстрелял их.

— Ох! О-о-о! — вдруг взвыл декхан, заскрежетав зубами и топая ногой в бессильной злобе, — О-о-ох! Отец бил! Брат бил. Меня не бил — не нашел!...

...Через желтую щетину камыша непрерывно ходили люди, приносили все новые трупы и складывали их около могилы; в застывших мертвых глазах тускло играло солнце, сушило кровь на халатах, и кровь приобретала ржавый цвет.

Рядом бурлил, юлил говорливый арык, женщины носили из арыка в тонкошеих кувшинах воду и обмывали лица трупов от грязи и крови; чем мыли они их больше — водой ли, слезами ли?!

Федор внимательно осмотрел трупы: редкие были убиты наповал. У большинства раны были в живот.

— Ох, собаки! — вслух охнул Федор. — Ох, и убить-то толком не могут...

И он почувствовал, как колющим холодом злости налилось, набухло его тело. Наверное декхан понял его, потому что сказал, жалко улыбнувшись:

— Сердишься, ака... Мы тоже сердимся...

— Сволочи вы все! Трусые! — закричал в тоскливой злобе Федор. — В кишлаке ни одного ружья... Бараны!.. Эх!..

Пришел мулла, старый, седой и тучный. За ним два суфия на маленьких носилках привесли большую черную книгу.

Мулла постелил коврик и встал на колени, лицом к востоку. Встали и

все мусульмане. Федор снял шапку, подумал, и тоже встал...

Мусульмане молились долго, в истовой тишине. Молился и Федор, клал земные поклоны и тяжело, размашисто крестился.

Трупы унесли в подземную комнатку, там долго их ломали, усаживая: оконченные тела упорно валились на бок.

Потом вход в могилу завалили камнями и замазали глиной. Толстый мулла встал, вздохнул глубоко и запел густым, гулким басом. Запели и суфии. После каждого куплета толпа клала поясные поклоны и хором вполголоса восклицала:

— Алла!... Алла!...

Сдержанно, рощуще грозно, словно призывая неотвратимую, страшную кару, гудел бас муллы, а суфии мешали плачущий полушопот с скорбными выкриками.

Горестно склонили головы правоверные, и капали слезы в желтую пыль.

Дунул ветерок. С урюка, росшего над могилой, сорвался белый рой лепестков и испестрил желтую глину погоста. Несколько лепестков упали в арык, закружились и поплыли куда-то, вниз, вниз...

...После молитвы, мулла подошел к Федору и спросил:

— Урус?

— Урус, — ответил Федор.

— Молился? Твоя якши... Хороший человек. Очень хороший человек!..

— Чего уж там, — сконфузился Федор.

Нигде в кишлаке Федор не мог найти лепешек: ночью не пекли — не до этого было. Только какой-то высохший, желтый старик, у которого седая борода от старости покрылась желтоватым налетом, нашел у себя несколько штук и продребезжал:

— Завтра новые будут. Сын принесет.

— А разве он знает, где я живу? — удивился Федор.

— Знаю, хозяин, знаю, — заговорил подошедший сын, громадный, скуластый детина. — Твой дом — в тугае. Я знаю.

— Ах, черти, — подумал с тревогой Федор. — Уже пронюхали!

Взяв от Федора деньги, старик потряс их на шершавой, коричневой, твердой, как дерево, ладони и сказал с грустной улыбкой тусклых глаз:

— Пуль¹⁾ ...Зачем?... Все равно Рахманкул возьмет.

— А ты прячь, — посоветовал Федор.

— Моя прячь — его искать. Все равно возьмет...

5.

Хан смазывал свою тяжелую двухстволку, когда услышал слабый голос:

— Пить...

— А! Очнулся, миляга! Ну и здоров же ты, парень, спать. Пить, говоришь? На, на, попей.

Хан подал воды. Раненый пил жадно, захлебываясь.

— Еще, — попросил он.

— Ну, нет, — улыбнулся Хан. — Много сразу нельзя. Вот полежишь с полчаса, еще дам.

Раненый утвердительно кивнул головой. Попробовал пошевелиться, но застонал и смял лицо в гримасе.

— Больно?... Отлежал себе спину?.. Болит?..

Хан осторожно перевернул его. Раненый задумчиво посмотрел на окно: тускло зажгло солнце мутное стекло.

— Солнышко... — как-то подетски улыбнулся он и вдруг рассмеялся, скаля белые зубы и морща смуглое, красивое лицо.

— Светит, миляга, светит, — радостно заулыбался Хан. — Оно, братец ты мой, светит.

— А тот, другой, где? — помолчав, спросил раненый.

— Кто? Малай? Федор?

— Тот, что меня подобрал.

— А... Помнишь все-таки. Это — Федор. Он придет скоро.

Раненый откинулся на подушку и упер глаза в открытую дверь.

— Конь цел? — спросил он у Хана.

— Цел. Что ему будет?

Приехал Федор, шумно вошел в избу и бросил на стол лепешки. На вопросительный взгляд Хана ответил:

— Больше не нашел. Завтра принесут.

— Кто? — вскинулся Хан.

— Там. Из кишлака один... Они пронюхали уже. Не гноится рана-то? — кивнул Федор на раненого. Тот бескровно улыбнулся бледными губами, а Хан с уверенной гордостью ответил:

— Чего ей гноиться? Иодой залил!

Федор сел на табуретку и, спрятав руку в бороду, задумчиво почесал подбородок. Посмотрел на раненого, на Хана, хотел что то сказать, но раздумал. Помолчал еще. Наконец не выдержал.

— Это ты, браток, от Рахманкула-то утек? — спросил он.

— Я, — ответил раненый после минутного молчания.

— Я так и подумал. А за тебя, брат, Рахманкул в Киалах народу страсть перебил. Искал все тебя... Думал — ты в кишлаке гайшься.

Хан насторожился. Федор рассказал о ночном Киалинском побойше.

— А товарищев-то твоих, четверых, порубили всех...

— Вот зверье! — дрогнул раненый. — Мне уезжать надо.

— Вот так здорово, — улыбнулся Хан. — Куда же ты поедешь! Тебе еще неделю лежать надо! А ты... Ехать!..

Хан покрутил головой.

— Нужно, — упрямо повторил раненый. — Он искать будет. А найдет, так и вас всех перебьет...

— Не перебьет, — ответил Федор. — Твоя фамилия-то Веревкин, что ли?

— А ты как знаешь? — удивился раненый.

— Да уж знаю... Ты вот сплосал-то как, скажи. А мы грешны: — вчера письмишки читали твои.

— Из-за письмишек и попал, — зло бросил раненый. — Эти... Из штабата... Мириться вздумали. Меня послали. А он на подороге и перехватил.

Хан вылил изо рта попок ругательства.

— Ах, сукач! Потрох сучий! Значит, не стерпел в открытую-то, так из-за угла!..

— Он, поди, и не спит теперь от злости. Только и в мыслях, что меня поймать.

¹⁾ Пуль — деньги.

ключений.

— Что ему в тебе за корысть? — улыбнулся Федор. — Ему бы денег да барахла побольше.

— Ну, нет... За меня он и барахло все отдаст. Ведь это я ему нос то перебил.

— Когда? — поинтересовался Хан.

— Месяцев семь уже. Вот он меня и невидит. Он, слышь, клялся. Не поймаю. — говорит, — в ад пойду!

— Ну-у-у! — потянул носом Хан и закусил ус. — В ад пойду, — говорит...

— Слыхал я так... Вот и выходит, что уезжать мне надо...

— Что ж, — опять заговорил Федор, — через недельку и поедешь. А раньше как? Все равно дальше тугая не уедешь. Слаб ты. Крови вышло ми го...

Вошел Малай и бросил на пол звонкие, сухие дрова. Хан, сухо хихикнув, указал на него Вережкину:

— А вот это — Малай. Он чуть не застрелил тебя с крыши.

Малай сконфузился...

— Да с испугу курка не нашел, — безжалостно dokonчил Хан.

На другой день рано, когда чуть забелел восток, узбек принес лепешки. Когда он ушел, Вережкин досадливо сказал:

— Не нравится мне, что он меня видел...

— Не бойся, — сказал Федор. — Это — свой.

— Все они свои до первой плетки, — вставил Хан и укоризненно посмотрел на Федора.

6.

Такой уж несчастный был кишлак Кналы. В тихое, мирное утро посетил его Рахманкул во второй раз.

С ним приехало восемь джигитов. Рахманкул остановился в чайхане. Узбеки льстиво сложили под животом руки, мели бородами дорожную пыль и пласали их поблдневшие губы:

— Салаям Алейкум, таксыр Рахманкул...

Рахманкул был гневен, лицом темнев. Над переломленным шашкой носом, как овраги, глубокие залегли морщины, глаза он беспрестанно суживал, поглаживал острую рыжую бородку и пофыркивал носом. Его джи-

Пришел мулла, старый, седой и тучный. За ним два суфия на маленьких носилках принесли большую черную книгу.

гиты притихли: чуяли, что кому-то ужасно будет нынче от Рахманкула...

Перепуганный чайханщик подал Рахманкулу чай. Рахманкул выбил поднос у чайханщика из рук, а самому чайханщику, толстому Азazu, кулаком в кровь разбил лицо. Потом он распорядился позвать муллу.

Пришел мулла, тот самый, что хоронил убитых.

— Зачем ты оторвал меня от молитвы? — спросил он.

— Ты «их» хоронил?

— Я, — спокойно ответил мулла.

— Зачем? — голос Рахманкула был так зловец, что сразу опустела чайхана.

— Они были люди... Я всех хороню, — ответил мулла.

— А с кем ты говорил на кладбище?

— С богом.

— Еще?

— С людьми.

— Врешь, собачий сын, — рявкнул Рахманкул и, плотно сжав губы, выпятил вперед каменный свой подбородок.

Мулла вздрогнул и размеренно сказал:

— Пусть отсохнет твой грязный язык! С кем ты говоришь! Как ты смел сказать мне это! Мне—мулле, мюриду великого ишана Фазлия-Ахмеда ¹⁾).

Мулла пошел прочь от чайханы. Неумело мягким голосом Рахманкул остановил его:

— Отец! Что он здесь делал?

— Кто?

— Кяфир ²⁾, с которым ты говорил.

— Молился за тех, кого ты убил.

— Он кто?

— Не знаю... Человек...

Рахманкул замолчал и упер в землю тяжесть горящих черных глаз. Мулла пошел дальше. И когда он проходил между джигитами, будто ветер клонил их в поклонах. Они ловили руками халат муллы и после обтирали себе лица. Мулла был освящен праведностью и близостью к великому учителю Фазлию-Ахмеду.

Потом к Рахманкулу подвели желтого старика, который продал Федору лепешки.

— Кому ты продал хлеб?—спросил Рахманкул, и все съежились. Старик, ставший еще желтее от ужаса, ответил, низко поклонившись:

— Урусу.

— А ты разве не знаешь, что урусы—враги газавата?—установился Рахманкул в старика колючими, жесткими глазами.—Где он живет?

— Не знаю.

— Знаешь! Сказать не хочешь!

Старика схватили, стащили с него рубаху.

— Скажешь?—скверно улыбнулся Рахманкул.

— Хозяин,—жалко попытался улыбнуться старик и, скривив губы, для чего-то погладил себя по желтому, сухому телу:—Хозяин! Я не знаю.

— Ну!—кивнул джигитам Рахманкул. Киргиз взмахнул плеткой и перепоясал старика красным рубцом. У Рахманкула за щеками надулись, заиграли желваки. Он весь подался впе-

ред. Удары посыпались чаще. Старик сначала выль, потом упал и, не увертываясь уж больше, только старался спрятать лицо.

На спине выступила кровь, рубцы посинели, вздулись; похоже было, будто кто-то исчертил старику всю спину карандашом.

— Огнем!—крикнул Рахманкул. Киргиз сунул шомпол в огонь и приложил к спине старика. У старика голос сразу оборвался на пронзительном, иззубренном крике: он уже не кричал больше, а только гулко и странно сипел, дрожащим телом прижимался к пыльной дороге и бороздил пальцами сухую пыль.

Один из узбеков, перегнувшись пополам, приседая на каждом шагу, подошел к Рахманкулу и прошептал:

— Таксыр, он не знает...

— А ты...—свирепо начал Рахманкул, но узбек торопливо dokonчил:

— Его сын знает...

Старик поднял иссеченную голову и из глаз ненавистью облил узбека.

Сына джигиты нашли на женской половине: он спрятался за сундуками. Увидев избитого отца, сын весь осел сразу.

— Где живет урус, которому твой отец продал хлеб?

Сын молчал. Намеренно медленно Рахманкул вынул наган. Сын округлил глаза. Рахманкул с треском взвел курок.

— В тугае,—уронил сын.

— В тугае?—недоверчиво протянул Рахманкул.—Что же он там делает?

— Охотник.

— Какой?—удивился Рахманкул.— Он—солдат.

— Нет. Их трое. Охотники...

— Давно они здесь?

— С год. Ты еще не приходил.

— Почему ты не сказал мне раньше?

— Я не знал, что тебе нужно...

— А солдат где?

— Не знаю.

Сына взяли в плети. Он взвыл, упал на колени и, плача и запинаясь, рассказал, что в избушке, в тугае, было трое, а теперь четверо, и один носит солдатскую шапку.

Рахманкул не стал ждать плова. Он приказал джигиту посадить к себе на

¹⁾ Ишан—высший духовный сан у мусульман. Считается святым. Мюрид—ученик ишана.

²⁾ Кяфир—презрительное название христиан.

лошадь испуганного парня, чтобы тот показывал дорогу.

— Да примет худой ¹⁾ к себе их души,—прошептал избитый старик, глядя вслед мчащимся лошадям.

Посмотрел и заплакал...

7.

Федор не мог выдержать тихих этих вечеров. Сыр-Дарья по вечерам отражала закаты, и закаты были огненны. В далеких горах багровели, горели, искрились снега, к далеким, темным берегам торопил вечер день, и плакала глухим рокотом Дарья об уходящем дне.

Увидишь Федор нарезал прямых и гибких. Из хвоста возмущенного Веревкинского коня понадергал прозрачных, длинных волос и сплел упругие крепкие лесы. Проскользнула тихая и удачливая ночь. Поймал Федор и сазанов, и усачей, и даже какой-то дурашливый соменок ввалился по утра.

На рассвете Федор сидел, прилепив к подсечкам заспанные глаза. Не клевало. Он поставил удочки на живца, а сам лег спать.

Часа через три Федор проснулся, потянулся и глянул на солнце. Было около полудня. И вдруг Федор услышал дробный, четкий чекот копыт по дороге. Он прилег. Топот близился, слышался ясно, и Федор похолодел: мимо него проскакал отряд Рахманкула. Сам Рахманкул ехал впереди на белом, высокоом коне.

Всадники обогнули тугай и поехали песчаной целиной. Видно было только пыльное облако. Вот оно поплыло в сторону, пропало: отряд выехал на дорогу к избушке.

Удочки остались стоять на месте, задумчиво колыхая в воде иззубренные свои отражения, но Федора не было уже около них. Федор бросился в тугай, бежал без троп, царапали ветки волосатое его лицо. Рядом шла узкая тропинка, но она была в круговую, а Федору важен был ближайший путь.

И говорить не пришлось Федору, в чем дело. Пока он заваливал ворота, прибежали уже вооруженные Малай

и Хан и принесли Федору ружье и револьвер. Беревкин в избушке доковылял хромой ногой до угла, заткнул за пояс наган и зарядил винтовку.

Из тугая на полянку вынырнули из зелени двое киргиз и с гиком повернули на избушку, но из-за частотокола гукнули враз два выстрела, и оба киргиза свалились тут же, а испуганные их кони понеслись по тугаю, ломая сухую чащу.

Еще один всадник попытался выехать на полянку. Федор промахнулся, всадник торопливо повернул обратно, но бледный Малай засадил ему в спину заряд картечи.

Стихло. Безмолвная расплзлась по тугаю жуть. Больше не топали уж в тугае копыта, но в чаще тугая, сквозь колючие ветки, просовывались тонкие стальные дула, то же черные, как ветки, и, вот, из дул засыпал на избушку пули тугай. Некоторые пули попадали в стволы джиды, джида цвела, и от ударов сыпались с нее облака душистой пыли.

Из избушки ответы грохали редкие: скупились охотники на пули. Федор и Хан стояли рядом, стреляли картечью. Едва зашевелится куст в тугае—два свинцовых плевка настолом ложатся под куст, а что там—не видно. Может быть задержался убитый, может быть поежился живой и еще плотнее втиснул себя в землю...

Федор заметил волну качающихся кустов. Она вилась, подвигалась ближе к забору.

— С бонбой лезет,—серьезно и вполголоса сказал Хан. Федор нервно хихикнул и приложился. Целился он долго, на концах стволов тяжелого ружья сама сидела беззубая Смерть. Держит Федор Смерть на привязке, вот, вот, отпустит...

Отпустил... Лениво поплыло кверху белое облачко. Из кустов медленно встал человек, бессмысленно качнулся, махнул рукой, сделал неверных два, три шага и закричал неожиданно и пронзительно, и этот крик странно напоминал вой кабана, с кинжалом под лопаткой.

Человек рухнул лицом вниз. Только заметен был синий халат. Прошло

¹⁾ Худой - бог.

несколько длинных секунд, и бомба взорвалась, подняв густую тучу сухого песка и разбросав свистящие осколки. Через убитого из тугая запели пули, с дробным, барабанным треском застучали о частокол, и зафыркали, рикошетясь. Глухо треснул пробитый пузырь в окне хлевушка, и собаки в хлевушке залаяли и забеспокоились.

Пришел, ошираясь на винтовку, Веревкин. Попробовал стрелять стоя, чо сразу осел на большую ногу.

— А ты—через щель,—посоветовал ему Хан. Веревкин стал стрелять через щель.

Сзади легко вскрикнул Малай. Хан обернулся. Малай сидел на земле и сострадательно смотрел на растопыренную левую ладонь: какая-то шалая пуля начисто оторвала верхний сустав мизинца.

— Эх, враг!—вскрикнул Хан.— Как это тебя?

— С рикошета,—зло ответил Малай и указал на джиду, у которой сбоку пуля содрала кору...

... Басмачи замолчали. Замолчали и охотники. Залег перед избушкой тугай, как чуткий зверь; каждая винтовка в тугае — зуб звериный; у зверя зубы страшные, винтовки в тугае—страшнее, и каждая несет смерть...

— Чтой-то не так... Молчат,—подозрительно покрутил головой Федор.— Я на крышу слазю. Посмотрю.

— Осторожнее,—бросил вслед ему Хан.

По углу, где выступавшие бревна каркаса образовали лестницу, Федор залез на крышу, распластался за трубой и стал смотреть в тугай. Он увидел, как по дороге, быстро, ныряя в заросли, как зайцы в траве, промелькнули двое и скрылись.

Тугай лежал тихий и настороженный.

— Вот что,—шепнул Федор Хану,— за подмогой поехали...

— Ну-у-у?...

И лицо Хана сразу стало белым, а уши налились кровью.

— Что? Что?—переспросил Малай, тупо перебрасывая из руки в руку испачканное кровью ружье.

— Слышь, за подмогой поехали...

Постояли молча. Потом Хан выдвинулся из себя, так тяжело, словно у него на груди камни лежали:

— Смерть, значит...

— Так выходит.

— Всем,—вставил Веревкин и вдруг заговорил быстро и горячо:

— Огнем!—крикнул Рахманкул.

— Я говорил — ехать надо! А вы все одно: — обойдется, да обойдется!... Обошлись вот!... Я говорил!...

— Да что ты бормочешь: «говорил, говорил», — грубо перебил его Малай.— Говорил да и уезжал бы поскорей. Сидел вот, сволочь, да и нас подвел. Из-за тебя...

Малай осекся, увидя под носом вороненое дуло «маузера». Хан, красный, трясущийся от злобы, сдавленно выкрикнул, как харкнул:

— Замолчи, сукач! Башку размозжу! Ах ты, сволочь! У-ух!

И, не сдержавшись, ткнул Малая в губы концом «маузера». Потекла

кровь. Малай вытер ее рукавом и, не сказав ни слова, отошел в сторону и сел прямо на землю.

Хан облокотился спиной на джиду. Федор зорко наблюдал, сквозь щель в заборе. Наступило долгое молчание. Неожиданно, тихо заговорил Хан:

— Да... Всем не выбраться... А не всем. Двоим... Попытайтесь можно...

— Куда пытаться то? — спросил Федор.

— А через забор, — ответил Хан.

остаться и частой стрельбой отвлечь внимание нападающих, а остальным двоим — бежать через нору под забором в Баранью пещеру, что находилась в самой чаще тугая.

— Метнем, — как эхо отозвался Малай.

Киргиз сунул шомпол в огонь и приложил к спине крестьянина.

— Ошалел ты! Пока лезть будешь, десять раз сшибут. Смотри-ка!

Федор поднял над забором на палке свою шапку, и она сейчас же упала, пробитая в двух местах.

— Да не верхом, дурак, а низом...

И Хан рассказал свой план. Нужно было метать жребий. Кому выпадет —

— Втроем метнем, — сказал Хан.

— Почему? — живо и тревожно спросил Малай.

— Ему, — указал Хан на Веревкина, — надо в Баранью. Какой он защитник?

— Я что... Я — ничего. Я — крепкий... — начал было Веревкин, но Федор нетерпеливо перебил его:

— Молчи! Как общество решило, так тому и быть! Втроем мечем!

Малай покорно согласился и спросил:— Чем метать-то? В карты, что ли?

— Малай! Я не могу. Ты!.. — Тупо тукнул выстрел...

— Не за чем. Спичкой, — ответил Хан.

Малай достал коробку спичек.

— Нет, — сказал Хан. — Дай-ка Федору.

— А я что?

— На руку ты не чист, а дело сурьезное.

Федор вынул из коробки три спички и у одной отломил головку.

— Без головки кто вынет — в Баранью идет, — пояснил он и выпятил вперед громадный свой волосатый кулак, из которого торчали три красные кончика спичек.

— Кто первый?

Все промолчали.

— Кто?

— Я, — нервно шагнул вперед Малай. — Я вот сейчас... Нет... Лучше ты, Хан...

— Ну, я, так я, — ответил Хан, свернул ножку, закурил ее и, глубоко затянувшись, дрожащими пальцами сразу выхватил спичку и, широко раскрыв глаза, уставился на нее: спичка была без головки.

— Значит — мы, — тихо сказал Федор Малаю.

— Нет! Ты погоди! — по-бабьи затараторил Малай. — Ты покажи-ка спички!

— На, сволочь, смотри, — с холодной злобой ответил Федор и разжал кулак. Потом он свернул новый скруток

и закурил его одной из этих спичек. У Малая посерело лицо и, как свинец, помутнели глаза. Хан, посмотрев на него, сказал утешительно:

— Можя и мы не выберемса...

Малай не поднял головы...

8.

В одном месте, с задней стороны избушки, тугай подходил к забору плотную, через забор перевесила темно зеленые свои листья дикая груша, а кругом ее обхватила колючей стеной джида. Хан лопатой подрыл яму под забором.

— Ну, прощайте, — сказал он, возвратясь, и скривил губы. — Прощайте, братцы...

Целовались, и губы у Малая были холодные.

— Собак выпусти, — нетвердым голосом сказал Федор. Хан открыл хлевушек. Вышли грустные, с поджатыми хвостами, собаки. Хан побросал их через забор. Они не хотели уходить, жались к забору и жалобно выли. Из тугая стали стрелять, и они разбежались.

...Первым в лаз пролез Хан. Он долго молчал за забором, должно быть прислушивался и присматривался. Потом сипло шепнул:

— Ну, ты, вояка... Лезь...

Федор тревожно вслушивался в мутные тугайные шорохи. Время шло медленно, словно закованное в кандалы. Прошло с полчаса. Федор успокоенно сказал:

— Пронесло... Ушли...

И стал лихорадочно быстро стрелять. Из тугая не ответили. Федор тихо позвал.

— Малай!

— Здесь я.

— Ты что, вяленьй какой. Умирать, братец, всем надо. Авось... как знать, авось и нас вынесет...

— Авось? А если не авось! Тогда, как Климовых?!

— Боишься?... Улизнем, может. А ек выйдет... — тогда, по любви тебе говорю, — лучше сам себя стреляй! Тебе простится.

— А ты?

— Ну, обо мне иной разговор... Ты вот, Малай, не веришь в Бога. А я верю. По чистоте говорю, — Федор замялся... — По чистоте говорю — человека я убил, Малай. Вот зато мне мучение и пришло сейчас... Выкупи, значит, Федор, грех свой...

Малай судорожно усмехнулся.

— И ты убил, и Хан убил... А я вот до сих пор никого не убил. Сегодня только одного, ну, да это не в счет... За что же мне-то мучение?

Федор облизнул губы.

— Я, вот, и говорю, как набегут, так ты сам себя крой... В рот...

На низкий лоб Малай повисли космы черных, жестких волос, глаза не горели больше под бровями: глаза были тусклые, тоскливые, точь-в-точь, как у кабанов-подранков.

Вдруг Малай запрокинул голову и завыл по волчьи, но был день, — и из тугая не донеслось ответного воя.

— Придут волки, придут попозже, кровь лизать, — подумал Федор и содрогнулся...

Пришел заспанный кот и ласково стал тереться о ноги Федора. Федор долго и пристально смотрел на кота, выгибавшего спину, распушившего хвост и довольно урчавшего, поднял кота, поцеловал в шоколадный влажный нос, почесал коту за ухом, бе-

режно опустил его на землю и вынул револьвер.

— Не хочу, чтоб без меня... — пояснил он Малаю.

Кот сидел и вылизывал переднюю ногу. Федор прицелился. Опустил револьвер.

— Малай! Я не могу. Ты!...

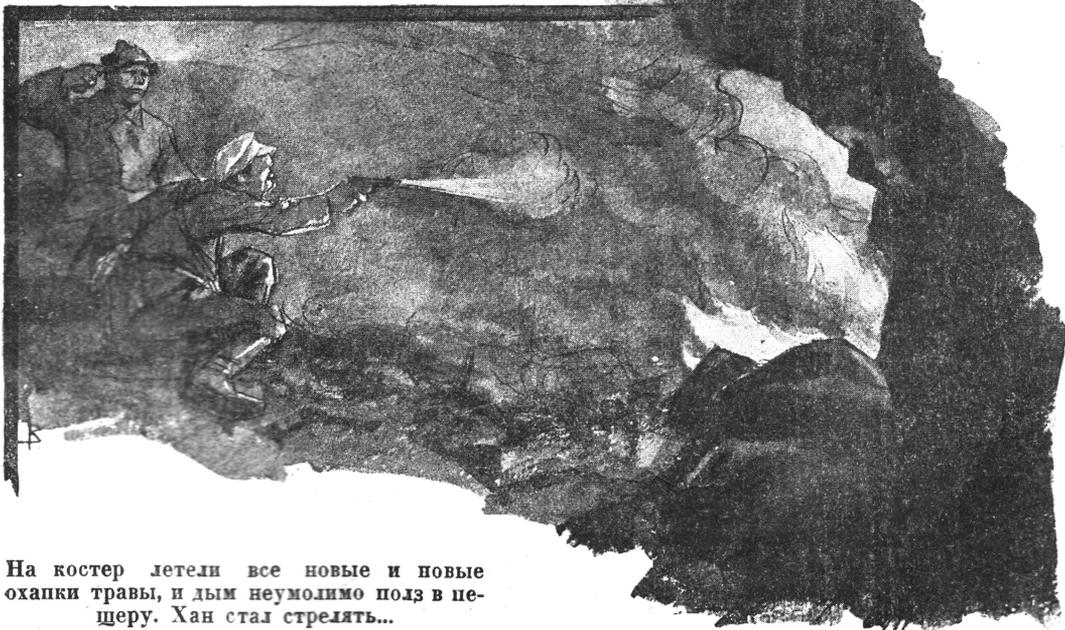
И отвернулся. Тупо тукнул выстрел, и кот задергался с раздробленной головой. Малай перекинул труп через забор...

...Скоро пришла басмачам подмога. Киргизы бросились на забор, как бешеные. Федор и Малай спрятались в избушку и стреляли из окон. Федора ранили в грудь, он упал. Дверь затрещала. Малай начал стрелять прямо в дверь. Сунул было в рот револьвер, но заколебался, а дверь хрустнула, затрещала, и с грохотом упала. Как шмели загудели киргизы. Малай успел выстрелить еще два раза, но тут же упал, оглушенный прикладом...

Допрос был на дворе.

— Сколько было всех? — бешено спрашивал Рахманкул, а Федор, заводя безумные свои глаза, измученно отвечал:

— Двое...

На костер летели все новые и новые охапки травы, и дым неумолимо полз в пещеру. Хан стал стрелять...

— Еще! — говорил Рахманкул, и Федора пытали по-новому. Он кричал от боли, ползал, распластавшись по земле, как громадная лягушка, стараясь увернуться от плетей и горячих шомполов, но некуда было увернуться: кругом стояла жесткая, жесткая стена, и шомпола с каким-то жужжащим шипением входили в тело легко, как в масло, прожигая кожу и обугливая мясо.

Потом Федору киргиз вспорол живот, и когда Федора оттаскивали в сторону, кишки волочились по песку.

Из хлевушка, где жили собаки, привели Малая. Увидев труп Федора, Малай весь задрожал.

— Сколько было? — спросил Рахманкул, и киргиз близко к глазам Малая поднес накаленный шомпол; шомпол шипел и искрился, горел тускло, кроваво, как звезда за туманом.

— Сколько? — повторил киргиз, и шомпол пополз к лицу Малая. Малай опасно взглянул на труп Федора и шипящим шопотом ответил:

— Четверо.

— Ага, — просил Рахманкул. — Солдат был?

— Был.

— Как звали? Веревкин?

— Да.

— Где он? — тяжело переводя дыхание, спросил Рахманкул.

— Здесь... Недалеко. В Бараньей пещере... Там еще с одним, Ханом...

— Проведешь нас...

Малай, низко наклонив голову, пошел в тугай, а за ним с шумом и гамом нестройной толпой двинулись басмачи...

У Веревкина рана от ходьбы открылась. Хан уложил его в пещере на листья, сам лег у входа. Когда началась стрельба, у Хана незаметно для него самого покатались по щекам крупные слезы...

— Поди уж нет их, сердечных...

— Стихло. Выстрелов больше не было.

— До вечера здесь лежать придется, — размышлял Хан, а сам зорко всматривался в густую зелень...

Он увидел: — по тропинке, ныряя в кустах, шли басмачи и их вел Малай.

У Хана закружилась голова, но он тут же оправился и, весь налитой сухим, холодным гневом, разрывной пулей ударил в Малая. Малай упал, взмахнул руками. Киргизы, припав к земле, поползли на выстрел. Хан забежал внутрь пещеры; ее выход светлел неровным кругом.

— Кто? — страшным голосом спросил Веревкин.

— Малай, сукач, — ответил Хан. — Я ему жаканку в брюхо вварил.

Выход заслонила чья-то фигура. Хан выстрелил. Фигура упала. И больше никто не осмеливался подойти.

— Только бы бомбу не бросили, — уронил Веревкин шопотом.

— Где у них бомбы - то, — также шопотом ответил Хан. — Ты не высывайся, а то пришибут...

Хан стал соображать. В пещере взять их без бомб нельзя, потому что лежали они за громадным глиняным выступом... Что же будет дальше? Неужели надеются взять измором... Но в пещере много черепов. Вода тоже есть там, в глубине... Зарядов хватит...

И в душе Хана опять закопошилась надежда.

Вдруг к выходу, со всех сторон, стали лететь комки сухой травы, сучьев, и, как огнем, ожег Веревкин криком:

— Выкурить хотят!!!

Куча росла... Вот по ней синий, бледный, побежал огонек, зашипели сырые листья, и по земле пополз толстый пласт серого, плотного, как войлок, дыма...

Веревкин закашлялся. Хан почти потерял голову, стал стрелять в кучу, но тонкие пули пронизывали кучу, даже не пошевелив ее. Враг был не видим, а с боков на костер летели все новые и новые охапки травы и листьев, и дым медленно, торжественно, неумолимо полз в пещеру и рассасывался мутным, серым, едким туманом. Веревкин жался все плотнее и плотнее к сырой земле пещеры, но дым настигал его и здесь, колдовал в груди тысячами иголок, щипал нос, глаза... Дым полз... Надо было дышать... Воздуха! Воздуха! Воздуха! Пещера становится все уже и уже... На-

двигаются, наклоняются, давят стены... а дым ползет попрежнему торжественно и плавно... Шумит в голове... Странный звон в ушах...

— Воздуха!!!

И неверной рукой Вережкин нащупал наган, вынул его, взвел курок и быстро выстрелил себе в лоб. Хан вздрогнул... Он тоже терял сознание. Кое-как он подобрал валяющийся около Вережкина наган, и с револьверами в обеих руках, как бык наклонив голову, ринулся к выходу. Выскочив, он засыпал пулями в обе стороны. Ошеломленные киргизы пятились. Хан побежал в кусты, но упал с пробитой спиной. Свет быстро

мерк перед его глазами, но он нашел силы встать на колени, и тут же другая пуля раздробила ему голову...

А когда синим, откуда-то из-за гор, пришел вечер, гореликрасные в тугае костры. Лениво перла по темному небу багряная, зловещая луна. Ночь настала тихая, белесая. В такие ночи любил раньше выть волком Малай.

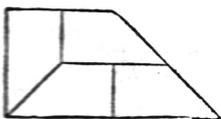
А удочки, что оставил на берегу Федор, нашел какой-то Киалинец и взял себе.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ.

Задача № 55.

Трапеция должна быть разрезана, как показано на этом рисунке.

Задача № 56.

№№ кирпичей — 1, 2, 3, 4, 5, 6
Число сосед. кирп. — 5, 6, 6, 7, 5, 4,
№№ кирпичей — 7, 8, 9, 10, 11, 12,
Число сосед. кирп. — 3, 4, 6, 5, 5, 5,
№№ кирпичей — 13, 14, 15, 16, 17, 18,
Число сосед. кирп. — 4, 3, 4, 3, 4, 2,
№№ кирпичей — 19, 20, 21, 22, 23, 24,
Число сосед. кирп. — 5, 2, 4, 5, 3, 4,
№№ кирпичей — 25, 26, 27, 28, 29,
Число сосед. кирп. — 6, 5, 5, 4, 8.

РАССКАЗ, ПРЕМИРОВАННЫЙ
НА ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ
«МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ» 1927 Г.

По регистрации **№ 361.**

Девиз: «Все к лучшему».

Иллюстрации С. ЛУЗАНОВА.

До самой середины зимы все шло по обыкновению.

Утром, когда синий полог рассвета еще не до краев поднят над просыпающимся городом, — Иван Егорыч обливался из-под крана ледяной водой и торопливо натягивал через голову вязаную блузу. Потом, завернув в газету что-нибудь съестное, спешил на завод.

Проходя по кухне, вежливо желал доброго утра хозяйке, Казимире Станиславовне. Она скромно запахивала капот, самовольно обнажающий ее грудь, похожую на поднявшееся тесто, и часто делала Ивану Егорычу замечания:

— Опять вы, пан Ян, весь пол забрызгали...

Перед работойпил чай в трактире против завода. Там охватывал знакомый гул голосов, запах только что выпеченного хлеба, постного масла и табачного дыма. Подсаживались приятели—кто с шуткой, кто с новостью. И, как жужжащий волчок, начинал вертеться беспокойный рабочий день. До часу одно и то же движение над станком. Напрягались мускулы. Ныло плечо. В час разжимались тиски над металлической глоткой за-

водского гудка и вырывался из нее сильный, долгий вопль. Обед—в том же трактире. Меньше смеху, чем утром. Шум голосов глуше. Устали. Не до шуток...

К концу, чтобы поднять настроение, хозяин заводит граммофон. Где-то далеко за металлической воронкой граммофона поет хор. Иван Егорыч любит песню. Положит ложку. Задумается и вспомнит жену Дуню, тихую и робкую, с белокурými, пушистыми волосами. За эти волосы ее в деревне «куделькою» прозвали... И сына Фильку вспомнит. Такой же тоненький и светлоглазый, как мать. И станет жаль обоих, захочется повидать.

Однажды решил—окончательно. К пасхе,—как раз год минет, как последний раз в деревне был,—ехать туда. По дороге с завода купил конверт и бумаги, чтобы в тот же вечер написать своим об этом.

Но ни в тот вечер, ни в другие не написал. Где там было не только писать, но и думать о жене и сыне! Разве до них было, когда... Когда налетел на Ивана Егорыча горячий ветер, подхватил, закружил так, что и дух захватило, и хмелем в голову ударило.

В первый раз увидел он в тот вечер хозяйкину сестру Ядвигу. Она стояла на подоконнике в его комнате и смятой бумагой протирала запыленные стекла.

Когда Иван Егорыч вошел, она мельком оглянулась и сказала с польским акцентом:

— Прощу прощенья, но сестра велела вымыть до-чисту.

И снова круто повернулась к стеклам. При этом движении верхняя юбка отлетела на мгновение в сторону и из-под нее мелькнули белые кружевные оборочки.

— Так-с,—произнес Иван Егорыч, задерживая взгляд на Ядвигиных локтях, покрытых темным пушком.

Сел у стола и тихонько посвистал.

— Прощу подать кувшин,—попросила Ядвига.

Иван Егорыч поднял кувшин.

— Да он пустой.

— Так надо налить в него воды,—сказала Ядвига и, как раз посредине той ее щеки, которая была видна Ивану Егорычу, появилась веселая подвижная ямочка.

Иван Егорыч пожал плечами, но в кухню пошел и вернулся с полным кувшином.

— Швыдче же,—топнула Ядвига ногой, обутой в черный туфель на изогнутом каблучке.

Обмакнула пальцы в протянутый кувшин и брызнула Ивану Егорычу в лицо. Он вздрогнул. От холодных ли брызг, от задорного ли Ядвигоного смеха. Поднял на нее серьезные глаза.

— Вы что же озорничаете?..

— Разве не можно пана трогать?

Она бросила тряпки и сверху вниз смотрела на Ивана Егорыча, дерзко выдерживая его пристальный взгляд.

— Можно, да только не для чего,—строго сказал он.

Но Ядвига заметила не строгий тон, а тот взгляд, которым он оглядел ее с головы до ног в щегольских туфлях. И, поправляя выбившиеся из-под красной косынки темные пряди волос, сказала с ласковой насмешкой:

— Прощу прощенья, пан. И за помощь благодарна.

— Какая там помощь? Я работу кончил, теперь отдыхать должен.

— И я зараз брошу. А только зачем вы на табурет сели? Я ж не могу с окна прыгать.

Долго потом не мог Иван Егорыч понять, как это тогда у него сорвалось:

— Давайте сниму.

А она точно обрадовалась. Горячими звеньями обвилась вокруг шеи Ивана Егорыча обнаженные выше локтя руки. Душистым дыханием защекотал лицо веселый смех:

— Да пустите же!

Опустил на пол, но рук не разжал.

— А зачем трогала?

— С ума вы сошли!—Гибко изогнувшись, вырвалась и убежала.

Вот с этого и пошло...

Завод, шумный трактир, товарищи,—все это больше не было тем, что наполняло жизнь Ивана Егорыча. Когда обращался к нему кто, он растерянно смотрел на спрашивающего, просил повторить вопрос, на шутки отмалчивался. В трактире жевал, что подавали, а когда возвращался в мастерскую, руки машинально производили привычные движения над станком. И сам Иван Егорыч казался себе механизмом, в котором маятником стучало сердце.

После трех маятник этот начинал давать перебой. Иван Егорыч все чаще вскидывал к закопченным часам быстрый взгляд. Вот уже короткая стрелка доползла до пяти. Теперь остановка за минутной. Она будто зацепилась за цифру «10». Нет, движется. И как только сравняется с черной точкой над двенадцатью, Иван Егорыч швырнет в ящик инструмент, нахлобучит кепку, пиджак на ходу натягивает.

— Постой, гудка не было еще,—крикнет кто-нибудь вслед.

Иван Егорыч молча ткнет пальцем вверх, на часы... и домой... домой.

В груди бьется уже не тоскливый маятник, а кажется Ивану Егорычу, что там у него птица крыльями взмахивает и от этого ему дышать нечем и лететь охота.

Войдет в кухню. С тех пор, как он сошелся с Ядвигой, Казимира не носила больше безрукавных и голоспанных капотов. И брызгать стала сер-

— Прощу прощения, но сестра велела вымыть до чисту.

дито, по-хозяйски. А ему не все ли равно, что она буркнет в ответ на его приветствие?

— Ядвига вернулась?—первым делом спросит он, и наклонит под кран разгоряченное лицо.

— Юш,—кинет Казимира и раздраженно прибавит:—до-то на самом деле, и пол. и стены все забрызганы. Так не можно, пан Ян...

— Какой я пан,—засмеется Иван Егорыч, фыркая над раковиной.

Ядвига любила шалить. Войдет Иван Егорыч в комнату, а она притаится за дверью и сзади запустит пальцы в его намокшие от умыванья волосы. А то притворится будто спит, и лишь только он нагнется к ней,—охватит шею и куснет за ухо.

Зато и попадало ей.

— Тебе, Януш, никакого инструмента не надо. Ты сталь, як дротину гнуть можешь,—говорила Ядвига, не умея пошевелиться в твердых тисках его рук.—Пусти, а то калеккой зробишь.

Иван Егорыч заглянет в глубину ее карих глаз и хочет сказать ей, что, если бы она из тончайшего стекла была сделана, и тогда не разбил бы он ее. Столько нежности у него, столько ласки—где же повредить!

Пришло время, когда Иван Егорыч захотел узнать прошлое Ядвиги.

— Я—одна, вот и все,—коротко отрезала она.

— Значит развелась с мужем?

— У нас, католиков, разводу не бывает,—уклончиво ответила она и сейчас же прибавила.—Але я ж не пытаю пана—есть у него жона, или нет. Раз ты со мной—то есть ты мой.

— Моя жена что... Ей лишь бы я сына не забывал. А она хоть и есть, да вроде как нет. Несмелая.

Все реже вспоминался Ивану Егорычу робкий облик Дуни—кудельки,—и Фильки, такого же белоголового, как мать. Все, что касалось деревни, будто подернулось густым паром. Ясно и понятно было только то, что хорошо ему, до жути хорошо здесь, с Ядвигой. И не понимал он, как это раньше могло быть, что он без Ядвиги жил, она без него!..

Работает, бывало, и на собрание пойдет, и над книгой подолгу сидит,

а все оставалось время, которое нечем было заполнить. А теперь о буднях и говорить нечего, как летели дни. А праздник настоящим праздником бывал. Очень любил Иван Егорыч ходить с Ядвигой в театр и кино. Гордился он ею. Ведь тоже баба, только из польской деревни, а какая вся складная, ловкая. Нарядится—все к лицу. Волосы у нее темные, она их белым шарфиком прикроет, к вишневному плагью палевую бархотку гранатовой брошкой прикрепит. Стан затянет—и полная грудь оттого еще пышней кажется. Работает на фабрике, но руки всегда белые и пахнут хорошо. Впрочем и вся она душистая.

— И где ты взялась такая?—вырывается иногда у Ивана Егорыча.

А она:

— Януш, коханий, Януш мой...

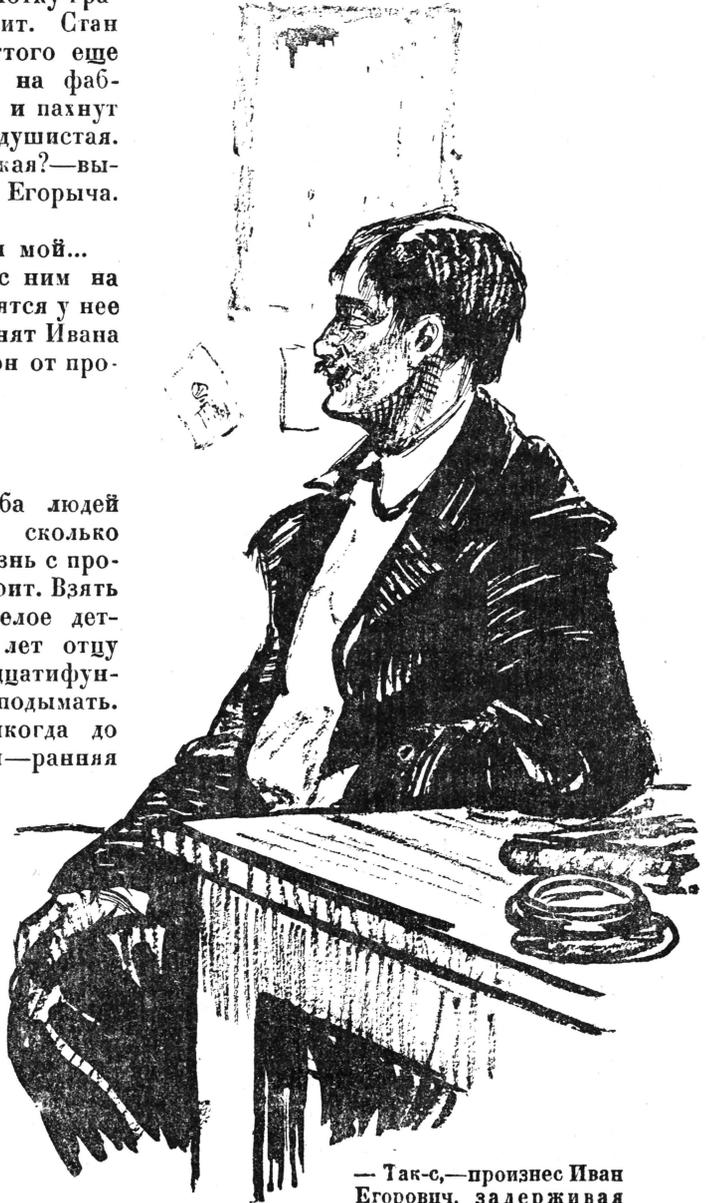
И упруго ступает рядом с ним на изогнутых каблучках. Искрятся у нее глаза, на щеках ямочки дразнят Ивана Егорыча, и часто слышит он от проходящих:

— Эх, хороша...

Своейравно оделяет судьба людей счастьем. Одному нивесть сколько пожалует, а другой всю жизнь с протянутой рукой перед нею стоит. Взять хоть Ивана Егорыча. Тяжелое детство в деревне. С десяти лет отцу в кузнице помогал. Пятнадцатифунтовый молот отец заставлял поднимать. Семья—большая. Хлеба никогда до новины не хватало. Потом—ранняя женитьба. Жена—не поймешь ее, ни ласки от нее, ни брани. Уехал с двадцати лет в Москву и вот шесть лет—с завода на завод. В деревне только на побывке бывал. И, хотя по Дуне не очень тосковал, городскими, доступными женщинами брезговал. И жил хмуро. Вот тут должно быть судьба заметила, что так не годится, и бросила Ивану Егорычу не полной пригоршней, а так—шепотку счастья. Но и она меж пальцев проскользнула.

Шел он с Ядвигой по бульвару, и радостно чувствовал теплоту ее плеча, крепко опиравшегося о его руку.

Навстречу—целая шеренга «галифе» защитного цвета. Один, в форме шофера, остановился перед Ядвигой и что-то сказал ей по-польски. Она вспыхнула, засмеялась коротко и оглянулась на Ивана Егорыча. Шофер, без улыбки, настойчиво сказал ей еще

— Так-с,—произнес Иван Егорович, задерживая взгляд на Ядвигиных локтях.

— Что-то на самом деле, и пол, и стены, все забрызгано. Так не можно, пан Ян...

несколько слов. Тогда Ядвига оставила руку Ивана Егорыча и повернула назад. Поляк быстрым шагом двинулся за ней.

Что-то рванулось в груди Ивана Егорыча им вслед. Потом пробежало к ногам и наполнило их холодной тяжестью. И весь он будто поledenел, так что, казалось, с места нельзя двинуться, непременно упадет. Но до скамейки дошел. И не помнит сколько просидел на ней. Только, когда подходил к дому, заметил, что на улицах совсем народу не видно, а фонари едва теплились. С тоской, будто в склеп, вошел в темную комнату. И вдруг услышал ровное дыхание. Не зажигая огня, бросился к кровати. Ну, да—она! Разве есть еще у кого-нибудь в целом свете такие косы, такая гладкая, горячая кожа... Спит, как всегда, лицом к стене. Наклонился, поцеловал, и мгновенно откинулся: пахло от горячих Ядвиговых губ вином. Снова склонился и цепко схватил за плечи.

— Что-то есть?—испуганно вскрикнула Ядвига.—Пусти... Больно...—она рванулась.

— Где шлялась? С кем пила?

— Ян, я до драки не привычна,—и так резко откинула его руку, что

он больно стукнулся локтем о железную спинку кровати.—Зараз зажги огонь...

Иван Егорыч зажег спичку. Ядвига, сдвинув брови, подбирала порванную в плече сорочку и ее обнаженная грудь сердито вздрагивала. Спичка, догорев, обожгла Ивану Егорычу пальцы. Он зажег другую и поднес к фитилю. Но стекло долго не попадало на горелку, и черная струйка копоти зазмеилась над желтым огнем.

Ядвига торопливо завязывала тесемки белой юбки с кружевными оборочками. Потом нагнула чулки и шелкнула резиновыми подвязками.

— Куда ты?

Она отвернулась, чтобы взять висевшую на стене юбку, и он увидел на ее плече и шее багровый отпечаток своих рук. Жалость клубком подкатила к сердцу.

— Ядя, Ягодка, ну, не обижайся!

Ядвига блеснула влажными от злых слез глазами.

— Грубиан, хам. Зобачь, цо зроби...

Она, закинув голову, взглянула на свое покрасневшее плечо и с силой оторвала болтавшееся под рукой кружево.

— А как я молчу, цо ты своей бабе деньги посылаешь? Я своими глазами квиток с почты видела. А мне не можно с знакомым прогулки иметь? Скажите, пожалуйста. Еще як бы ты мой муж был, а то может завтра баба твоя приедет и ты меня—долгой.

— Ядя, будто ты не знаешь...

Насилу помирились. Были два пункта мирного договора: Один:—купить кружевную косынку и настоящую пудру «Лебяжий пух» с таким же мылом—сравнительно легковосполнимый пункт: остаться на сверхурочную раза три, четыре. А вот другой пункт—тяжелый, трудный:—получить от жены развод и записаться с Ядвигой в Загсе. А то Казимира попрекает и насмехается, что Ядвига «так живет» с ним. Вот тогда Ядвига по настоящему будет—«як бога кохат Януща»... До тех же пор она—свободна.

И нередко стало выходить так, что вернется Иван Егорыч с завода, а Ядвига нет. Ждет ее до двенадцати, до

двух. Тоскует. Придет она, глаза блестят, пахнет духами... Сбросит с себя одежду и в одной рубашке садится ужинать. И будто не замечает его унылого лица. Смеется, рассказывает, что видела в цирке, кино.

— Да почему же ты мне не сказала, что пойдешь? И я бы...

— Что ты мне — муж, что я должна спрашивать тебя?—И нахмурится. Значит: напоминает о том тяжело исполнимом для Ивана Егорыча пункте.

И Иван Егорыч решил. Кубовым майским вечером провожала его Ядвига на вокзал. На извозчике они опять едва не поссорились. Не понравилось Ивану Егорычу новое платье на Ядвиге. Материя такая прозрачная, что просвечивают сквозь нее прошивки на рубашке и голубой бант на лифчике.

Ивану Егорычу даже показалось, что и извозчик оттого согласился за семь гривен вести их такую даль, что заметил этот голубой бант у Ядвиги. Время от времени он сердито взглядывал на Ядвигин профиль, особенно розовый под кружевной косынкой. Потом спросил:

— Ты что же это, на радостях, что меня провожаешь, вырядилась так-то наголо?

— А ты как разумеешь?—неопределенно улыбнулась Ядвига.

Не разберешь ее,—тоскливо подумал Иван Егорыч. И вдруг вспомнил, как дня три назад он встретил Ядвигу с тем самым высоким шофером, из-за которого произошла первая ссора. И как она убеждала его, что встретились они случайно, и при этом вот также непонятно—нето насмешливо, нето лукаво—улыбалась...

Он отодвинулся в угол сиденья. Но до его сжатой в кулак руки дотронулись шаловливые пальцы. От них теплые струйки полились в грудь, губы дрогнули и слетели с них нежные слова:

— Ядя, Ягодка моя...

На встречу шли галифе. Один, в форме шофера, сказал Ядвиге что-то по-польски.

В вагоне, на прощанье, хотел сказать ей о чем-то значительном, но не знал, совладеет ли с голосом. Слишком туго что-то сдавило горло. Мог только шепотом напомнить ей:

— Смотри ж, пиши, как я сказал... А я долго не пробуду. От силы недели полторы. Как устрою развод, так и назад.

Уходя из вагона, Ядвига вынула платочек и поднесла к глазам. Еще раз пахнуло от него на Ивана Егорыча «Лебяжьим пухом»... А через минуту фонарный столб, на который кокетливо облокотилась Ядвига, двинулся назад. Иван Егорыч прочистил локтем стекло и, глядя на медленно плывущую назад Москву, старался между рядов заводских труб распознать свою. Скорей всего, что вот это она, рядом с длинным кирпичным корпусом и деревянной вышкой. Теперь топка на фабрике нефтью, и дым от нее тяжелый. Висит тучей и подолгу не расходится.

Солнце садилось в облаках. На плотно синем небе белой запятой висел молодой месяц. Дрожа тянулась телеграфная проволока, похожая на нотные линейки, с чернеющими на них галками—нотами. В сумерках волновались в полях густые зеленя.

Ни в первый, ни в последующие дни Ивану Егорычу не пришлось говорить со своими по какому делу он приехал.

Попал он как раз на свадьбу своего младшего брата. А свадьбы в деревне Торжковой играли крикливо, суетно и подолгу. И хотя молодые в Волисполкоме расписывались, отцовские и дедовские обряды все же исполнялись. Начнут «запой» с девишника. Невеста вопит, а подружки-девки шушукуются и сокрушенно качают головами. Сваты «корят», конфузят молодых, прикладываясь к рюмкам... Гармонист из себя выходит. Гармонь к груди прижимает и на колено откидывает. Сваты, перевязанные по рукаву новыми платками, сами точно накрахмаленные, прямиком сидят по лавкам. Пальцы растопырят, упрут в колени, и ждут угощения. И всех, от малого до старого, надо накормить, напоить, да так, чтобы не осудили, что на свадьбу «капиталу» пожалели.

Иван Егорыч ушел от гостей пораньше и лег в амбаре, подостлав соломы. Во дворе, как другие, он не мог спать: прямо в лицо глядел месяц и мешал шум гульбы. Позвал с собой Фильку. Тот молча лег, ткнулся ему в плечо и засопел. Иван Егорыч погладил его по спине.

— Большущий ты стал мужик, Филька.

— Ничего, — вздохнул Филька. И опять молчание.

— В мать, видно, молчаливый вышел.

Позднее слышались у амбара шаги. Филька присел, прислушался. На пороге затемнел чей-то облик.

— Ну, теперь я к мамке пойду, — заявил Филька.

Зашелестела под его ножонками солома.

— Мамка, ты?

— Я, сынок.

Не спалось Ивану Егорычу. Пока перед глазами были люди, с которыми надо было говорить, пить и пить — легче было, — не так томила тоска по Ядвиге. А вот сейчас всплыла она перед глазами, дразнит его обманным сиянием глаз. Гонит сон. Мука думать о ней. Стал прислушиваться, к чему бы прицепить разгоряченные мысли.

На деревне тихо. Где-то равномерно повизгивало в телеге немазанное колесо. Под полом амбара возились мыши. И вдруг явственно слышался сонный Филькин голос:

— Мамка, ты чего реवेशь? Будя, а то и я зареву...

— Ш-ш, сынок, спи с богом.

— Мамка, а вить я ему нынче не молился, — признался Филька.

— Это зря, сынок...

— А я сейчас стану. Только не так как поп: «госпомилуй», а по своему, как надьсь.

— Ну-к, что ж...

Филька закрихтел, громко зевнул и заговорил лениво и мягко:

— Ты, бог, мамку и тятку миловай беспременно, потому как она, мамка, мать мне родная, а тятка картуз привез и ремень ракилованный. Такого-то ремня всю деревню обшарь — не сыщешь. Тетку Таньку тоже спасай, она завсегда молоко изпод коровы похлебать дает, и вишенья сухого в подол насыпет. А тетку Катьку не миловай и не спасай. На кой ее спасать? Что рубаху новую на свадьбу нарядить не дала?.. Ведьма эдакая.

— Цыц, сынок! — всхлипывая, оставила Дуня, — спи...

— Ладно, я и то об остальных не стану молить. Пушай сам как знает: хошь миловае, хошь нет.

Иван Егорыч беззвучно засмеялся.

— Ишь, жулик, — подумал он о сыне, — не то, что безбожник, а хватай выше — указания богу делает.

— Мамка, — уж совсем засыпая протянул Филька, — а мухи, небось, тоже молятся. Я видал: помахает против лобу лапкой и кланяется. И правда... Да ты щеку вытри, а то мокрая, — сердито прибавил он.

— Спи, спи, — в голосе Дуни кроме слез слышалась нежность. — Положь на плечо головенку, да и засни, глупенькой.

Утром отец Ивана Егорыча, без рубахи, в одних портках, долго хлюпался у колодца. Филька, не моргая, смотрел, как дед льет на седую голову и красную, в лиловых жилках, шею холодную воду. Такие добровольные муки были совершенно непостижимы для Фильки.

Потом вся семья, уже озабоченная, по будничному, завтракала свадебными остатками. Молодые сидели в сторонке. Старик первый встал и подошел к Ивану Егорычу.

— Дунька к своим тебя свести собирается. Ейная родня в обиде, почему, мол, зятек в свою сторону вернулся, а к нам и не объявляется. Сходить надобно.

Иван Егорыч взглянул на Дуню.

— Ты что не сама рассказываешь?

— Я не смею.

— Собирайся.

До брода шли молча. Филька, прищипывая в глиняный свисток, похожий одновременно и на собаку, и на петуха, бежал впереди.

— Давай отдохнем, — предложил Иван Егорыч, когда поднялись на крутой берег.

Он лег на траву и завинул руки за голову. Дуня присела на краю тропинки.

— Чем это так пахнет хорошо? — помолчав, спросил Иван Егорыч.

— Вишь, все в цвету, — поглаживая траву, сказала Дуня.

Земля цвела белым цветом гречихи и пестрыми мотыльками гороха, лиловыми звездочками картошки и желтоглазыми подсолнухами. Щебрец, пригретый солнцем, при каждом вздохе ветра лил целые ушаты аромата, от которого сладко делалось в горле и голова кружилась.

— Дуня, — позвал Иван Егорыч.

— Я тут, — чуть слышно ответила Дуня.

И оттого, что в голосе ее была настороженная тревога, Ивану Егорычу легче было начать. — Догадывается, значит, — решил он и, сразу, единым духом проговорил:

— Я с тобой жить не стану, отвык я от тебя. И от деревни отбилсЯ. Не нравится мне тут...

Дуня коротко вздохнула. Раз. Другой. Отщипнула пучек травы, изорвала в куски и бросила.

— Я и то примечаю что-то... — перевела дух. — А уж в деревне, известно, — какая жизнь. — И замолчала. Потом быстро поднялась и крикнула надтреснутым голосом:

— Филька, назад ступай. Домой вертаемся...

Иван Егорыч оперся на локоть.

— Постой. А как же к твоим? И не поговорили ведь...

— Что зрящие слова говорить? Все сказал. А к нашим — поспеем. С бедой придем — торопиться нечего.

И пошла назад, не оборачиваясь на ревущего Фильку. Конец ее розового фартука то и дело всплескивался парусом от колен к глазам. У Фильки одна штанина, намокшая при переходе через брод, спустилась и облепила худую ноженку.

Иван Егорыч смотрел им вслед, пока они не скрылись за недостроенной избой на том берегу. Потом

— Ты, бог, тетку Катьку не миловай и не спасай. На кой ее спасать?

взгляд его скользнул по лугу и задержался на белом, как большой ком ваты, гусе. Гусь вытянул одно крыло, прижал к нему оранжевую лапу и, изогнув гибкую шею, сердито теревил под крылом перья. Потом загоготал, взмахнул крыльями и грузно полетел к воде. Во все стороны понеслись от него белые пушинки и легкими одуванчиками закачались на зеленой траве...

Когда Иван Егорыч вернулся в избу, там было сумрачно. Молодежь уехала догуливать свадьбу к сватам. Отец что-то клепал у печи. На лавке за столом сидела Дуня. Филька ел кашу, старательно облизывая ложку.

— Дело, дело надумал сынок, — заговорил старик, как только Иван Егорыч вошел. — Мы по полвека с женой жили. И все ладно было. А но-

не—в обед сватал, а в полдни раз-
направилась... «Катись, мол, от меня».
Только, милый, вот что я тебе скажу:
ты там как знаешь, а только и нам
бабы твоей не надобно. У меня окромя
ее три снохи. А делов не так-то
много. И хоша бабенка она смирная,
а все—глотка. И опять же парень у
ней. А ты знаешь, что нонешний год
она со своей нормы и шести мер не
собрала, а картошку не садила вовсе.

— Зато наткала за всех,—с горечью
проговорила Дуня.— Сама кудель брала,
сама трепала, ноченьки напролет про-
сиживала.

И заплакала.

— Так-то, парень,—продолжал ста-
рик.—Уж вы сами обмозговывайте
дела-то свои.

— Обмозгуем,—хмуро ответил Иван
Егорыч.

Дня через два сидел он с женой у
Сарычева, своего тестя. Там вся родня
собралась на семейный совет. Сна-
чала погорячились. Чуть до драки не
дошло. Но дядя Митрий урезонил:

— Дело говорите. А брань—опосля.

— Жалко мне девку, что и гово-
рить,—вздыхал Дунин отец.—А куда
ее взять? Кабы мать ейная жива была,
а то от покойницы трое осталось,—
да взял молодуху с тройкой, сам во-
семь выходит. Своих девок сбить не
чаю как. А то Дуньку, отрезанный
ломоть, назад бери. Ишь, чего не
было! Да еще с парнишкой. То ска-
зывал—вернусь, избу поставлю, а то
вон что...

— Эдак и другие твои девки по-
выдут замуж, а там, гляди, и назад
в избу. Да еще с приплюдом. Корми,
дескать, батюшка,—насмешливо и
злобно сказала молодуха с истомлен-
ным лицом.

Дуня, прислонившись к косяку по-
рога, плакала.

— Насчет Хильки—это ты зря,
тетка Мархутка,—сказал дядя Мит-
рий,—разговор о бабе идет, а его мы
к себе взять согласны. Люди мы без-
детные, а он мальченка шустрый.
Пушай у нас живет, раз уж ему без-
отцовщина вышла.

Иван Егорыч встал. Душно ли стало
в избе от людей и клокочущего са-
мовара, а только, как больной зуб,
заныло сердце.

— Пойдем, что ли,—не глядя на
жену, позвал он.

Старик Сарычев вышел с дядей
Митрием проводить.

— Уж ты не того, а как следва-
ет, чтоб, значит, по хорошему,—говорил
Сарычев зятю, придерживая его за
рукав.

А дядя Митрий похлопал Дуню по
плечу:

— И право, Дунь, отдавай нам с
теткой парня, а сама куда хошь—
птица вольная.

— Куды я пойду, куды?..

Больше других сочувствовала Дуне
старшая сноха Татьяна. Вечером,
когда Дуня, искупав Фильку, чинила
ему рубаху, она под села к ней и за-
шептала:

— Говорю тебе, сбегай к бабке
Аксинье. Она его приворожит. Ак-
синья—она дока. Варьки мельниковой
муж девять годов без вести пропал,
а как прослышала Варька, что он в
австрийской стороне, сбегала к бабке.
А та ей: «Отдашь, гыть, мне двух
поросят, как свинья опоросится—
верну мужа». А Варьке, конечно, не
то, что двух, а на такое дело и тройку
не жаль. На Ивана Постного, гля-
дишь,—мужик ейный заявился. «За-
мучила, гыть, меня тоска, тянет до-
мой. Высох весь»... Пойдем, Дунь, а?

— Вот Хильку уложу, сбегаем,—
вздыхая, согласилась Дуня.

Бабка Аксинья сначала и пускать
не хотела. Бегаёт к ней бабье, бре-
шит, а потом с председателем Вол-
исполкома неприятность выходит. За-
чем, мол, народ морочишь... Насилу
умолили.

— С неделю, говоришь, туточка, а
—ни, ни... Ну, знамо дело, а у ево баба
есть.—Не пожалей подушалка, того,
что намедни в дерквы была. Изделаю,
что надо,—перемаргивая остатками
реденьких ресниц, сказала она.

Дуня взглянула на нее красными от слез глазами.

— Да он у меня один—разъединный, для праздника остался. Сама знаешь, в голодные годы все проели.

— Как знаешь, дефка, как знаешь,—опять заморгала Аксинья.

Татьяна подтолкнула коленом:

— Соглашайся, Дуняшка.

— И то,—вдохнула Дуня.

Старуха засуетилась. Достала из-под лавки глиняную плошку с чем-то зеленым, бросила в нее остаток восковой свечи и зажгла лучину.

Бабка Аксинья, вода над плошкой лучиной, начала шептать приворот...

— Масла коровьего принесла?

— Вот, бабушка.

— Клади на стол, да разверни на ем тряпицу.

Положив масла в плошку, стала водить над ней лучиной небольшими кругами, все быстрее и быстрее. Потом зашептала, шевеля тонкими, лиловыми губами:

— Умоюсь я росой, утрюсь престольной пеленою, пойду я из ворот в ворота, выйду в чистое поле, во зеленое поморье. Стану я на сырую землю, погляжу на сторонущку, где красное солнышко припекает мхи, болота, черные грязи. Так бы присы-

хал раб божий Иван об мне рабе божьей Дуняшке. Сердце—в сердце, думы—в думы. Спать бы не заспал. Гулять бы не загулял...

Женщины слушали, затаив дыхание.

Лучина погасла.

— Ну, вот, этим маслом смажешь ему сонному голову, а утром в кашу прибавишь эдак с ложечку.

— Бабушка, а вреда ему от этого

никакого не будет?—опасливо спросила Дуня.

— Ничаво не будет. Потоскует маленько, только и всего...

С вечера долго дождалась Дуня, пока уснула вся семья. Тогда, захватив принесенного от бабки Аксиньи масла, подкралась к амбару и притаилась у притоки. Из глубины амбара слышалось сонное дыхание Ивана Егорыча. Она шагнула через порог и на коленях подползла к мужу. Протянула в темноте руку, наткнулась на влажный, горячий лоб и сейчас же провела выше, по густым волосам. Иван Егорыч сначала пробормотал что-то непонятное, а потом ясно так и ласково:

— Ядя, Ягодка моя, желанная...

Дуня, как будто наткнувшись на что-то острое, резко откинулась и больно ударилась о закром.

Иван Егорыч проснулся от ее стона.

— Кто здесь?

— Я, Дуня.

— Зачем ты?

— Одежду хотела взять.

— А-а, а я думал... чего не следует.

— Да на кой ты мне нужен,—за-трепетав от обиды, проговорила Дуня. И, выпрямившись, пошла из амбара.

Уже несколько раз заходил Иван Егорыч в Волисполком насчет развода. А там все в бумагах неправильность находили и тянули день за днем. Не знали, что каждый лишний день без Ядвиги многого стоит Ивану Егорычу. А она, как нарочно, ни одного письмеца. И злитесь он на нее, и тоскует... Чтoб время обмануть пошел с отцом в кузницу. Старик, видимо, недоволен был сыном. Почти не разговаривал с ним. Даже от папироски отказался.

— Некогда нам табаки раскуривать...

И сердито опускал тяжелый молот на до-бела раскаленные подковы и сошники.

Иван Егорыч раздувал меха, клепал смычки на обручах. И вспоминалось ему невеселое детство... Часа в три прибежал Филька с горшком каши и краюхой хлеба.

— А тебя, тятка, из волости звали, мамка велела, чтоб шел. Письмо тебе, сказывают, пришло.

Иван Егорыч схватился за шапку.

— Ай, есть не станешь?—удивился отец.

— Куда там есть...

Запыхался так, что когда подошел к столу, где выдают письма, слова не мог выговорить и только руку протянул.

— Имеется для вас пакетик, да еще вон какой.

И, порывшись в ящике, почттарь протянул ему голубой конверт с отпечатавшимся на нем в уголку веночком из мелких роз.

Как голодная кошка мышенка, так схватил Иван Егорыч письмо и быстрыми шагами направился в поле. Там в глубине чьей-то межи разорвал заветный конверт. В середине тоже голубой листок с розочками и явственным запахом «Лебяжьего пуха».

Мгновенная радость, а за ней стон боли.

— «Януш, должна сообщить, что я уезжаю в Польшу. Думала, что никак этого не дожду, но чрез пана Кобецкого, ты его видел зо мною, весь наш эшалон беженцев получил пропуск. Прошу прощенья, а только без Польши не могу жить. Ядвига Вислодка».

Прочел. И еще раз начал: «Януш, должна сообщить»... Дальше не читал: будто толкнул кто-то сзади, — как стоял—упал грудью в траву. Руки затрепыхались, как крылья у подстреленной птицы, потом взметнулись к голове. Пальцы вцепились в волосы... Долго лежал так, уткнувшись лицом в землю. Потом зарычал, вскочил, и стал с корнем рвать высокую траву. Огнем горело сердце. Мутилось в голове. Но жгучая боль в руках заставила опомниться. Поднес их к лицу и увидел, что все они покрыты большими белыми волдырями.

Аршинная крапива густо росла по меже и терпеть не могла, чтоб ее беспокоили.

До ночи прометался по полю Иван Егорыч. Побродит, потом снова ляжет в траву и голову схватит. И всякой мушкарке начинает казаться, что он спит. Тогда и муравей бесцеремонно поползет по шее, и мотылек над самым затылком вьется. Но неожиданно Иван Егорыч вскочит на ноги и снова шагает, шагает.

Уже упала вечерняя роса и задымилась река, когда он вернулся домой. Никто его не окликнул, когда он проходил по двору к амбару. Там лег на солому и закрыл глаза. Почти тотчас же затопали по амбару босые ноги.

— Тятка, это я, Филька.

Иван Егорыч открыл глаза. Филька, шморгая носом, молча протянул ему кружку с молоком.

— Тетка Танька дала. Сичас только вадоила. Гляди—пузыри по им какие... Пей, ничаво...

Иван Егорыч сделал несколько жадных глотков.

— А тебе как же?

— Ничаво, хлебай. Я уж напился.

— Ложись со мной, Филя.

— Ну, к чтож? Ремень вот распояшу и лягу.

Через минуту приплюснул нос к отцовскому плечу и не слышал, как дрогнуло это плечо раз, и другой, и еще, и еще...

На рассвете Дуня, выгнав за ворота корову, сказала возившейся с тестом Татьяне:

— Гляди, чего наделала бабка Аксинья. Всю ноченьку маялся Ваня. То застонет, то схватится. Я думала: Хилька не беспокоит ли. Кликнула,— а он не пушает парня.

— Вот вишь, я тебе сказывала. Не бабка она, а колдунья настоящая.

— Сыми-ка мне зипун,—попросила Дуня. — Надо Хильку прикрыть, а то как бы не простыл. Нынче зорьки больно холодны стали.

Как ни осторожно ступала в темноте амбара, все-таки—задела плечом вилы и они упали, звякнув железом об пол.

— Ты, Дуня? — окликнул Иван Егорыч.

— Я, думала парня прикрыть.

— Поди сюда.

Когда присела на солому, положил голову к ней на колени. И обнял.

— Худенькая ты, как девченка...

— Горе хоть кого ссушит, голубь.—И заплакала.

Иван Егорыч приподнялся, прижался щекой к Дуниной щеке:

— Ну, да ладно. В Москву с собой заберу, там живо отойдешь.

Их слезы смешались. И были они, как первая оттепель после морозов. А за ними повелю тепло примирения.

Завтракали в тени у колодца.

Уже все знали, что Иван Егорыч и жену, и сына забирает с собой в Москву.

— Дело задумал, сынок, — опять проговорил старый кузнец, но уже совсем иным тоном, чем неделю назад.

И Филька тоже одобрительно глядел на отца. Помнил, что тот обещал свезти его в Москве в такое место, где всякое зверье и птицы в клетках сидят, и видмегь на задних лапах ходит...

— Дунька, — крикнул весело меньшей деверь, — ты что нарумянилась нынче?

— А тебе что? — отворачивая смеющееся лицо, ответила Дуня.

И вдруг вскочила и кинулась в избу. Там, став на колени, открыла сундук и достала из него голубой шерстяной полушалок с алыми цветами. Жалко стало платка, а все же надобно снести бабке Аксинье. Обещалась. Нечегс делать...

— И куда ей, старой, такой веселый платок? Цвет-то какой небесный!

В последний раз прикинула его к лицу перед кривым зеркальцем. Потом сложила аккуратно, сунула за пазуху и легким шагом пошла к воротам.

Филька оседлал сухой подсолнечный ствол и поскакал за ней вдогонку.

16 июля исполнилось два года со дня кончины известного писателя, драматурга и художника, Петра Петровича Гнедича. После него осталось 22 нигде не напечатанных и написанных за последние годы рас-

П. П. ГНЕДИЧ.

сказа, в жанре его когда-то шумевших «Песных Мух». Два рассказа приобрела редакция «Мира Приключений». В этом номере мы даем «Чортову карусель», а в следующем—второй, рассказ,—«Альтруист».

ЛЕНТА КИНЕМАТОГРАФА НАШИХ ДНЕЙ

Посмертный рассказ П. П. ГНЕДИЧА.

(Написан в 1920—1921 году).

Иллюстрации Н. М. КОЧЕРГИНА.

I.

У него была шатающаяся, неровная походка. Он так колыхался на твердо ступающих ногах, запрятанных в высокие, полустоптаные резиновые галоши, из которых сзади торчала малиновая суконная подкладка, как колыхаются только парализованные или контуженные в боях. Ему было лет за пятьдесят, борода у него шла клином, и в ней один клочок был седой. На носу у него помещалось пенсне, блестящее как золотое, хотя в сущности едва ли было сродни этому благородному металлу. Он был в теплой шапке какого-то эскимосского покроя, с ушами, как у легавого пса,

и в потертом рыжем пальто на вате, с поднятым пегим бархатным воротником.

Он поднялся по шести ступеням мокрого крыльца деревянного домика, с голыми, заблужившими деревьями за зеленым пожилым забором. На двери была криво прибитая медная доска с надписью «П. П. Пигунова». Он придавил пуговку электрического звонка, что круглилась сбоку, и, повернувшись к двери спиной стал ждать, когда ее откроют, все повторяя:

— Выгорит, не выгорит? Выгорит, не выгорит?

Он позвонил еще и еще. Послышались шаги. Кто-то торопился. Визгнула задвижка. Через цепочку задум-

чиво посмотрел на звонившего зеленый глаз. Гость ослабилась.

— Пелагея Павловна дома?—вкрадчиво, но с некоторой хрипотой спросил он,—я к ней.

Зеленоглазая девица как-будто проснулась. Она впустила его, но, повидимому, без особенного удовольствия. Он вошел в темную прихожую, снял галоши с малиновой подкладкой, снял рыжее пальто, раскатал шарф, которым была закутана его длинная, жилистая шея, вытер платком слезящиеся глаза и запотелые стекла пенсне, спросил «можно»? и вступил в гостиную.

II.

Гостиная была такой, как и полагалось ей быть в деревянном домике-особняке. На диване лежали три подушки. На вязаной скатерти стола стояла керосиновая лампа, и синяя змея с золотыми крапинками трижды обвивала ее мутно-серый резервуар. Над длинным палисандровым фортепиано висела картина, изображающая озеро Комо. Ниже озера, в кожаной раме с красными лепешками каких-то странных цветов, помещалась фотографическое изображение коротко стриженного старца, сердито смотревшего вдаль. Вошедший сел на стул у стола и кашлянул.

В воздухе пахло чем-то зловонным.

— Должно быть хлеба печет,—подумал он и проглотил слюни.—Выгорит, или не выгорит? Выгорит, или не выгорит?

Пелагея Павловна вошла, когда он выговаривал про себя слово «выгорит». Она тоже не очень обрадовалась при виде гостя. Она сделала кисло-сладкое лицо и сказала:

— А, чудо заморское!

Он вскочил со стула и стал пожимать ее толстые руки.

— Пелагея Павловна! Родная! Как поживаете? Давно собираюсь... Ну, как?

— С которых это пор я вам стала родная? Присядьте.

Она подозрительно посмотрела на его трясущуюся бороду и склерозный нос с сетью фиолетовых жилок, а сама села по другую сторону стола.

— Вчера я встретился с Флегонтом Егорычем, — начал он, захлебываясь и раскочиваясь.—Стал ему жаловаться на желтенькую жизнь, на скудность. А он и говорит: «Поезжайте к Пелагее Павловне. У нее чаша полная».

— Ишь какой! Откуда он это взял чашу полную?—воскликнула она.

— Стало быть знает, коли говорит.—Поезжайте, говорит, к ней, — она поделится.

— Так вот и поделитесь! Была нужда!

— Великая нужда, многотимая,—великая!

— А вы думаете, — другие не нуждаются?

— Какое мне дело до других, Пелагея Павловна? Мой желудок урчит,—мне это важно.

— А я вам ничего дать не могу!—отрезала она.

III.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Мне известно,—начал он,—что вы обладаете парой бурых холмогорских коров.

— Обладаю.

— Что они дают молока уйму. Больше того: вы имеете трех дойных коз.—Больше того: вы разводите сизых кроликов.

— Развожу. Но что ж из этого?

— Вы знаете мою маму?—Анну Ивановну Повал-Заливникову?

— Жива еще старушка?

— К сожалению, да. Говорю: «к сожалению», как любящий и почтительный сын. Лучше бы ей умереть пять лет назад, и не видеть того, что совершается вокруг: эту дьявольскую карусель.—Старушка в последнем градусе чахотки. Она сидит в двух шубах и кашляет, кашляет. День кашляет, ночь кашляет. Кто это сказал, Софокл, кажется: «счастливы те, кто совсем не рождался»?

— Это точно,—подтвердила она.

— Так вот, многотимая, и сел я на поезд, и полетел сюда, к вам,—не за себя просить, а за мою старушку. Не дайте умереть ей. Вы можете это. Вы можете помочь ей. И буренушки ваши могут, и козочки ваши могут. Из кроличьего пуха можно связать

такие варежки теплые... Я готов на коленки стать. Да. Я пред вами на коленках буду ползать. И позором это не считаю. Я для тапан это делаю. Сейчас встану.

— Только коленки себе утрудите. Все равно не дам.

— И для тапан? Какое у вас черствое сердце.

— Тут не в том дело, черствое оно или нет, — а ежели у меня столько потребителей, что не достает товара? А тут вдруг, на-ко, с неба свалился какой! Мать больна! Мало у кого мать больна! У меня, вон, мизинцы скрючили. Не то отморозила, не то с подагры. Ноне подагра на все места садится. У генеральши Изюмовой на язык села. Вон, у генеральши Изюмовой дети, тоже болящие, — так она мне по десяти рублей за козье молоко в день платит...

Он протянул руки.

— Вы, кажется, сомневаетесь в моих депансах? — воскликнул он. — Возьмите что хотите, я озолочу вас, но только поддержите старушку.

IV.

Она опять посмотрела на его потертый пиджак и рахитичный галстук, и брезгливо покачала головой.

— Это маленькими бумажками-то вы золотить меня будете? Так не надо. Что в них? Шип один.

Гость сдвинул брови.

— Однако же, почтеннейшая, — мы и за квартиру ими платим, и вот за билет в кассу я заплатил, — и взяли... И хлеба на них купить можно...

— Да вам что, собственно, надо? — спросила она не так уже сурово.

— Молочка! Маслица! Муки! Сахару! Она захохотала.

— Я сама сахарцу да мучки готова купить, — а не только от себя отделить. Вон, слышите звонок? Это генеральша пришла за своей порцией, с бутылочкой. И бумажку красненькую принесла. Она каждый день красненькую бумажку дает. Договор такой.

— Молочка, дайте от буренушки молочка! Пелагея Павловна, слезно прошу вас, — униженно. Представитель старого рода, которому восемь веков, — просит. Внемлите.

— Чего мне внимать? Катька, коли это генеральша, — проси прямо сюда, да отпусти ей, что полагается.

— Родная, вы уж и мне отпустите, что полагается... А то вот сейчас, сейчас, при генеральше, на коленях стоять буду, и лбом стучаться об пол, как старообрядцы перед Праскевой-пятницей...

Она строго сдвинула брови.

— А старообрядцев вы оставьте в спокойствии, — сурово сказала она: может, я сама старой веры?

Пенсне у него соскочило с носа.

— Простите, простите! я не знал! — залепетал он. — Я сам религиозный человек. Я с детства привержен к православияю.

В полутемной прихожей застучали бутылки, зашелестили платья. В гостиную вошла маленькая женщина с растерянным лицом и одной прямой, другой выведенной дугой бровью. Она держала головку на бочек и старалась сделать улыбку, как можно приятнее.

— Это опять я, — нежно заговорила она. — Я думаю, я вам так надоела?

— Что вы, генеральша! По нужде видимся. Позвольте познакомиться. Господин Заливников. Знакомы?

— Вы Марье Федоровне Заливиной не родственник? — осведомилась она.

Он присанился.

— То Заливины, — внушительно поправил он. — А я — Заливников. Я с Марией Федоровной даже не в свойстве, — продолжал он. — Она из рода Заливиных, а я — Повал-Заливников. Тот род новый. А наш — старый.

V.

— Ну, как ваши детки? — осведомилась хозяйка.

Генеральша махнула рукой.

— Не спрашивайте! Заботишься о них, ночи не спишь, а что будет — неизвестно. Куда мы идем? Вы, мосье, не знаете, куда мы идем?

Он изобразил на лице беспокойство.

— А кто же это знает?

— Никто не знает! Самое ужасное, что никто не знает! И самое ужасное, что нет прессы. А если б были га-

— Молочка, от буренушки, молочка! Представитель старого рода просит!

— Уж куда тут,—вставила Пелагея Павловна.

— А как же они объясняются? Полюбопытствовал Повал-Заливников.

— Я даже не могу повторить. Настолько это...

Генеральша развела руками.

— Настолько это дико и цинично.

зеты, было бы хуже, потому что мы умерли бы от горя. А теперь мы живем впотьмах, в склепе, и как будто на что-то надеемся. Как будто иногда что-то забрежит в далекой-далекой дали. Вам, Пелагея Павловна, не брежит иногда?

— Уж чего тут брежить! Козы, вон, трясут ушами, и так на тебя смотрят, что ажно жуть берет.

— Да, вы правы, — жуть берет. Особенно дети. Вот такая девочка, в фильдекосовых чулках идет по морозу и кричит: «я хочу призывности!». Так-таки и кричит: «я хо-чу призывности!» Я чуть бутылку не выронила. Хотела спросить: кто же твой папаша?—да махнула рукой. Теперь самое лучшее на все махнуть рукой.

— Я давно махнула, — подтвердила Пелагея Павловна.

— Три поколения испорчены. Ну, не три: скажем,—два. Два изъедено червоточинной в корне. У вас, monsieur, нет детей? Да, вы счастливы, что неженаты! Теперь дети,—это самый тяжелый крест. Особенно для вдов. Что дети видят, какой пример? И как странно нынче изъясняется молодежь в любви! В наше время так не изъяснялись!

У Повал затряслась борода. — Однако?

— Впрочем, извольте, я повторю. Ко мне приходит моя племянница Женичка, — она на курсах дикции и декламации. Так там подходит к ней один и говорит. Она ко мне прибежала вся в слезах... Говорит: «как бы я желал от вас иметь ребенка»...

Пелагея Павловна звонко захохотала, точно заржала лошадь в косяке.

— Ловко!—выговорила она, давась от смеха.—Что же Женичка?

— Женичка плачет! Прибежала ко мне и кричит: «тетенька, подумайте, подумайте!»

— А я бы взяла его за шиворот, да мордой в помойную яму, в помойную яму! — мечтала Пелагея Павловна.

VI.

— Да, теперь детей труднее воспитывать, чем когда-нибудь! У них мысли стали совсем не те, что должны быть у молодого поколения,—продолжала генеральша. — И такие странные все вопросы задают. Говорят слова такие, о которых мы и не слыхивали! Мне старший мой сын

говорит: если, «тамап, вы не дадите мне денег, то я принужден буду прибегнуть к преварикации».

— Скажите, какая неприятность!— удивилась Пелагея Павловна.

— Или, например, вдруг он говорит моему брату, Авдею Игнатьевичу, очень почтенному человеку: «у вас, говорит, дядя, мозговые центры расхлябались». Мы никогда не позволяли таких вокабул со старшими. Никогда!

— Да, нас за это драли!—согласилась хозяйка.

Гость как-то соннул одобрительно носом.

— Ужасно, ужасно,—куда мы идем, куда!— застонала генеральша, но, увидя, что белокурая девица принесла ей две склянки, полные молоком, вдруг оживилась и голос ее окреп:— тепленькое еще? Парное? Ах, как здорово! Как это здорово!—обрадовалась она.

— А кто виноват?—вдруг заговорил, почти закричал Заливников,—так, что зеленоглазая девица вздрогнула и с опаской на него посмотрела, точно он собирался прыгнуть в окошко.—Кто виноват? Мы виноваты! Мы копили наше бессилие, нашу лимфу целые века. На лежанках при Московских царях кислую капусту ели. При царице Анне у Курляндских конюхов пятаки лизали. Потом перед Аракчеевым во фронт стояли!.. Вот,— вот результат нашей слюнтявости и сопливости! Вот и казнимся! Нас чорт перевязал узлом, да и крутит, крутит...

Он показал жилистой тощей рукой, как чорт крутит.

— Так нам и надо! И чем хуже будет,—тем лучше! По делом, по делом! За грехи отцов! За грехи дедов!.. Пусть вся наша болотная гниль вымрет. Пусть народится новое, сильное племя...

— А масла приносить?—вдруг спросила девица.

VII.

Пелагея Павловна недовольно метнула на нее глазами: «дескать, вот, дура, не во время».

— Да, да, голубушка,—забеспокоилась генеральша.—Да, хоть полфун-

тика, хоть четверть... Нельзя без жиров жить! Прежде не замечали, а теперь чувствуешь, чувствуешь...

— У меня всего только два фунта сбито,—надувши губы сказала хозяйка.

Гость как-то икнул от восторга.

— Два фунта!—завопил он.— Два фунта?.. Один, один только фунтик попрошу, для бедной, умирающей старушки!.. Утром она открыла глазки и шепчет:—Маслица, маслица, маслица!..

Он поник головой. Глаза его увлажнились слезами.

— Madame la générale!—продолжал он.—Уступите мне на сегодня вашего масла...

— Ах, нет, нет!—замахала она руками.—Ах, нет! Я не могу!

— Вы видите меня,—я, старик, на колени готов пасть, чтоб матери привезти масла... Быть может завтра уже она будет там, где мы все будем. Последние вздохи ее земные я хочу облегчить... О, я вижу в вашем лице сострадание... Вижу! Катенька,—вы мне заверните маслица... Огвесьте фунтик...

— Вы—сын,—стояла на своем генеральша,—а я—мать.

— Madame la générale, — вы сами были дочерью когда-то. Станьте на мое место! Представьте, что оживите умирающие уста старушки. Старушка хорошего старого рода, всю жизнь сидела в пуху, и вдруг... Хотите, я на колени стану?

Он зашаркал ботинками мутного цвета по ковру, а обе женщины закричали:

— Ах, нет, нет!

А Пелагея Павловна прибавила:

— Пожалуйста без представлений!

VIII.

Когда Повал-Заливников вышел из особняка, сунув полтинник зеленоглазой девице, у него из карманов рыжего пальто торчали две бутылки, а в левой руке болталось полтора фунта масла. Он шел и подпрыгивал.

— Вот дурёхи! вот дурёхи!—повторял он.—И на стене—озеро Комо висит. Почему Комо? И зачем ей рояль палисандрового дерева?

Он шел по тающему снегу, мимо парка к вокзалу, и все бормотал:

— Пусть она слупила сто тридцать — пусть! Пусть слупила! Ах, дуреха!

Он вытаскивал ноги из куч, напоминающих разрыхленный сахар, смотрел на ворон, перелетавших с березы на березу, на окаменелого мальчишку, сидевшего на каких-то мешках, что везла шершавая, ободраная, но сытая лошаденка, и ему было весело.

— Пусть! пусть! Вот я сегодня потру продал миниатюрку, что купил в Париже, в лавченке возле Биржи, в переулке. Чорт его знает, какой-то генерал молодой... Я уверил Кояловича: — фамильная, мол, наша драгоценность... «Благословенный»... А почему «Благословенный»?

Он помахал свертком масла, оставившись на перекрестке.

— Это, — говорю, — писал Лаферьер. Коялович спрашивает: «кто такой Лаферьер»? — А я: «известный миниатюрист: родился в 1770 году, умер в 1819». — Так-таки сразу и выпалил. И отвалил восемьсот... А я заплатил пятнадцать франков...

Поезд стоял уныло, сумрачно. — Он забирал пассажиров для Петербурга. Ехало мало. Вот прошел толстый Абрам Владимирович Пробка с женой — дебелией, еще молодой, недуренькой, в чудесных каракулях. Пробка подал Заливникову полтора пальца:

— И вы едете? Мы первого класса.

— Да, и я еду. Я тоже первого класса.

— Тогда седаем вместе. Покалякаем.

IX.

— А это что у вас торчит? — спросила Пробка, которую звали Людмила Адамовной. — Молоко?

— Козье.

— Зачем же козье, когда есть коровье? — удивился Абрам Владимирович.

— Коровье, — лютеннейший Абрам Владимирович, — начало рыжее пальто, — в такой же пропорции стоит к козьему, как серебро к золоту.

Пробка широко раскрыл напухшие красные веки.

— И ну, отчего бы это так? Коза, — она ничего такого из себя не представляет.

— Извините: анализ говорит, что элементы, наиболее необходимые нашему организму, заключаются именно в козьем молоке.

— Это какие же такие элементы? Вы не стеснясь можете говорить, потому что я химик, и все формулы понимаю.

— Самое здоровое и питательное — человеческое молоко. Недаром природа назначила матерей — как лучших производителей для питания детей. Затем далее идет молоко ослиное и козье, — они наиболее приближаются к тому составу, что вырабатывается в человеческом организме. — А уж потом, на четвертом месте, стоит молоко коровье.

— Перваго раза, что я слышу! Надо завести козу. Людмилочка, — купим козу? И будем пить козино молоко? — А? Что?

Лицо Пробки вдруг осветилось сиянием.

— А что, если нам нанять двух кормилиц? — заговорил он. — За хорошую ставку можно доставать здоровую бабу. И кормить ее можно, и молоком от нее пользоваться. А? Что?

Людмила Адамовна изобразила отвращение.

— Ну уж, merci! Сам пей, коли тебе

— Пусть она слупила 130, — пусть! Ах, дуреха!

— И что такое козино молого?...

не противно, а меня избавь! Я эту мерзость глотать не буду.

— Почему мерзость? От козы не мерзость, — а от здоровой, крепкой женщины — мерзость?

Он посмаковал губами. — Не в чистом виде, а так — кисельком, бланманже? Шоколад на нем сварить. У нас есть запасы шоколада...

Людмила Адамовна сделала вид, что затыкает уши.

— Прошу тебя перестать! Меня начинает мутить, и все во мне поднимается до самого горла.

X.

— Да, козье молоко теперь очень дорого, — скорбно кляня носом воздух, — начал Заливников.

— А вы почему покупали? — поинтересовался Абрам.

— По семьдесят.

По лицу Пробки пробежала тень.

— Хорошая цена! — сообразил он.

Он погрузился в раздумье. Потом вдруг спросил:

— Может, вы одну бутылку переступите?

Заливников потряс отрицательно головой.

— Я бы сто дал, — соблазнил Пробка, и вынул из бумажника длинную

ленту новеньких двадцатирублевых этикеток... Не согласны? Не можете сделать такого одолжения для старого приятеля? Ну, Господь с вами!

— Хотите масла? Масла я продам... Дешево с вас возьму, — предложил Заливников.

— И чего мне масла! У нас у самих дома масла три пуда. А вот козино молоко, — это другого дела. Желаете сто двадцать?

— Двести давайте, — и то не возьму.

Пробка даже побледнел. Он спрятал бумажник в шубу и застегнулся.

— Как хотите! Я бы дал... сто двадцать...

Заливников потряс отрицательно головой.

— Не будем обэтом больше говорить.

Они замолчали. Людмила отвалилась в угол и закрыла глаза, чтобы не видеть ненавистных горлышек бутылок. Только мокрые колеса глухо рычали под ними, да где-то далеко-далеко свистел сильный гудок паровоза.

XI.

Они молчали. Как-будто ангел несогласия посеял между ними плевелы раздора. Вдруг Абрам наклонился к самому носу Заливникова.

— Ну, так и быть — сто сорок, — шепнул он.

Заливников засмеялся. — Да нет же! Я сказал вам...

Пробка в самом деле обиделся. Он отвалился в другую сторону дивана и сделал свирепое лицо.

— Я это не понимаю! — сказал он. — Не хотите сделать удовольствия для знакомых. Ведь я же могу на что-нибудь пригодиться.

Заливников ничего не ответил на это, а только сказал:

— Как стекла запотели, — ничего не видно, где мы едем.

— И зачем вы плюете в колодца, из которого может быть многого хорошего? — почти про себя заметил Пробка.

Жена его открыла один глаз.

— Ведь козье молоко сладкое? — спросила она.— Потому, ежели оно сладкое, так меньше в него пойдет сахару?

— Да, оно сладкое, — подтвердил Заливников.

— И что такое козино молоко? — пренебрежительно философствовал Абрам.— Почему за него можно платить, как за какой-нибудь коньяк или сгаровудку, бешеные деньги?

Повал строго посмотрел на него.

— Деньги платятся за редкость. Что встречается реже в торговле, то и ценится. Если б алмазы были величиной с булыжник и ими мостили улицы, они не были бы в той цене, что теперь.

Абрам значительно сжал губы.— Он знал, что чем больше конкурен-

ция, тем дешевле продукты, и только повторил:

— Да, надо завести козу. Настояльно надо. Необходимого дела! Ну, давайте кончать... Что? Я не постою за деньгами. Что?

XII.

— А сколько едет мешечников, — пренебрежительно заметил Повал, когда они выходили в Петербурге из вагона.— Надо прекратить эту чортову карусель. Подумайте, за пуд картофеля пятьсот рублей! Это ужасно!.. Это надо пресекать, пресекать!..

И он вечером подводил итоги в записной книжке:

— Миниатюра—восемьсот, молоко и масло... Итого барыша—тысяча сто в день... Недурно!.. Вот чортова карусель! Чортова!..

== ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ ==

ЧЕЛОВЕК-ЗВЕРИНЕЦ.

Доктор Яворский в Париже пользуется большой известностью в области изучения человеческой природы. Французская Академия Наук, как уверяют иностранные журналы, будто бы недавно признала (?) его теории. Доктор Яворский составил любопытное биологическое дерево для подтверждения своей теории, что человек не мог произойти от обезьяны, так как он представляет собою эволюцию тех же самых клеточек, которые заключали в себе зародыши жизни вообще. Д-р Яворский идет далее и утверждает, что не одна только обезьяна, но и все остальные животные в своих типичных особенностях и, главным образом, в функциях организма, представлены в теле человека.

Жизнь есть ряд движений, рождающихся

только по длине и качеству. Отсюда д-р Яворский делает вывод, что толчки прыжка кенгуру представлены в дыхании человека. Извилистое движение змеи находит себе также отражение во внутренних частях человека. Формация костей человека сохранила много общего не только с костями животных но даже рыбы.

В своих оригинальных чертежах — мы приводим здесь два из них — доктор Яворский показывает связь отправления человека с отправлениями других живых форм. Так, например, есть у него чертёж, где он показывает, что птицы, как и кенгуру, функционируют по образцу человеческих легких. Отсюда он приходит к заключению, что кенгуру и птицы происходят от однородных клеточек и только условия ответ-

ственные за разделение родов. Исследования Яворского привели его к выводу, что, «когда появился человек, последовало дальнейшее разделение особенностей вида, что функция клеточек была воспроизведена в этой новой жизненной форме, не меняя своего характера, и стала только высоко-специализированной функцией, амальгамированной с другими функционирующими клеточками в высоко развитом существе».

«Человек-зверинец» иллюстрирует теорию доктора Яворского, что каждый человеческий орган соответствует в своих функциях известным родам животной жизни, так что, по уверению Яворского: «человек — миниатюрное воспроизведение всей истории эволюции». На помещаемом рисунке д-ра Яворского ясно видно, что рука человека получилась от ракообразных животных, внутренности — воспроизведение пресмыкающегося, ухо — раковина, волосы — щетина дикобраза и т. д.

О биологических изысканиях доктора Яворского говорят очень много и пишут в специальном «Courrier Medical». Связь, найденная доктором Яворским между птицей и человеческими легкими, надумила его добыть сыворотку из птиц для лечения болезней дыхательных путей. Известная французская артистка Жанна Мариак будто бы служит примером очень удачного исцеления «птичьей сывороткой».

Принцип «Человека — зверинца» привел Яворского будто бы к открытию и нового способа омолаживания.

Сэр Джэгадис Боз поддерживает теорию Яворского тем, что все произрастающее в природе имеет механизм, соответствующий механизму человека. У растений есть, например, нервная система, растения, как и люди, страдают от потрясений и т. д.

Биологическое дерево доктора Яворского, по его мнению, выражает в конкретной форме эволюционное приспособление функ-

ционирования, выявляя прищип, что ни одна функция никогда не терялась, но воплощалась в наиболее развитом типе живого существа — в человеке.

«Биология, — говорит доктор Яворский в объяснение своих теорий, — освещает действия или, выражаясь более научно, функции всего живущего. Изучайте биологию, поймите ее, и вы увидите, что человек физически ничто иное, как совокупность проблем каждого вида».

«Уже давно известно, что можно изготовлять сыворотки из крови различных животных и что эти сыворотки благотворно влияют на людей. Взять хотя бы прививку, употребляемую при дифтерии. Я иду так далеко, что говорю, что мы современем в каждом животном будем находить лечение для большинства болезней».

«Изучая птиц, я нашел, что функции птицы сконцентрированы в легких человека. Я доказал пользу этого открытия тем, что добывал из птиц сыворотку, которая исцелила много воспалений в легких, астм и бронхитов».

«Но я должен, к сожалению, признать, что наши познания в области функций животных очень ограничены. Есть много видов животных, особен-

ные функции которых так мало поняты нами, что мы не можем найти в человеке их прототип. Но это, в конце концов, вопрос дальнейших исследований. Животный и растительный мир может быть охарактеризован, как ряд функций. Человек — воплощение и изменение этих функций. Поэтому человек — по крайней мере в настоящий момент, является верхней ветвью биологического дерева. И все же человек остается только ступенью в биологическом процессе».

Знакома наших читателей с новой теорией, нашумевшей теперь не только во Франции, но и в Америке, мы ставим ее на острие грани — «от фантазии к науке»...

